

Космос

10
ОКТАБРЬ
1967

ЛЕНИН В ВЫБОРГЕ

Юра Григорьев, 14 лет

**ВЫСТАВКА
„ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО“
В ГОСУДАРСТВЕННОМ
РУССКОМ МУЗЕЕ**

Костёр

10
ОКТАБРЬ
1967

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Камни Марсова поля

очерк М. ЛАЗАРЕВА 2

В белую ночь у костра

повесть Ю. КОРИНЦА 6

Взрыв

документальная повесть Г. ДУБИНИЧЕВА и
А. ХЛЕБНИКОВА 25

Приключения Васи Булкина в революционном Петрограде 28

Стихи

БАХТИЯР ВАГАБЗАДЕ 30

Дружба

пионерские диалоги 31

Тропинка на аэродром

рассказ В. КОЗЛОВА 33

В стране журавликов

очерк Л. СКОРИК 37

Самое первое начало

беседа М. МОХОВА 38

По Волге

путевые зарисовки 41

Клуб Жана Паганеля 42

Небесный торт

повесть-сказка ДЖАННИ РОДАРИ 45

Что? Где? Когда? Почему?

заметки, фото, рисунки 53

Операция „64“!!! 54

Морская газета 56

Школа „Спринт“ 58

Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА 60

Уголён

журнал для малышей 61

Уголок веселого архивариуса 64

«Двинулись мы ночью, ранней весной.
По заливу еще льдины ходили».

Читайте повесть Юрия Коринца
«В белую ночь у костра»

КАМНИ МАРСОВА ПОЛЯ

М. Лазарев

Гравюры В. Смирнова

Лев Владимирович Руднев стал архитектором в 1915 году. Два года он числился при мастерской крупного петроградского архитектора Ивана Александровича Фомина, но самостоятельно еще не строил. Если в мире война — у архитекторов мало работы.

В феврале 1917 года в столице России забурлили события, и не успел еще царь отречься от престола, как в Петрограде был уже объявлен конкурс на памятник героям февральского восстания.

НЕ ВЫРУБИТЬ ЛИ САД?

Жаркие споры идут в Петроградском Совете из-за места для братской могилы и памятника павшим.

— На главной площади города, — настаивают одни.

— Перед окнами Зимнего, где сидела «гидра» Романовых, — вторят другие.

У третьих замыслы шире: вырубить Александровский сад и создать перед Адмиралтейством площадь Свободы. Там, где она соединится с Сенатской площадью, поставить памятник декабристам, а на другом конце, у Дворцовой, — Февралю.

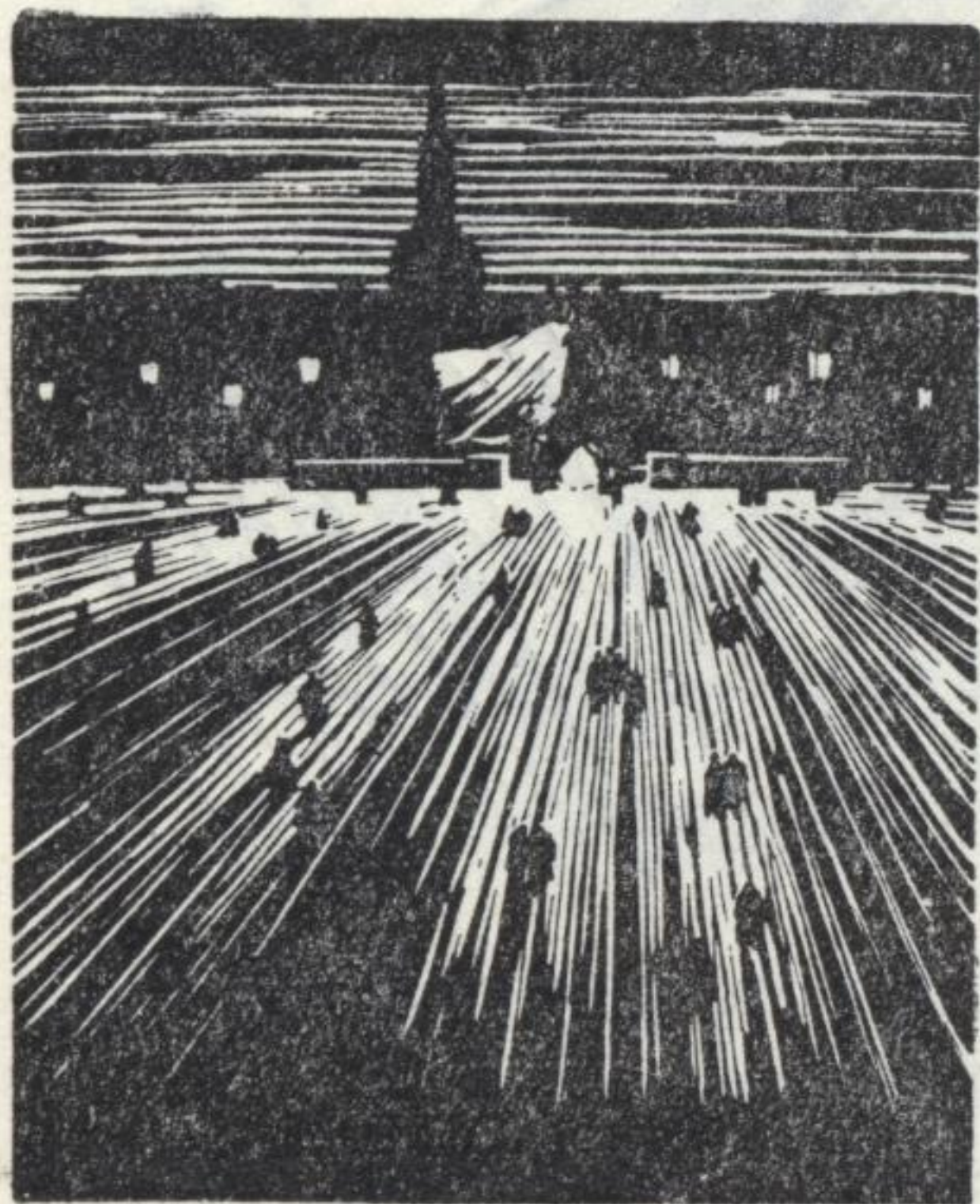
В революцию все решается очень быстро. На Дворцовой площади уже копают землю — пробуют грунт. Но архитекторы и художники возражают, и с ними согласен председатель похоронной комиссии — Алексей Максимович Горький. Менять облик Дворцовой площади нельзя — разрушится красота этого неповторимого архитектурного ансамбля.

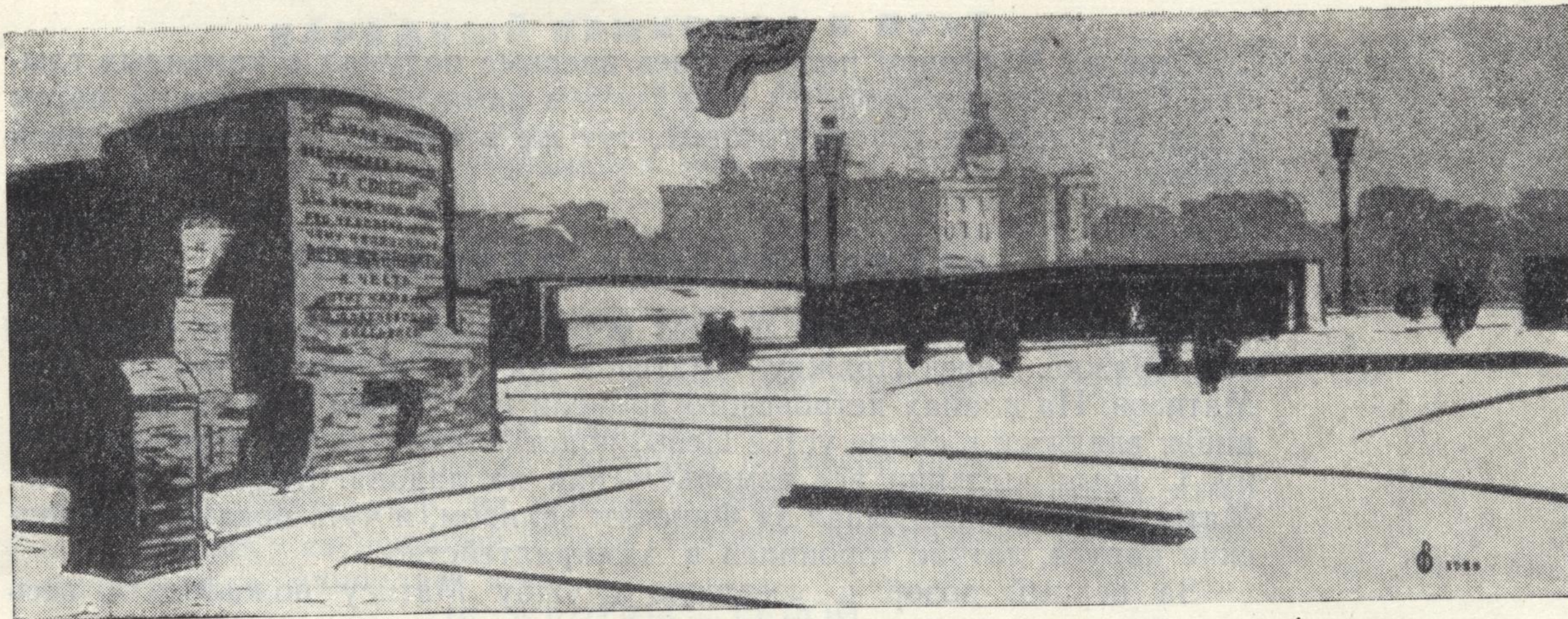
С Горьким во главе архитекторы и художники предлагают другое место. Разве не на Марсовом поле солдаты Павловского полка первыми среди царских войск перешли на сторону Революции? Разве не сюда выбежали они из казарм, когда узнали, что на улицах стреляют в народ? И разве не отсюда они ринулись на Невский, открыв огонь по конной полиции?

ПЕТЕРБУРГСКАЯ САХАРА

Когда-то Марсово поле было болотом. Его постепенно осушили, и на его месте расцвел сочный луг. Его назвали Царицыным. Потом его отвели под плац. Тогда-то он стал Марсовым полем и солдатские сапоги утоптали его до бетонной твердости. А когда стало не до парадов, про Марсово поле совсем забыли.

Оно лежало среди садов, очеркнутых прямыми каналами, перед зданиями, взявшими равнение на колоннаду Павловских казарм. Маленькая Суворовская площадь предместными воротами открывала выход к Неве. Золотистые шпили Инженерного замка и Петропавловской крепости подпирали небосвод. А само Марсово поле оставалось заброшенным пустырем. Питерцы прозвали его «петербургской Сахарой».

Архитекторы давно примеривались к «Сахаре». Возник было проект застроить Марсово поле зданием Государственной Думы; с началом войны о проекте забыли. Архитекторы не горевали, они не одобряли такой проект.

Теперь они пришли к новой власти с предложением, не похожим на прежние. И — убедили Совет.

Подготовить Марсово поле к общегражданским всенародным похоронам Совет поручил четверем архитекторам. Среди них оказался и Руднев.

НЕВИДАННОЕ ШЕСТВИЕ

В середине прямоугольного Марсова поля архитекторы очертили квадратную площадку. Днем и ночью полыхали здесь костры, но заледевшая утрамбованная земля не поддавалась ни лопате, ни лому. Вызвали саперов-подрывников. Без вызова — только давай работу — явились студенты. Приходили рабочие, солдаты. Марсово поле стало очень людным местом. Готовилась невиданная прощальная церемония. Приходилось спешить.

Ранним утром 23 марта 1917 года Руднев среди других членов комиссии стоял на Марсовом поле. Алексей Максимович Горький говорил прощальную речь:

«Вспомним сегодня о Радищеве и декабристах, о Шевченко и петрашевцах, о Герцене и героях «Земли и воли»... — Горький продолжал называть революционеров России, а мимо квадратной площадки, окруженной бруствером выкопанной земли, двигались нескончаемые колонны. Они начинались где-то на далеких заводских окраинах и текли по бесконечным петроградским проспектам — темные людские лавины, а над ними — ярко-красные угловатые гробы. Это под кумачом и венками несли своих павших товарищей рабочие и солдаты.

Надолго запомнил Петроград этот день. Колонны проходили с утра до темноты. Вступив на Марсово поле, замедляли шаги. Втыкали в насыпь древки знамен. Осторожно снимали с плеч свою ношу. Она медленно опускалась, исчезая из глаз. И тотчас в низком пасмурном небе отдавался орудийный раскат, а эхо, перелетев через крыши, ударяло по стеклам. Это салютовала героям Петропавловская крепость... И так — весь день, сто восемьдесят четыре раза.

Глядя на бесконечное движение, Руднев думал: хорошо, если бы эти люди пришли сюда снова. Со всех концов города сойдутся сюда петроградские пролетарии, принесут глыбы камня и вырежут на них героические надписи.

Стоя на Марсовом поле, Руднев впервые подумал о каменных глыбах. О тех, что хотелось бы водрузить в память об этом дне. А потом о тех, что лежали совсем готовые, тут же в городе, в устье вертлявой Мойки.

ОСТРОВ МАТИСА-МЕЛЬНИКА

Мойка впадает в Неву и близ устья отдает часть своей воды тихой Пряжке. Через Пряжку— Матисов мост. И остров за мостом тоже Матисов. На планах петровского времени на острове нарисованы мельницы: глядятся в самое устье Невы, подставляют крылья морскому ветру. С крыш мельниц все взморье — как на ладони. Местный мельник Матис зорко приглядывал за Финским заливом, и чуть покажутся шведские паруса, тотчас торопился в Адмиралтейство.

За верный дозор и усердную службу Матису пожаловали весь остров.

В те времена тропка от мельниц до города петляла среди болот. Столетием позже, в XIX веке, город вплотную приблизился к острову. На нем стали строить Буян — большой склад жира и сала. Постройку его поручили прославленному зодчему Томону.

Узким каналом Томон откусил оконечность Матисова острова. Поставил стены с величественными воротами. Причалы одел гранитом.

Но если первое здание, построенное Томоном в Петербурге, знаменитая Биржа, стало лучшим украшением города, то Буяну не повезло: он простоял чуть больше века. Стоять бы ему и дольше, но надвигалась мировая война. На верфи соседнего Галерного острова стало тесно от броненосцев и миноносцев, а жир и сало давно уже не считались важным товаром.

Завод перемахнул через неширокий канал. Напрасно архитекторы защищали творение Томона. Ворота и стены снесли. Причалы разобрали. На месте Буяна остались ненужные гранитные глыбы.

„ГОТОВЫЕ КАМНИ“

Спасибо Томону: среди войны и разрухи в руки архитектору давалось обилие вполне готового, прочного, истинно-питерского серо-красноватого гранита.

Больше месяца Руднев набрасывал эскизы на ватманские листы альбома. Подчищал. Исправлял. Припоминал погребальные сооружения разных времен, в разных странах, но то были памятники поработителям, завоевателям. Тем, кто лежал на Марсовом поле, не нужны стометровые пирамиды. Пусть будет надгробие скромное и суровое, как подвиг этих людей.

«Каждый из нас с первых дней революции хотел творить как-то по-новому», — говорил наставник Руднева архитектор И. А. Фомин. Но как трудно это давалось... Нет, далеко не всякое утро Руднев, просыпаясь, чувствовал себя уверенным и счастливым.

Сначала Руднев рисовал надгробия-кубы. Потом понял: гранитный куб ничего, кроме тяжеловесности, не выразит. Что если оставить свободной всю погребальную площадку, а ее стороны обнести ступенчатым валом — гранитной баррикадой?

Квадратное ограждение из гранита Руднев прервал четырьмя проходами для народа. Каждый торец ограды прикрыл вертикальными гранитными плитами. Надписей для них пока еще не было. Но надписи — дело не архитекторов, а поэтов.

На дворе стоял май 1917 года, когда Руднев запечатал конверт с рисунками и чертежами и написал на нем свой девиз: «Готовые камни».

НАРОДНЫЙ КОМИССАР И ПОЭТ

Из одиннадцати проектов конкурсная комиссия отметила только один. «Проект под девизом «Готовые камни» хорошо передает настроение суровой простоты...» — объявила комиссия и присудила Рудневу первую премию.

Вскоре приступили к работам. Начали класть фундамент и на подводах возить с Матисова острова гранитные блоки. Дело шло медленно. Временное правительство не торопилось...

Но уже в октябре 1917 года, чуть не сразу после взятия Зимнего, проект Руднева утвердили вновь — и прохожие стали замечать, как подрастает ступенчатое гранитное ограждение.

На Марсово поле приехал народный комиссар просвещения Луначарский. Сам литератор, он взялся за надписи для гранитных плит. Восемь торцов у ступенчатой ограды — значит, восемь плит, восемь надписей. Первая начиналась так:

«НЕ ЖЕРТВЫ — ГЕРОИ
ЛЕЖАТ ПОД ЭТОЙ МОГИЛОЙ...»

Эта каменная песня врезана в могучие плиты тонким и умным резцом хорошего художника Владимира Михайловича Конашевича. Читайте ее вслух, медленно и негромко, и строки зазвучат, как непреклонная поступь революционных рабочих колонн!

ПЛОЩАДЬ-САД

7 ноября 1919 года вновь ударили пушки Петропавловской крепости: памятник был открыт. Но на самом Марсовом поле оставалась все та же пыль. Первая государственная архитектурная мастерская под руководством архитектора Фомина занялась Марсовым полем и разработала план партерного парка — так называют парки с низкорослой растительностью. Отдельные группы кустарника не заслоняли вида на памятник, не закрывали обзора. Сады, линии зданий, золотистые шпильки — все оставалось как прежде. Все, кроме самой «Сахары».

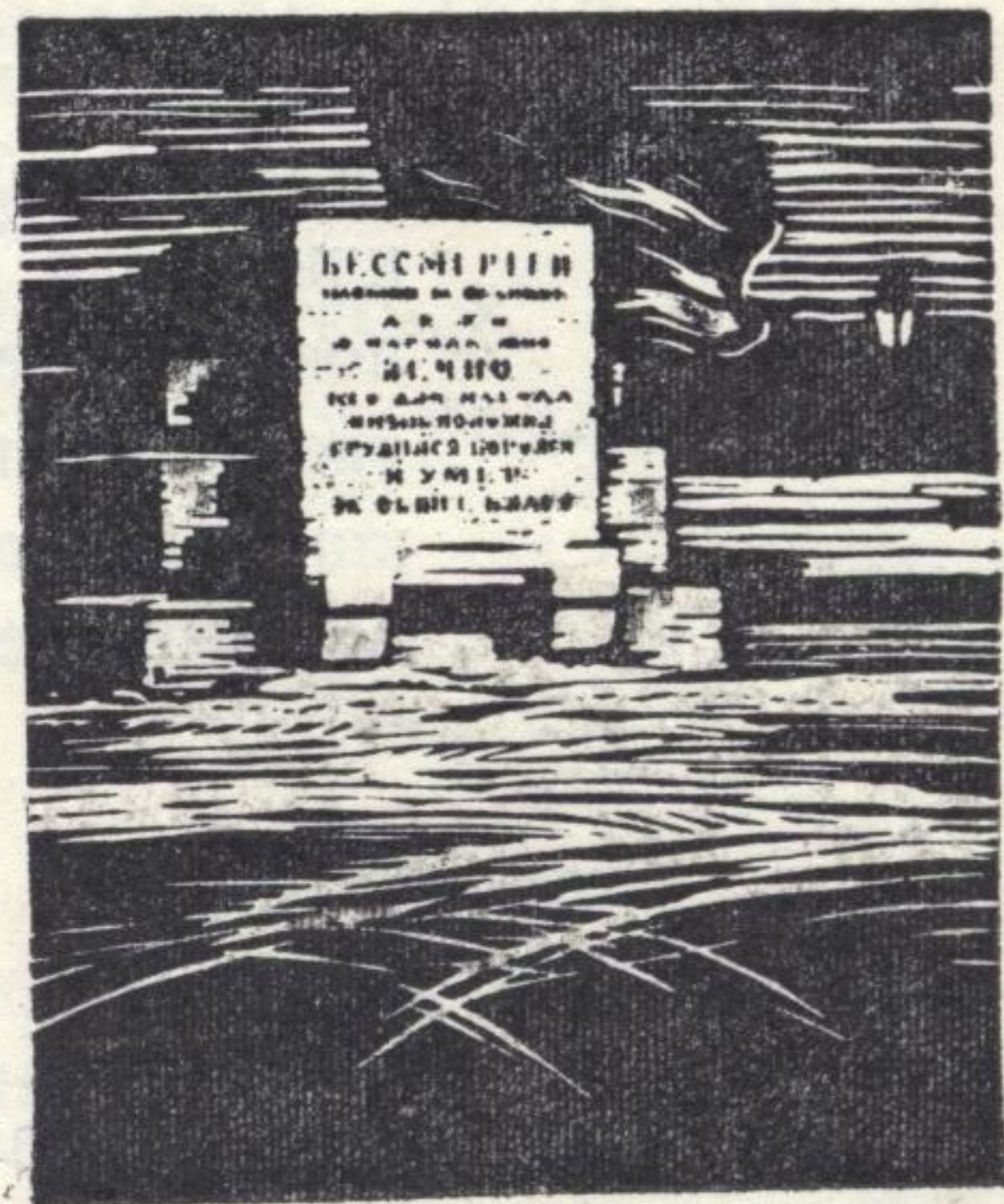
1 мая 1920 года петроградцы провели субботник. В один день — так получалось только в волшебных сказках — вокруг памятника возник парк, расчерченный линиями дорожек. Вскоре зазеленела трава, оделись листвою ветки кустарников. Марсово поле стало таким, каким мы его знаем.

ОГНИ МАРСОВА ПОЛЯ

В первые послереволюционные годы все питерские демонстрации привычно направлялись на Марсово поле. С 1920 года демонстранты стали ходить другим маршрутом. Лишь однажды, в жуткую январскую стужу, восемьсот тысяч ленинградцев, почти половина населения города, прошли в глубоком молчании через Марсово поле, и только шорох шагов да треск костров нарушали тишину, охватившую Ленинград. Было это 27 января 1924 года, в день, когда страна навсегда расставалась с Ильичом. На Марсовом поле горели 53 костра — столько лет прожил Ленин.

Будто от искр, долетевших из костров тех далеких лет, запылал среди Марсова поля неугасимый факел. Его отблески освещают гранитные ступени, ложатся на лица пришедших на Марсово поле людей.

Дни и ночи горит вечный огонь в память о героях революции.

В БЕЛУЮ НОЧЬ У КОСТРА

Юрий Коринец

Рисунки С. Острова

В прошлом году в «Костре» была напечатана повесть Юрия Коринца «Там, вдали за рекой». Эта повесть получила первую премию на всероссийском конкурсе на лучшую книгу для детей, посвященном 50-летию Великого Октября. Многие наши читатели полюбили ее героев — Мишу и его дядю Петра Ивановича Феденко, неутомимого фантазера и отличного человека. Теперь вы снова встретитесь с ними — уже во второй книге повести. Эту часть мы печатаем с некоторыми сокращениями, полностью она будет выпущена издательством «Детская литература» в 1968 году.

ЧЕТЫРЕ СОЛНЦА

Река не хотела спать. Она неслась через каменные пороги и ревела, вся в пене. Над порогами в облаках брызг стояли маленькие радуги — как ворота в невидимый мир. Из ворот то и дело выпрыгивали форели — они охотились за

насекомыми. Над рекой кувыркались одинокие чайки, а на уровне облаков парили неподвижные коршуны.

Река спешила к морю, которое было уже недалеко, но которого не было видно из-за леса.

Лес карабкался вокруг по сопкам: он подходил к самой реке, цеплялся корнями за валуны и заглядывал в речные водовороты.

И солнце не хотело спать — день и ночь кружилось оно над рекой и сопками, поднимаясь и опускаясь, заливая все своим светом. Днем еще были тени — от камней, от травы, от деревьев, — а ночью не было даже теней. Казалось, все светится: земля, камни, деревья, вода, воздух, не говоря уже о солнце, луне и звездах — луна и звезды тоже были видны, когда солнце снимало золотой венец и отдыхало, опустившись к сопкам.

Иногда мне даже казалось, что в небе горят четыре солнца. Объяснить это трудно, но это было именно так: когда я смотрел на небо, я видел только одно солнце, но когда я закрывал глаза или когда не смотрел на солнце, *а просто думал о нем*, у меня было такое впечатление, что в небе горят четыре солнца!

Все это было удивительно.

Удивительно было также, что дядя вернулся из Испании, с гражданской войны, целым и невредимым. Правда, он был ранен — но это не в счет, как говорил сам дядя. После Испании он взял длительный отпуск, и мы сразу приехали сюда.

Я жил здесь всего третий день — здесь, на Севере, на Кольском полуострове, на реке Ниве, — а впечатлений у меня было столько, что я был как бы не в себе. Так сказал дядя. Сам-то он был в себе, он всегда был в себе, да и был он здесь не первый раз.

Зато Чанг тоже был не в себе: он день и ночь носился с лаем по берегу. Он был возбужден до крайности. Я тоже. Дядя сказал, что это от солнца. Хотя на дядю солнце не влияло: он был спокоен, как всегда.

Все эти три дня дядя учил меня закидывать нахлыст — пятиметровую удочку для ловли на искусственную мушку. Мне хотелось сразу закинуть свой нахлыст в реку, но дядя не разрешал. Я должен был сначала научиться обращению с нахлыстом. Я должен был научиться так забрасывать свою снасть, чтобы не зацепляться леской за деревья и попадать точно в цель. А это не просто.

Я стоял на высоком камне, а в двадцати

метрах от меня дядя расстелил на траве носовой платок, и я должен был попасть красной тряпochкой, привязанной к концу лески, в этот платок. Сначала леска у меня все время путалась, я зацеплял за деревья, кусты, траву, я попадал куда угодно, только не в этот платок. Наконец сегодня я добился успеха — я стал попадать точно в платок! Дядя сказал, что у меня талант: я научился этому очень быстро. Не то что некоторые.

Зато я порядочно измотался: у меня болели руки и спина. И немножко кружилась голова. Но это все чепуха, потому что *завтра все начнется*: я буду ловить форель, а дядя семгу. Но это завтра, все самое лучшее почти всегда начинается завтра, а сейчас мы отдыхали вокруг костра, сидя на камнях, поросших мхом: дядя, Чанг и я.

Низко над лесом горело красное солнце, а повыше — бледная луна, а еще повыше — три бледных звездочки, а прямо перед нами горел костер, тоже совсем бледный, такой бледный, что сквозь пламя видны были пенистая река и лес на другом берегу. В ушах все время стоял рев реки, не умолкавший ни на секунду.

— Полночь, — сказал дядя, взглянув на часы.

— Я так устал, — сказал я. — А спать не могу.

Чанг смотрел на солнце, вывалив язык и оскалив клыки: он тоже устал.

— Доннерветтер! — засмеялся дядя. — Это не удивительно! Здесь, за полярным кругом, летом почти не спят. Так влияет незаходящее солнце. Отсыпаются зимой, когда ночь длится шесть месяцев. Я знал, что так будет — ты не сможешь спать, — и вот что придумал: я буду рассказывать тебе у костра разные истории...

Дядя подкинул в костер несколько можжевеловых сучьев: когда они горят, они распространяют замечательный запах. Дядя сказал, что так пахнут самые лучшие французские духи. Вот какой это запах!

Потом дядя закурил свою трубку.

— Слушай первую историю, — сказал он, — она называется...

МАХАОН

Жил-был один маленький мальчик, совсем-совсем маленький, и был он хилым и слабым, но на роду ему было написано стать Неистребимым!

— Как «на роду написано»? — перебил я. — Когда он родился, на нем что-то было написано?

— Ничего на нем не было написано! — сказал дядя. — Это надо понимать в переносном смысле. А вообще-то каждому что-нибудь написано на роду...

— И мне тоже?

— И тебе тоже.

— А что мне написано?

— Узнаешь, когда вырастешь, — улыбнулся дядя. — Отец мальчика был старый человек, запорожский казак. Когда-то он служил в казачьей сотне, а под старость стал стационарным смотрителем на Северном Кавказе. Жили они одиноко — отец, мать и сын — в маленькой избушке на краю дороги. Примерно так, как живут сейчас путевые обходчики. Только путевые обходчики живут на железной дороге, по которой то и дело с грохотом проносятся поезда, а они жили на тракте — на почтовой дороге, по которой катились ямщицкие тройки. Помнишь «Генерала Топтыгина»? Там описан стационарный смотритель. Вот таким и был отец малыша.

Вокруг было тихо, безлюдно. Изредка на тракте показывалась тройка, смотритель менял лошадей — усталых ставили в конюшню, запрягали свежих, — раздавался звон бубенцов, и тройка уносилась вдаль.

Вокруг шумели леса, хмурились горы, покрытые облаками и тучами, а сразу за домом грохотала горная речка, такая же бурная, как эта (дядя глянул на Ниву, которая немолчно шумела под берегом). Вокруг дома бродили стаи уток, кур и гусей. Их у смотрителя было столько, что он не знал им числа. Когда мать мальчишки выходила во двор с полным решетом пшеницы, чтобы их покормить, и они сбегались к ней со всех сторон — казалось, что бушуют огромные хлопья снега! Привыкнув к вольной жизни, они стали совершенно дикими: когда надо было зажарить гуся или курицу, смотритель выходил из дому с ружьем и палил в них прямо с крыльца.

Сын смотрителя сам походил на одичавшего гусенка: с утра до вечера околачивался он во дворе — сначала ползал, потом встал на четвереньки, потом на ноги... он повторил в своем развитии историю человечества... но не буду забегать вперед!

Мальчик получил прекрасное воспитание: его никогда не ставили в угол, не пичкали сладостями, не прищипывали к нянькиному подолу, не запирали в душной комнате. Ему была предоставлена полная свобода! Даже более того: иногда это была свобода принудительная...

— Как — «принудительная»?

— Очень просто! Иногда человеку прививают свободу помимо его воли. Делается это из высших соображений и опять-таки ему на пользу. Так, например, когда мальчику исполнилось три года, отец привязал его к спине лошади и пустил ее рысью. Мальчик испугался и заревел. Но лошадь — а это была очень умная лошадь! — покатила мальчишку по лугу и вернулась домой. Так смотритель проделал несколько раз, пока мальчик перестал бояться

лошади и научился ездить сам — не привязанный и без седла.

В другой раз отец сел с мальчиком в лодку, отплыл от берега и бросил его, раздетого, на глубоком месте в воду. Мальчик опять страшно испугался, но реветь он не мог, потому что сразу нахлебался воды. Отчаянно барахтаясь, он выскочил на поверхность и поплыл, как собака, выпучив глаза и беспорядочно ударяя по воде руками и ногами. Так он научился плавать.

Но самое интересное случилось с ним, когда ему исполнилось четыре года! *Чтобы стать Неистребимым*, надо, чтобы с тобой случилось нечто ужасное! И чем скорее, тем лучше! Можно, конечно, погибнуть. Но уж если ты выживешь, станешь Неистребимым.

Дядя на минуту задумался, потом продолжал:

— Весна в тот год была чрезвычайно ранней и дружной. Прошли короткие сильные ливни, промыли землю, и из нее полезла трава. От земли поднимался пар, с гор бежали мутные потоки.

Мальчик играл на солнцепеке с гусятами, гоняясь за ними с прутиком, как вдруг он заметил бабочку. Это была одна из первых весенних бабочек — огромный махаон.

Махаон сидел на камне, чуть поводя крыльшками, распластанными в солнечных лучах. Он грелся. Мальчик подкрался к нему, протянув руку и сложив пальцы ложечкой, чтобы его прихлопнуть, но махаон взмыл в воздух и, отлетев немного, уселся на другом камне.

Он заманивал мальчика в лес!

— Нарочно? — спросил я.

— Откуда я знаю! — крикнул дядя. — Так часто бывает на белом свете. Мы никогда не знаем, с чего именно начинаются роковые события. Иногда они начинаются с обыкновенной маленькой мухи или с такого вот махаона, а потом превращаются в слона или в медведя. И тогда уже поздно что-либо изменить, ибо легко сделать из мухи слона, а из слона муху сделать труднее, а порой просто невозможно, потому что слон огромный и сильный, и справиться с ним не так-то легко. Все это я говорю в переносном смысле, ибо называю слонем роковые события, которые изменяют весь ход нашей жизни, а мухой — незначительный случай, с которого все началось и который потом превратился в слона.

В общем, долго ли, коротко ли, но махаон сделал свое дело и улетел, а мальчик очутился в лесу.

Но он вовсе не испугался! Он еще не понимал, что с ним случилось.

Босой, в короткой ситцевой рубашонке, смело продирался он сквозь чащу орешника, на-

ступая ногами на влажные от дождей и талой воды прошлогодние листья, оранжевые, и темно-красные, и желтые, и совершенно черные, изъеденные червями, и глянцево-блестящие, и бархатные, на которые так приятно было ступать босыми ногами.

Иногда он попадал в тень, где было холодно и пахло плесенью и грибами, а иногда — в теплые солнечные лучи, пробивавшие молодую свежую листву под острым углом к земле, потому что было утро и от движущихся листьев на бурой земле вспыхивали и шевелились солнечные зайчики, и казалось, что солнце перебирает по земле пальцами.

Мальчик стоял на краю полянки, щурясь на свет, и вдруг увидел на этой полянке, в кутерьме ярких солнечных пятен, большую желтую кошку.

— Это он думал, что это кошка, но это была вовсе не кошка: это была рысь! — крикнул дядя.

Я молчал, затаив дыхание.

— Все совершилось в одно мгновение, — продолжал дядя. — Рысь стояла, пригнувшись к земле и вытянув хвост, кончик которого нервно подрагивал. Потом она сладко мякнула — или хмыкнула, или крякнула, черт возьми, как мясник, разрубающий мясо, — и прыгнула на малыша...

Но она не допрыгнула всего несколько сантиметров, когда сверху на нее свалилось нечто еще более страшное, чем она сама, нечто огромное, лохматое, и оглушительный рев потряс окрестности...

КАК СОРОКОНОЖКА ХОДИТЬ РАЗУЧИЛАСЬ

Утром, когда мы напились чаю и спустились к реке и я начал ловить по-настоящему, у меня вдруг все стало не очень хорошо получаться.

На берегу, когда я учился кидать посуху, целя тряпкой в платок, у меня хорошо получалось, но когда я подошел к воде — все пошло плохо.

Дело было, конечно, не в снасти.

Снасть у меня была отличная, прекрасная в высшем смысле: ее мне Сайрио подарил, дядин друг, он привез ее из Англии, потому что был дипкурьером...

Вы знаете, кто такие дипкурьеры? Дипкурьеры — это неприкосновенные личности, никто не имеет права к ним прикоснуться, потому что они возят дипломатическую почту. Они могут черт знает что провезти, и никто не имеет права их обыскивать или залезать к ним в чемодан. О дипкурьерах даже стихи написаны: «Товарищу Нетте, пароходу и человеку». Эти

Тут дядя достал из костра горящую головешку и раскурил свою трубку.

— А дальше? — спросил я.

— Дальше в следующий раз, — сказал дядя и встал. — А теперь спать!

— Но я не хочу! Ты прервал на самом интересном!

— Так всегда делают все настоящие рассказчики, — сказал дядя. — Тем более, что уже три часа, а в шесть я тебя разбуду.

стихи написал Маяковский о своем друге дипкурьере Нетте. Нетте тоже был латыш, как и Сайрио. Среди латышей было много дипкурьеров. Но несмотря на то, что они были неприкосновенными, их иногда убивали. Их убивали враги, которые хотели отнять у них дипломатическую почту — разные секретные документы. Нетте тоже убили, но он дорого продал свою жизнь, потому что был храбрым человеком. Латышские стрелки были очень храбрыми и преданными революции. Они охраняли Ленина, им это доверяли, а это не каждому можно было доверить. Вот какие это были люди. Потому Маяковский и написал о Нетте стихи, но он их написал, когда Нетте уже стал пароходом и ходил не по земле, а по Черному морю: пароход «Теодор Нетте».

Я тоже когда-нибудь напишу стихи о Сайрио, о дяде и о других его товарищах, старых большевиках. Но это уже другой разговор.

Теперь вы понимаете, что снасть у меня была прекрасной, потому что Сайрио не мог подарить плохую снасть. Он ее сам выбрал в Лондоне, в лучшем рыболовном магазине, а там снасти отличные, потому что англичане сами отличные рыболовы. Да и Сайрио был рыболовом — он в этом деле разбирался. Все дипкурьеры почему-то были рыболовами, уж не знаю почему.

Экипирован я был тоже прекрасно, по всей форме. На мне были высокие резиновые сапоги — большая редкость в то время, брезентовый костюм, как у дяди, и соломенная шляпа. В брезентовом кармане куртки лежал черный кожаный бумажник, который весело поскрипывал, когда его сгибали или проводили по нему пальцем, потому что он был совершенно новый. В разных отделениях бумажника лежали... вы думаете деньги, да? — вовсе не деньги! В бумажнике лежали искусственные мушки: английские и самодельные. Английские привез Сайрио, а самодельные изготовил дядя из петушиных перьев и из павлиньих перьев — он их доставал в зоопарке — и даже из собственных волос, и эти мушки из дядиных волос были очень хороши, потому что дядины волосы были жесткими и с проседью, а это очень ценно. Седина вообще прекрасная вещь, ее все уважают, а для искусственных мушек седина просто неоценима! На такие мушки форель хватает, как сумасшедшая! Мои волосы для мушек не годились, они были черными, но зато у меня был дядя, а у него было много седых волос — густая шевелюра! — так что я был обеспечен мушками по горло.

Но это еще не все!

Еще у меня висел на поясе складной сачок, ручка которого состояла из отдельных раздвигающихся колен, тоже совсем новый. Сачок висел с левого бока, а на правом боку на ремне через плечо висела плетеная корзинка с крышкой — для пойманной форели. А в руках — самое главное! — в руках я держал замечательное удилище пятиметровой длины, тонкое и гибкое, с агатовыми кольцами на нем, сквозь которые была пропущена сатурновая леска, намотанная на катушку. Катушка у меня была маленькая и легкая, сделанная из специального сплава, а барабан катушки, на котором была намотана леска, вертелся на агатовых подшипниках. Вы, конечно, не знаете, что такое агат. Агат — это драгоценный камень различных оттенков, от черного до красного. У меня был темно-красный. Он необычайно красив и прочен, никогда не стирается. Поэтому кольца на моей удочке и подшипники в катушке были сделаны из агата.

Все у меня было совершенно новое, блестящее, скрипящее... Но! — и я пишу это «Но» с большой буквы, потому что, в отличие от всего, что было у дяди и *видало разные виды*, все, что было у меня, включая мою новую шляпу с широкими полями, защищавшими глаза от солнца, и накомарником из черной вуали — *все это никаких видов не видало*.

Я стоял у берега, по колено в воде, с открытым лицом — накомарник был закатан и укреплен английской булавкой на шляпе, потому что комаров было мало: дул ветер и побрызгивал дождь. Была самая лучшая погода для ловли форели. В солнечную погоду, когда воздух и вода пронизаны светом, форель очень хорошо видит: она видит и рыбака на берегу, и тень от рыбака, которая движется по воде, — и убегает. А когда пасмурно и нет от тебя тени, да еще вода рябит от дождевых капель или от ветра — тогда форель видит плохо, тогда она смелая. Тогда хорошо клюет! И сейчас была именно такая погода: прекрасная погода! Вы, конечно, скажете, что погода не прекрасная, потому что ветер и дождь — но ведь *все относительно*, как говорил дядя. *Относительно рыбалки* погода была прекрасной. Так что все было *прекрасно!*

Я стоял далеко в воде, глядя на камень, который торчал из воды метрах в двадцати от меня. Вода, ударяя в камень, разбивалась на две струи, и между ними под камнем был водоворот: там должна была стоять форель. Я старался завести свою мушку именно в этот водоворот. Я очень старался! Я держал в уме все дядины советы, которыми он напичкал мою бедную голову, все время повторял эти советы про себя и старался все делать по правилам. А дядя стоял неподалеку и смотрел.

Ловить он бросил — он курил свою трубку и смотрел на меня, а его спиннинг стоял рядом, прислоненный к камню. И Чанг тоже смотрел на меня. От этого я еще больше волновался.

По правилам ловли надо закидывать немного дальше и выше того места, где стоит форель, чтобы потом, приподнимая удилище или проводя его вбок, завести мушку в нужное место. Тут надо ее провести легко и как бы невзначай.

Я все делал по правилам, однако не мог точно провести мушку над нужным местом. Надо все время чувствовать, где именно она в данный момент находится. Но я это плохо чувствовал. Я никогда толком не знал, где она находилась!

В глазах у меня рябило от быстро несущейся воды, руки и ноги болели от напряже-

ний, и голова болела от напряжения, потому что я все время мысленно повторял правила ловли.

В общем, я стоял уже несколько часов, а ни черта не клевало!

Снасть была прекрасная, погода прекрасная, правила я помнил прекрасно, а ничего прекрасного не было!

Утром, когда я шел с дядей от костра к реке, вид у меня был отличный: хоть сейчас на обложку спортивного журнала! Я даже видел мысленно подпись на обложке: «Знаменитый нахлыстовик такой-то, обладатель мирового рекорда среди юношей в ловле форели нахлыстом, сезон 1937 года. Река Нива на Кольском полуострове». Портрет, конечно, цветной, во весь рост, я ослепительно улыбаюсь, на голове у меня шляпа с приспущенным накомарником, а в руках... вот в том-то и дело, что в руках у меня пока не было ничего, кроме удочки! Никакой форели! «Этакая шляпа в шляпе!» — подумал я про себя...

Я вдруг разозлился, с шумом выбрался на берег, бросил на камни свой нахлыст и с размаху плюхнулся на мшистую кочку.

— Нет тут никакой рыбы! — сказал я, чуть не плача. — Может, мушка не та?

Дядя посмотрел на меня с улыбкой. Он подошел и сел рядом.

— Все прекрасно! — сказал он. — Снасть у тебя отличная и мушка тоже.

Он взял мой нахлыст, бережно поднял его, смотал леску на катушку и прислонил нахлыст к камню так, что конец удилица торчал в воздухе.

— Никогда не обращай грубо со снастью, — сказал он осуждающе.

— Но в чем же все-таки дело? — спросил я.

— Дело в том, — внушительно сказал дядя, — что ты должен сейчас кое-что позабыть...

— Что позабыть?

— Я сейчас объясню тебе это на примере, — сказал дядя. — Я прочту тебе притчу в стихах.

— Какую притчу?

— Сейчас поймешь: когда я прочту тебе притчу, ты сразу поймешь, что такое притча и что надо забыть...

Дядя оперся кулаком с зажатой в нем трубкой о колено, прищурился на облака — он всегда шурился, когда читал стихи — и начал:

КАК СОРОКОНОЖКА ХОДИТЬ РАЗУЧИЛАСЬ

— Пройдусь-ка перед сном немножко! —
Промолвила Сороконожка, —
И — раз! два! три! четыре! пять!

Шесть! семь! и восемь!.. И так далее —
Обула все свои сандали
И вышла из дому гулять.

Тут дядя опять раскурил трубку, затаился и, хитро улыбнувшись, продолжал:

Заслышав шум ее шагов,
Жук Скарабей сказал: — Минутку!
Давайте с ней сыграем шутку!

(Он шел в компании жуков.)

И, поклонясь Сороконожке,
Вперед он сделал три шага
И прошептал: — Какие ножки!
Походка у тебя легка!

Но не пойму я — хоть убей! —

Как двигаешь ты по дороге

Свои бесчисленные ноги? —

Спросил бедняжку Скарабей.

— Шагнешь ты первую ногою,

А следом двигаешь какой:

Второй, седьмой, сороковой

Иль тридцать первую ногой?

Вопрос смутил Сороконожку:

— Я... просто движусь понемножку!

Своих шагов я не считаю,

Я просто так в пути мечтаю...

— Как! — возмутился Скарабей, —

Приводишь ноги ты в движенье,

Не зная правила сложенья?

Возможно ль двигаться глупей!

Должна ты знать, какой ногою

Когда шагнуть — вот в чем вопрос! —

Чтоб не шагнуть ногой другою

И в спешке не расквасить нос!

— Прости, —

Взглянув на Скарабея,

Сказала бедная, робея...

Но Скарабей сказал: — Учти,

Что каждый шаг нам в жизни дорог

И должно делать их с умом!

А у тебя при всем при том

Не две ноги, а целых сорок!

А ну-ка, встань на ровном месте:

Носочки врозь, а пятки вместе.

Сочти все ноги и вздохни...

Теперь попробуй-ка — шагни!

Сороконожка чинно встала,

В уме все ноги сосчитала,

Потом хотела, как бывало,

Шагнуть вперед... и вдруг упала!..

— Понял! Понял! — закричал я, но дядя нетерпеливо взмахнул рукой и сердито продолжал:

Привстав, она шагнула снова —

И вновь упала бестолково!

И все она, как ни старалась,

На ровном месте спотыкалась...

*Тогда, схватив ее под мышки
(Их тоже сорок, боже мой!),
Жуки, несносные мальчишки,
Беднягу отвели домой.
С тех пор сидит она в квартире
И шепчет:
— Дважды два — четыре!
Пять минус восемь — двадцать два!
(Ах, как кружится голова!)
Одиннадцать плюс девять — семь... —
Не ходит бедная совсем.
Все плачет, плачет день и ночь...
А ты не смог бы ей помочь?*

— Все, — сказал дядя. — Надеюсь, ты понял, что надо забыть и что такое притча?

— Понял, — кивнул я. — Надо забыть правила, которым ты меня учил... но зачем ты тогда учил?

— Чтобы ты их знал, но они были бы у тебя в подсознании! Ведь ты же когда-то учился ходить, а сейчас ходишь просто, не думая об

этом! Также надо и рыбу ловить. И все надо так делать! — крикнул дядя. — Все на свете! Сначала надо упорно учиться, а потом все забыть — и тогда станешь мастером! В любом деле! — Он опять затянулся из трубки.

— А ты вел себя сегодня, как та глупая Сороконожка! — добавил он.

— А ты Скарабей! — крикнул я, тоже вскочив и кинувшись на дядю. — Скарабей! Скарабей!

И Чанг вдруг тоже вскочил и залаял, весело и звонко, но кинулся он не на меня и не на дядю — а в воду!

Я оглянулся: с того берега, ловко балансируя на камнях, приближался к середине реки высокий человек...

— Веди себя прилично, — сказал дядя. — К нам идут!

— Как «идут»?

— Сейчас увидишь «как», — ехидно сказал дядя, а сам, не отрываясь, смотрел на человека...

ЧЕЛОВЕК НА БРЕВНЕ

Я тоже стал смотреть на человека. И Чанг — он стоял в воде и тоже смотрел, повизгивая. Мне это показалось странным — что Чанг повизгивает.

Человек дошел по камням почти до самой середины реки. На мгновение он остановился и помахал нам рукой, что-то крикнув. Но его, конечно, не было слышно. Даже странно было смотреть, как он открывает рот и кричит, а звука нет. Только шум реки. Как во сне.

И человек был как во сне, потому что он вел себя очень странно. В руках у него была ровная тонкая палка. Опираясь на нее, он встал на последний камень. Дальше камней не было. Дальше была вода, но какая! — дальше было какое-то водяное столпотворение, мощный поток, метров сорок в ширину, и вода в нем неслась с бешеной скоростью. Очевидно, поток был очень глубокий, потому что вода в нем была темно-синяя, и камней не было видно, только ниже по течению из воды торчал огромный каменный лоб, вокруг которого бушевали волны и хлопьями летела пена по ветру. Ниже был порог, а еще ниже — плес.

Самое же странное — что у человека был действительно такой вид, как будто он собирается к нам. «Неужели он поплывет?» — подумал я с удивлением, потому что человек был в одежде. Правда, босой — грязные брюки были закатаны до колен. Еще на человеке была неопределенного цвета куртка и бесформенная кепка на голове. Накомарника у него не было. Сбоку на веревочке болтался хол-

щовый мешочек. Вся одежда была какая-то бесформенная, но сидела она на нем удивительно ладно, потому что он был высокий, богатырского сложения, с широкими плечами, маленькой головой и длинными ногами.

— Что он, по воде, что ли, пойдет? — спросил я.

— Как Христос! — рассмеялся дядя.

— А Христос ходил по воде?

— Молчи и смотри! — глухо крикнул дядя, держа трубку в зубах. — Больше не увидишь! «Кого больше не увидишь?» — подумал я. Мне стало страшно. Но дядя был спокоен. Он только очень внимательно смотрел на реку, изредка попыхивая трубкой, и тогда ветер вырывал из нее клубы дыма и красные искры, которые мгновенно таяли.

Я снова взглянул на человека и увидел, что он опустил на корточки и что-то делает в воде руками. Там лежало бревно! В реке поперек течения лежало длинное бревно, прибитое мощным течением к камням, и человек что-то делал с ним.

Тоненький комарик, звеня, сел мне на нос, но я машинально смахнул его, продолжая смотреть.

Человек приподнял толстый комель бревна и с трудом вкатил его на камень. Теперь бревно своим толстым концом лежало на камне, а другой, тонкий, конец уходил в воду, и там его все еще прижимало течением к другим камням, тянувшимся цепочкой к противоположному берегу, откуда пришел человек.

Человек на последнем камне переступил через комель бревна, уперся в него грудью и стал спихивать его по другую сторону камня, вниз по течению. Наконец оно перекатилось и плюхнулось в воду, окатив человека фонтаном брызг. Человек стал проталкивать толстый конец бревна вперед. Бревно продвигалось все быстрее, вот оно уже торчало ниже камней на целую треть... потом на всю половину... и вдруг двинулось само! Тогда человек встал на него одной ногой, другой оттолкнулся от камня и выскочил на бревне в середину потока!

Я невольно ахнул. Дядя рассмеялся, громко и раскатисто, и в голосе его зазвучали победные нотки, как будто это он сам вылетел на стрежень...

Дальше все произошло очень быстро.

Человек стоял на бревне чуть пригнувшись и наклонившись вперед — как лыжник — и летел над водой. Бревна под ним почти не было видно, как будто он *скользил по волнам!* Несколько раз он сделал какие-то неуловимые движения своим гибким телом, оттолкнулся палкой от промелькнувшего мимо каменного лба — он несся как птица! — на секунду исчез в брызгах потока и опять возник, но уже на ровной глади плеса, стоя во весь рост и помахивая в воздухе рукой.

Он попал в струю, которая быстро несла его к нашему, правому, берегу, потому что река поворачивала здесь налево.

Возле берега он соскочил с бревна и направился к нам, широко шагая, а бревно медленно поползло дальше.

Чанг коротко тьякнул и кинулся вниз по берегу.

— Он его разорвет! — крикнул я.

— Не беспокойся!

— А кто он, этот человек?

Дядя ничего не ответил.

Человек уже подходил к нам, неся на руках Чанга — тяжелого Чанга он нес, как пушинку, — а Чанг вертелся у него на руках и весело повизгивал, пытаясь лизнуть его в нос.

Человек был намного выше дяди — прямо великан! У него были белесые волосы и бледные голубые глаза, как поздние васильки во ржи. Он был мокрый с головы до ног. Под мышкой он держал четырехколенное удище — то, что мне издали казалось палкой — разобранное и связанное бечевками.

Человек опустил Чанга на землю и кинулся к дяде. Они обнялись, как сумасшедшие — так что хрустнули кости! — и трижды облобыза-

лись. Чанг прыгал вокруг них тоже, как сумасшедший.

Несколько секунд человек молча смотрел на дядю, держа его за плечи, потом сказал:

— Сколько воды утекло, как мы не виделись? Я тебя очень ждал!

Голос у него был сиплый.

— Познакомься, — сказал дядя. — Миша — мой племянник.

— Порфирий, — сказал человек, протянув мне руку.

Моя рука просто потонула в его ладони!

— Ну, пошли, пуншику выпьем за встречу, — сказал дядя.

— Пойдем дак! — рассмеялся человек.

НЕТЛЕННОЕ СЕРДЦЕ

Палатка наша стояла на высоком бугре, над изгибом реки.

— Веселое место, — сказал Порфирий, когда мы подошли к стоянке.

Костер наш давно молчал, зола была мокрой от дождя и угли потухли, и дядя сразу же послал меня с котелком по воду, а потом за дровами, а сами они с Порфирием о чем-то там разговаривали. Я понимал, что им нужно поговорить, может быть, даже побыть одним — я сразу понял, что Порфирий не простой человек, — и все-таки мне было обидно, что меня отослали.

Я собирал сухие дрова в небольшом распадке позади бугра. Здесь притулилась полуразрушенная избушка, без крыши, с развороченными стенами, а вокруг нее вся земля была черная, обгорелая, торчали из земли высокие обгорелые пни и целые сухие, подгоревшие снизу деревья с голыми сучьями, и повсюду — вокруг мертвой избушки, мертвых деревьев и пней — буйно рос на черной земле красавец иван-чай, высокий, пирамидальный, с темно-розовыми цветами на верху стебля.

Печальное было место — хотя иван-чай не был печальным — и тихое: шум реки сюда почти не доносился.

Я быстро набрал обгоревших палок и полешек, связал их веревкой, взвалил вязанку на плечи, прихватил еще правой рукой длинный сухой можжевелевый корень и полез вверх по склону.

Когда я вылез на бугор, я сразу же услышал монотонный шум реки и увидел, что наш костер уже дымится, в белом дыме над ним вспыхивают иногда язычки огня, а дядя с Порфирием стоят и разговаривают.

Я подошел к костру и сбросил наземь вязанку. Котелок уже кипел над огнем.

— Что это ты такой мрачный? Устал? — спросил дядя.

— Нет, — сказал я.

— Конечно, наработался дак, — просипел Порфирий.

— Ничего не наработался! — сказал я сердито и плюхнулся у костра на землю.

— Ну, ладно! — строго взглянул на меня дядя. — Принес вязанку дров...

— Мне тоже интересно, о чем вы тут говорите! — крикнул я.

— Мы еще толком и не начинали! — сказал дядя. — И секретов у нас от тебя нет!

— Знамо, нет! — улыбнулся Порфирий.

— Накрывай лучше на стол, — приказал дядя.

Я побежал в палатку и притащил все необ-

ходимое — еду, чай для заварки и заветную дядину фляжку.

Стол нам служил большой плоский камень. Я расстелил клеенку, как скатерть, разложил на ней еду и поставил кружки.

— Посмотри, как я сервировал стол! — воскликнул я.

— Молодец! — глянул в мою сторону дядя. Он занимался ответственным делом: заваривал чай в маленьком жестяном чайничке. Дядя всегда возил с собой этот чайничек, заваривать чай дядя был мастер!

Настроение у нас было приподнятое, как всегда перед едой у костра, да еще когда к вам пожалует гость. Сидели мы красиво, что и говорить! Я хотел бы так сидеть всю жизнь, конечно, с перерывами.

Единственное, что нам мешало — это комары. Дождь давно кончился, комары где-то там под своими листиками обсохли, воспряли духом и заплясали над нами свой бесконечный танец.

Дядя между тем «колдовал»: он разлил крепкий дымящийся чай по кружкам, наложил сахару, добавил спирту из фляжки себе и Порфирию и поднял свою кружку. Мы с Порфирием тоже подняли кружки. А Чанг судорожно зевнул и проглотил слюну.

— За встречу! — сказал дядя.

— Будем здоровы! — проникновенно просипел Порфирий.

Я тоже сказал «будем здоровы!» и отхлебнул большой глоток.

— Да будет тебе известно, — проговорил дядя, закусывая, — что Порфирий мой самый старинный друг. Сколько воды утекло с тех пор, как мы с тобой познакомились, а?

— Порато воды! — улыбнулся Порфирий. — Много!

— А когда вы познакомились? — спросил я.

— В тысяча девятьсот седьмом году! — сказал дядя.

— Доннерветтер! — сказал я.

— Вот именно, что «доннерветтер»! — воскликнул дядя. — Порфирию тогда было столько же лет, сколько тебе — тринадцать!

— Двенадцать, — поправил Порфирий.

— Тем более! — крикнул дядя. — Ибо мужик ты уже был что надо! И топором владел, и сохой, и греб, как бог!

— А где вы познакомились? — спросил я.

— О, это особый разговор!

Дядя опять отхлебнул пуншу. И Порфирий отхлебнул.

— Сейчас я тебе расскажу, — весело продолжал дядя. — А ты ешь да слушай!

— В 1907 году я попал в ссылку. Это была моя первая ссылка! Дали мне поселение в Онеге, это город такой на берегу Белого моря, в устье реки Онеги. Чудесный городишко! Тихий, поэтический, весь деревянный — от домов до тротуаров. Там я и поселился у Порфирия...

— Как — у Порфирия? А не в тюрьме? — удивился я.

— В тюрьме я отсидел сначала в Петербурге, а потом в той же Онеге, а потом вышел на поселение, под надзор полиции. А на квартиру встал у Порфирия, вернее, у его отца — Пантелея Романовича. Со мной стояли еще двое — Сайрио и Бакрадзе. Дом у Пантелея Романовича был огромный! Сколько у вас комнат было, Порфирий?

— Почитай, двенадцать было дак! — сказал Порфирий.

— Замечательный дом! И стоял красиво — на окраине Онеги, над морем, на горочке.

С удовольствием вспоминаю то время, хоть и был я тогда в ссылке! Всегда так бывает: мучаешься и страдаешь, и мерзнешь, и бог знает что, а потом вспоминаешь все это с удовольствием! А почему? Потому что — люди! — всегда и везде встречаются прекрасные люди! И в тюрьме, и в ссылке. И вспоминаешь ты потом, через много лет, именно этих славных людей, а вовсе не свои страдания, и кажется тебе, что прожил ты прекрасное время... Много было в Онеге хороших людей, ссыльных товарищей, революционеров, да и местных. Вечеринки мы с ними устраивали, на рыбалку ходили...

Признаюсь, я был немного разочарован: как же так? Ссылка — я думал, это что-то страшное, а тут на тебе — вспоминает ее дядя с удовольствием!

— А вы не работали? — спросил я.

— Мы были политические! — сказал дядя. — Понимаешь? Не просто уголовники какие-нибудь. Мы получали десять рублей в месяц на питание, на одежду и квартиру. Жить можно было, не ахти как, но сносно. Правда, под конец мы вообще прекрасно жили — Пантелея Романович нас пригрел. Сначала он смотрел на нас косо, а потом подружился, когда выяснили наши взгляды на жизнь...

— Ты тогда отцу глаза открыл! — сказал Порфирий.

— Ну уж и открыл! Он и сам во всем разбирался. Социалист был по убеждениям. Философ. Разве что не член партии. Как тогда говорили — сочувствующий...

— Он вас потом за сыновей почитал: тебя, Сайрио и Бакрадзе, — сказал Порфирий.

Он вдруг рассмеялся тихо:

— Расскажи-ка Мише, как вы митинговали на кладбище. Ему интересно будет.

— А-а, ты помнишь? «Берегового петушка»-то пугали?

— Какого «Берегового петушка»? — не понял я.

— Так мы звали полицейского исправника. Дурак был и пьяница, все по берегу бегал да хорохорился. Потому его и прозвали «Береговой петушок». Он следил за ссыльными: чтобы митингов не устраивали, население не смущали, не собирались бы больше трех человек. Зайдет, бывало, к нам, а Ульяна Тихоновна — мать Порфирия — сразу ведет его в горницу, чай с ним у самовара распивает, о жизни беседует — он и доволен. А мы в дальней комнате с товарищами проводим политзанятия. Один делает доклад, а остальные конспектируют, скажем, «Капитал» Маркса. И Пантелея Романович часто с нами сидел...

Как-то «Береговой петушок» нас прижать задумал. Донесли ему, что мы собираемся в доме Пантелея Романовича. «Прекратите, — говорит, — свои сходки! Чтобы у меня ни-ни!» Перестал нам деньги выдавать, два месяца задерживал. Сначала мы с ним по-хорошему, а потом говорим: сделаем мы тебе, Петушок, подарочек к празднику! На пасху и устроили — демонстрацию по городу со знаменем и митинг на кладбище, маевку.

Раньше мы наши митинги тайком устраивали, а тут в открытую — в знак протеста. «Береговой петушок» чуть не помер со страху! Испугался, что начальство архангельское узнает. Тогда ему несдобровать. А мы ему сказали: «Кормишься от нас, так молчи, а то хуже будет!» В тот же день он нам деньги выдал и больше в нашу жизнь не вмешивался.

— Это ты организовал? — спросил я.

— Это организовал Бакрадзе, он вообще отчаянный был человек. Так мы прожили у Пантелея Романовича год. Бакрадзе нам все покоя не давал — бежим да бежим! Очень тосковал он на Севере по жаркому солнцу, по своей Грузии. После тюрьмы мы на свежем воздухе очень окрепли. Только Бакрадзе не поправился — у него была чахотка. Перед тем как на поселение попасть, он пять лет в тюрьмах отсидел, в кандалах. Руки и ноги у него — в запястьях и щиколотках — от кандалов совсем тонкие стали. Все время кровью харкал. Белый был, как воск, а красивый: борода окладистая, черная, тонкий нос, глаза черные, как угли. Было ему уже лет под пятьдесят. Он был старый революционер, народо-волец. Хорошо знал Желябова и Перовскую. Кстати, он был со мной из одних мест — из

под Елисаветполя... — дядя на мгновение замолчал и задумался.

Шумела река, костер потрескивал. Порфирий лежал на локте, прогревая у огня спину.

— И надумали мы бежать, — сказал дядя. — Решили бежать через Финляндию за границу, а потом назад вернуться, под другими фамилиями. Такой у нас план был.

Пантелей Романович посоветовал нам на карбасе залив перемахнуть, выйти на Кольский полуостров, а оттуда податься в Финляндию. Надо было нам кого-то в помощь дать, сами бы мы не справились. Дал нам Пантелей Романович Порфирия.

Двинулись мы ночью, ранней весной. По заливу еще льды ходили. Погоду выбрали чудесную: темень — хоть глаз выколи, ветер холодный с дождем и снегом...

— Полуношник, — просипел Порфирий.

— Что? — спросил я.

— Полуношник — северо-восточный ветер, — пояснил дядя. — Самый дикий. Специально такую погоду выбрали. Иначе нельзя было. Хоть и себе на беду.

Вышли мы в море, курс взяли наискосок через залив. Трое сидели на веслах, а Порфирий по матке курс держал. Матка это поморский компас, ты его у меня видел дома, — обратился ко мне дядя.

— Я играл с этим компасом, — сказал я.

— Ну, и мы наигрались! Шли мы, шли, вокруг серо, каша какая-то, а берега все нет! Тут еще морозец ударил, большие льдины тонким льдом сковало, стало нам совсем плохо. Старуха над лодкой стоит, в лицо дышит!

— Какая старуха?

— Смерть! — крикнул дядя. — Промокли мы до костей, кожу на ладонях до крови стерли, устали, как черти. Тогда Порфирий стал нам помогать грести, а то мы ему не давали. И греб, я скажу тебе, как заправский мужик! Лучше нас, пожалуй! Силушка уже была и опыт — даром что двенадцать лет...

— Тогда уже тринадцать было, — сказал Порфирий.

— Да ты посмотри на него, — кивнул дядя на Порфирия, — видишь, какой он вымахал! А сколько пережил человек! Об этом еще будет разговор впереди...

Порфирий молчал. Он курил самокрутку и смотрел в небо. Комары вились над ним в воздухе веселым столбиком, и надо мной они вились, и над дядей. Но я то и дело хлопал по лицу ладонью, а Порфирий и дядя почти не обращали на комаров внимания. Иногда они проводили по лицу ладонью, а потом вытирали ладонь о колено, и на лицах у них оставались кровавые полоски.

Чанга комары совсем доняли, и он уполз от от них в палатку.

— Так вот, — продолжал дядя. — На шестые сутки мы из сил выбились. Бакрадзе совсем ослабел. Положили мы его на дно лодки, а сами лед вокруг лодки разбиваем, гребем. Думали, что настал наш конец, — а все-таки выбрались! Показался вблизи пустой берег — западный берег Белого моря.

Завели мы лодку в маленькую бухточку между скал, зовем Бакрадзе, а он молчит, не откликается. Вынесли мы его на берег, стали оттирать снегом, спирту в рот влили. Он очнулся, губами зашевелил. Встал я над ним на колени, ухо к губам приложил, слышу: «Прощайте, — шепчет. — Кольцо домой отправьте. Жене». Больше ничего не сказал.

Тихо было вокруг и серо. Чайки не кричали, и море молчало. Все было мглой и туманом окутано. Только слышалось бесконечное шипение — это льдины в заливе дышали.

Что было с ним делать? Надо было предать тело земле. А земли рядом не было...

— Почему? — спросил я.

— Потому что камни! Поискали мы между камней землю, да так и не нашли. Только снег и лед, а подо льдом гранит. И с собой мы взять Бакрадзе не могли... И решили мы тогда его сжечь, — тихо добавил дядя. Он помолчал, затягиваясь дымом из трубки.

— Наташили мы к берегу можжевельника, развели большой погребальный костер...

— Никогда я не думал, что буду вот так товарища на костре жечь! — воскликнул дядя. — А пламя какое было, помнишь, Порфирий? Ярко-желтое, страшное!

— От соли человеческой, — хрипло сказал Порфирий.

— Была у Бакрадзе любимая песня, старинная — «Алаверды» называется. Часто я ее с ним пел — и на Кавказе, и здесь, на Севере. Встали мы тогда возле костра — весь мир сразу отодвинулся от нас, ушел в темноту — и запели... а Порфирий заплакал.

— Маленький был, — сказал Порфирий.

И вдруг дядя запел:

С времен давным-давно забытых,

В преданьях Иверской земли

От наших предков знаменитых

Одно мы слово сберегли.

В нем нашей удали начало,

Товарищ счастья и беды,

Оно у нас всегда звучало:

Алаверды, алаверды.

Нам каждый гость дарован богом,

Товарищ счастья и беды,

Хотя бы в рубище убогом —

Алаверды, алаверды...

Тихо подпевал дяде Порфирий, глухо завывал в палатке Чанг, река шумела, костер трещал...

Я сидел боком к огню, боясь пошевелиться — так жутко мне стало: мне казалось, что на костре горит старый дядин друг Бакрадзе, мученик и герой, товарищ Желябова и Перовской, руки которого, иссохшие от кандалов, много приготовили бомб...

— А сердце его не хотело гореть! — крикнул вдруг дядя. — Не хотело гореть! С нами

хотело остаться! — глаза дяди сверкнули. — Доннерветтер, какое это было сердце! Нежное, гордое, смелое! Весь век по тюрьмам да этапам скиталось, *всю свою жизнь!* Бескорыстное сердце...

Положили мы его сердце под камни, над морем. Обелиск из камней сложили. А пепел по ветру развеяли...

Я смотрел то на дядю, то на Порфирия, но они молчали.

ПОРФИРИЙ

Я заметил, что Порфирий вообще не очень разговорчив. Скажет слово, улыбнется и опять молчит. Зато улыбка у него была удивительная. Одна такая улыбка стоила целой беседы, целого сердечного разговора. Никто бы не мог догадаться, что у него может быть такая улыбка, когда он не улыбался. Лицо у него тогда было замкнутое и глаза непроницаемые.

«Так вот и ошибешься в человеке», — подумал я.

— А вы бы тоже рассказали что-нибудь, — попросил я. — Где вы так научились на бревне кататься? Как в цирке!

— В каком там цирке! Сплавщиком был, научили. Я плоты по Онеге гонял, из-под Каргополя в Белое море. На порогах заторы из бревен образовывались, дак я те заторы багром растаскивал. Не один, конечно, — с товарищами. Растащим все бревна, которые сцепятся — целую гору! — а на последних бревнах уже нельзя всем оставаться: опасно! Тут кого посильней оставляли да половчей. Мне часто приходилось. Как весь затор растащишь — бревна и побегут по реке, и ты на них! Спервоначалу страшновато было, а потом пообвык: багор в бревно воткнешь, а сам пойдешь на другой конец оправляться...

— Как «оправляться»? — не понял я.

— Да как, — усмехнулся Порфирий, — извини за выражение: штаны снимал...

Я покраснел.

— Это высший шик у них был, у сплавщиков, — объяснил дядя.

— Самый-то шик был не этот, — возразил Порфирий. — Самый шик был — бутылку на комель поставишь, с водкой, конечно, и плывешь через плес. Как переплыл — так и бутылка твоя, и еще поставят мужики, на сколько поспоришь. Хотите, покажу? — приподнялся Порфирий.

— Сиди уж! — прикрикнул на него дядя. — Сейчас будет разговор о тебе. Привез я тебе новость. Узнал одну вещь про тебя. И не догадаешься какую!

— А вызнал, дак говори! — усмехнулся Порфирий. — Где вызнал-то?

— В Испании.

— Ну уж и в Испании!

— Ты слушай! — сказал дядя. — В Испании было много разного народа. И немцев, и англичан, и французов — антифашистов. Ну, и наших, конечно, русских. Москвичей я там встречал и из других городов. Интереснейшие были люди! Цвет, так сказать, интернационала. Но дело не в этом...

Дело в том, что встретил я раз в штабе нашей бригады одного полковника. Чувствую по выговору — северный человек! Так же мягко, как ты, слова выговаривал, на «о» нажимал, словечко «дак» пару раз вставил. Я, конечно, к нему с вопросом: откуда, мол? Оказалось — архангельский!

Разговорились мы с ним о жизни: выяснилось, что он в девятнадцатом году на Онеге красным командиром был. Как и ты, англичан да французов отсюда выгонял...

— А здесь были англичане? — спросил я.

— Были, — кивнул дядя. — На кораблях сюда к нам пожаловали. Хотели оттяпать у нас Север. Только недолго пришлось им тут хозяйничать — через год они уже улепетывали... Порфирий тогда на Онеге партизанил...

— Как фамилия того человека? — спросил Порфирий.

— Фамилию ты его знать не можешь! — сказал дядя. — Ты его даже в глаза не видел! А он тебя видел и все знает про тебя. Даже больше, чем ты сам про себя знаешь! На руках, можно сказать, тебя вынес... Вспомни-ка, как ты баржу в устье Онеги подрывал. Расскажи поподробнее, Мише будет интересно...

— Да что тут подробнее рассказывать, — отозвался Порфирий. — Когда англичане к нам в Онегу пришли, заварушка у нас началась сумасшедшая. Одни англичан в порту хлебом-солью встречали, другие в подполе сидели, конца своего ожидали. Много народу было тогда побито, порезано, потоплено. Каждую

ночь людей в тайгу уводили, на болота — расстреливать. Ну и нас в Онеге многие недолюбливали, за сочувствие Советской власти. С давних пор зуб на нас имели, еще как ты, Иванович, у нас жил. Особенно купцы. Да еще кое-кто...

Ну, мы и подались в партизаны. Отец, да шесть братьев моих, да я с ними. Мать в деревню отправили — спрятали. Все равно нам дома не усидеть было.

Сколотили мы с отцом свой отряд, пятки белякам да англичанам шекотали, чтобы они поскорей убирались. Сидели мы в лесах по-за Онегой, оттуда на беляков насккивали, потрошили их. А потом опять в лес.

Один раз задание мне вышло: баржу в устье Онеги подорвать. Баржа принадлежала англичанам, а охраняли ее наши же, русские, белогвардейцы. Что уж там на ней было, мне неизвестно, только надо было ее на дно пустить.

Ночью подползли мы к реке, в кустах залегли — братьев мои да я с ними — выше того места, где баржа стояла. Ночь глубокая была, солнце за тучами, хотя светло, вот как сейчас. На барже-то **все** дрыхнули.

Сколотили мы плотик, сена на нем накидали, и я в сене со взрывчаткой. По течению меня и спихнули. Много тогда бревен да плотов беспризорных по Онеге гуляло. Так что я под сеном вполне беспрепятственно до баржей доплыл. Несколько их там стояло, меня прямо на них и вынесло.

Влез я на баржу, часового снял без никакого такого шума...

— Как «снял»? — спросил я тихо.

— Известно как, вздремнул он маленько на тюках, я его и прикончил ножом. Взрывчатку заложил, шнур запалил. А тут из будочки еще солдатик вышел. Шнур-то горит, к динамиту подбирается, а я лежу, не шелохнусь, чтоб себя не обнаружить. Думал, человек опять спать уйдет, а он к часовому — и крик поднял... Ну — я в воду... Тут и оглушило меня взрывом. Больше ничего не помню...

Очнулся я много спустя, через несколько месяцев: у старушки одной в избе, в деревне Вазенцы, что на Онеге, вверх по течению.

А братьев моих тогда всех поубивали, пока я в беспамятстве валялся. Четверых на куски порубили, один без вести сгинул, а од-

ного в проруби утопили... Отец с горя руки на себя наложить хотел, да уберется от греха — все меня искал... Встретились мы с ним уже после, когда опять Советская власть установилась...

— А теперь послушай меня, — сказал дядя. — Человек, которого я в Испании встретил, случайно оказался тогда неподалеку. Он командовал там особым отрядом. Его разведчики видели, как взорвалась баржа и как беляки тебя на лодке из Онеги выловили и затащили в какую-то избушку на берегу. Доложили они это командиру, и он решил тебя выволить. Нагрянул с красноармейцами на эту избушку, всех там перебил, а тебя вынес... Он сказал мне, что ты там распятый на стене висел, — тихо добавил дядя.

Я сразу опустил глаза в землю. Неудобно мне как-то стало смотреть на Порфирия.

— Покажи-ка руки, — сказал дядя.

Порфирий посмотрел на свои руки. Тут я тоже на его руки посмотрел. И дядя. Руки у Порфирия были огромные, как лопаты. Кожа на них была толстая, вся в буграх и трещинах, суставы пальцев неестественно толстые, распухшие, а посерединке — небольшие шрамчики, и кожа на них белая, гладкая, без пор

— Христос ты у нас, оказывается, — сказал дядя.

— То-то меня так ломить стало последнее время, — смущенно улыбнулся Порфирий. — Ноги ломит и руки. И пальцы вот тоже плохо сгибаются... Ну, а дальше-то что?

— Дальше они тебя на берег вынесли, положили в лодку и повезли вверх по Онеге. Двое везли, а командир с отрядом остались на берегу — прикрывали ваш отход. Больше тебя тот человек не видел, и ребят своих, которые тебя увезли, он тоже больше не видел...

СКОЛЬКО УТЕКЛО ВОДЫ

Я сидел на берегу Нивы и думал.

Клубился туман, и противоположного берега почти не было видно. Низкие тяжелые тучи летели над моей головой наискосок через реку прямо к Северному полюсу, как будто их ждала там важная встреча.

Дядя, Порфирий и Чанг исчезли, словно их вовсе и не было. Я был совершенно один. Я сидел и думал.

Я смотрел на гремящую воду в тумане и думал о самом важном, что только есть в жизни: о том, *сколько утекло воды!*

Вы, наверное, скажете, что это не самое важное. Однако это самое важное. Я вам сейчас объясню.

Скажи-ка: старуха, у которой ты в избе очутился, говорила тебе, что нашла тебя в кустиках у реки? Так, кажется?

— Так говорила, — кивнул головой Порфирий.

— Ну, значит, и те ребята погибли, — сказал дядя.

Он поворошил угли в костре.

— Вот тебе и весь сказ, — медленно произнес дядя. — Когда я в Испании с тем человеком разговорился, я ему, конечно, про тебя рассказывал, и про случай с баржей, как ты мне говорил. Он сразу все вспомнил! Ни фамилии он твоей не знал, ни имени, а тебя помнил отлично! Описал я ему, конечно, твою внешность. Понял теперь, Миша, с кем ты у костра чай пьешь? С самим Иисусом Христом!

Я ничего не ответил.

— Ну, ладно! — дядя стукнул Порфирия по плечу. — Выпьем да пойдем еще покидаем... спать что-то совсем не хочется.

— Ну, Христос, будь здоров! — сказал он. — Воскрес ведь ты из мертвых, смертию смерть поправ!

— Будем здоровы! — улыбнулся Порфирий. Он весь осветился улыбкой.

Они чокнулись и выпили. И встали.

— Пойдешь с нами? — спросил меня дядя. — Или спать ляжешь?

— Я спать лягу, — сказал я, не поднимаясь.

— Ложись, — сказал дядя. — Ночь на исходе.

Они взяли снасть, крикнули Чанга и стали спускаться с холма к реке, сразу растаяв в тумане.

Тогда я тоже пошел к реке, потому что мне спать не хотелось. Это я нарочно сказал, что лягу — спать я не мог. Мне нужно было побыть одному после всех этих рассказов. У меня от них голова просто кругом пошла.

Это особенно становится ясным, когда сидишь вот так, один, ночью, на берегу реки. И не простой ночью, а *белой ночью*, когда светло, хотя все небо в облаках, а земля в тумане, и солнца нет, и луны нет, и звезд. Только камни, вода и ты.

В такой ночи есть ощущение вечности. Как в бесконечно бегущей воде.

Так вот, скажите, пожалуйста: что первым долгом выясняют люди после долгой разлуки? Перво-наперво они выясняют, *сколько утекло воды*. А потом уже все остальное. Вы это, наверное, и сами не раз слышали. Я-то слышал часто!

Я слышал это и тогда, в ту самую ночь,

которая предшествовала моим размышлениям на берегу. Несколько часов назад это выяснили дядя с Порфирием.

И сейчас, когда я пишу эту повесть, когда я описываю *ту далекую ночь*, сейчас я тоже думаю о том, *сколько утекло воды с той самой ночи?*

Или с тех пор, как не стало дяди? Его ведь однажды не стало, и не так уж много утекло воды с той ночи на берегу до другой ночи, когда его не стало, о чем пойдет речь впереди.

Сколько утекло воды?

Я часто об этом думал, но никогда не мог этого выяснить. И никто не мог этого выяснить. Никто, никто, никто, никто! Даже Эйнштейн не мог бы этого выяснить, даже Лобачевский. А перед ними преклоняется все человечество. Потому что они выяснили самые сложные вещи. Но и они в этом деле спасовали бы, в вопросе — сколько утекло воды!

Этого еще пока никто не выяснил. И наверное, никогда не выяснит.

Действительно, подумайте только: сколько воды утекло, например, с тех пор, как вертится Земля? Или с тех пор, как появилось чело-

вечество? Или с тех пор, как меня приняли в пионеры? Много утекло воды!

И пока я писал эту повесть, тоже много воды утекло. А с тех пор, как я написал свою первую повесть о дяде, и пока ее читали в издательстве, и пока набирали и печатали — страшно много утекло воды.

Представьте себе, сколько ее утекло в океанах, в морях, в реках, озерах, прудах, ручейках! А в ливнях! А в водопроводных трубах!

А сколько воды утекло из чайников, самоваров, стаканов и кувшинов...

Когда я сейчас об этом думаю, мне жаль, потому что если бы ее утекло меньше, мы были бы моложе.

Сейчас — в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году — когда я пишу эти строчки, я думаю еще о *кладбище блесен*.

Но об этом надо рассказать особо.

Тогда — в тридцать седьмом году — я еще ничего не знал о кладбище блесен. Я сидел на берегу торжественной северной реки и думал о вечности. А кладбище блесен — это не вечность, вообще кладбище не вечность, а

так — мелочь, которая все равно забудется, когда воды утечет *очень много*. Но все дело в том, что именно мелочи производят на нас самое сильное впечатление, потому что по ним мы догадываемся о вечности, только догадываемся, потому что сама по себе вечность, в высшем смысле, от нас ускользает, иначе она не была бы вечностью.

Так вот. Слушайте о кладбище блесен. Один раз, уже взрослым человеком, за плечами которого утекло немало воды, ехал я поездом из Мурманска в Ленинград. До этого я проделал большой путь по северным рекам и озерам, приплыл пароходом из Архангельска в Мурманск и с нетерпением ждал важного для меня отрезка пути — по Кольскому полуострову. Я знал, что поезд должен пройти здесь вдоль всей реки Нивы, по ее правому берегу от самых истоков до устья у впадения в Белое море возле города Кандалакши.

Вместе со мной ехал товарищ, и я всю дорогу рассказывал ему о Ниве, о том счастливом времени, когда я ловил на этой реке вместе с дядей форель и семгу, — рассказывал все то, что сейчас рассказываю вам, и обещал товарищу показать из окна поезда Ниву и «веселое место», где долго стояла наша палатка, и порог, и плес, где Порфирий спускался на бревне. И товарищ тоже с нетерпением ждал встречи с этой рекой — рекой моего детства.

Когда поезд шел ночью от Кировска, мы вышли из купе в коридор, закурили и стали смотреть в окно вагона. За окном тянулись сопки, поросшие неряшливым северным лесом, гранитные глыбы и торчащие на них низкорослые кривые березки, и болотистые лужайки, и вдруг мы увидели голое каменное дно реки!

Это было пустое русло Нивы.

В первое мгновение я оторопел и усомнился, но потом узнал лысую сопку Медвежьей над изгибом реки, и плес, и «веселое место». Но реки не было, и не было больше ничего веселого. Были мертвые контуры берегов и между ними — нагромождение разноцветных камней, над которыми струилась не прозрачная нивская вода, а серебристый воздух белой северной ночи.

Тогда я пошел к проводнику и спросил, в чем дело? И проводник рассмеялся. Он сказал, что река давно уже течет в трубе, потому

что возле Кировска построили гидростанцию, а для этого надо было заковать речку в трубу и пустить ее под землей.

А еще он рассказал, что был здесь в тот замечательный момент, когда обнажалось каменное дно реки, и что он много набрал здесь рыбы — семги и форели — ее хватали прямо голыми руками! Вот был улов! А еще он много набрал среди камней английских блесен, все здесь собирали блесны, потому что все дно было усеяно ими — это было гигантское кладбище потрясающих блесен!

«Еще бы! — подумал я. — Ведь все это были блесны старых большевиков — дипкурьеров, и дипломатов, и чекистов. Это были блесны Сайрио, и блесны Суслина, и блесны Рудзутака, это были дядины блесны и блесны Порфирия — все они приезжали сюда ловить и немало похоронили здесь блесен. Это были блесны революции — вот какие это были блесны! И несколько моих, зацепившихся за камни блесен тоже когда-то лежали здесь на дне. Я говорю «когда-то», потому что потом все это было растащено, все это сверкающее кладбище блесен, и ничего в этом нет удивительного... Но зато остались камни, гигантские надгробия, для кого безликие и безмолвные, а для кого полные значения — говорящие камни, на которых я мысленно высекал имена.

Я, конечно, ничего не сказал об этом проводнику, потому что это было мое, *сокровенное*, я просто думал об этом про себя, и мне было тяжело и печально, и вместе с тем хорошо, потому что до этого у меня никогда не было *своего* кладбища, как, впрочем, у многих в наше время — у детей без вести пропавших и неизвестно где погибших, а теперь у меня было *свое кладбище*, пусть даже кладбище блесен, пусть растащенных, и это даже хорошо, что растащенных, потому что без них это каменное русло, протянувшееся на много километров — от озера Иматра до Белого моря — стало еще величественнее...

...И я думал о вечности, о дяде и о Порфирии, и вдруг кто-то взял меня сзади за плечи. Я вздрогнул и оглянулся. Это был дядя! Рядом с ним стоял Порфирий. И Чанг. Позади них все было бело от тумана.

Под жабры дядя держал огромную рыбку — хвост ее распластался по земле, а голова доходила до дядиной груди. Она была ярко-серебряная с голубовато-серой спиной.

ФОРЕЛИЙ ЯЗЫК

Дядя сидел у костра, прикрепляя к блеснам крючки, а я стоял на большом камне, далеко в реке и пытался поймать одну хитрую фо-

рель, а может быть, и не хитрую, потому что она сидела в глубокой яме под камнем, как в голубой ванне, и когда я забрасывал туда

свою искусственную мушку, форель выпрыгнула из воды, пытаясь эту мушку схватить, но все время промахивалась. Она промахивалась уже пятый раз! Тогда я побежал к дяде...

— Там форель! — выдохнул я.

Я был очень взволнован.

Чанг лежал тут же, положив голову на вытянутые передние лапы, а Порфирий бродил вдалеке по берегу.

— Ну и что же? — сказал дядя. — Поймай ее!

— Она все время промахивается! — сказал я. — Я не знаю, хитрит она или действительно промахивается.

— Может быть, это ты промахиваешься?

— Я не промахиваюсь! Я кидаю ей прямо под нос. А она прыгает и промахивается. Прямо не знаю, в чем дело.

— А ты поди спроси ее! — сказал дядя.

— Ты смеешься! — обиделся я. — Много она там понимает!

— Она понимает достаточно много, — сказал дядя.

— По-русски? — съехидничал я.

— По-русски она ничего не понимает. Она понимает на своем языке, на форельем.

— У нее богатый язык, что ли?

— Относительно богатый, — сказал дядя.

— Богаче русского?

— Хватил! — рассмеялся дядя. — Но ей вполне достаточно своего языка, чтобы общаться с родственниками. С рыбами...

— Знаю! — перебил я. — Это наш язык — самый богатый, самый правдивый и самый свободный! Все остальные языки хуже, беднее. Вообще чепуховые!

Тут дядя отложил в сторону блесну, положил руки на колени — он сидел скрестив ноги — и посмотрел на меня *тем своим особенным взглядом*. В глазах его сверкнули огоньки.

— Этого мне еще не хватало! Ты говоришь, как шовинист! — крикнул дядя.

— Это тоже родственники? — спросил я. — У них особый язык?

Я опять хотел отшутиться.

— Вот это ты образно выразился! — воскликнул дядя.

— Почему образно?

— Потому что все шовинисты родственники! Политические! Даже если они не состоят в прямом семейном родстве. Все шовинисты родственники, какой бы они национальности ни были. Но твои-то родственники, надеюсь, интернационалисты?

— Конечно, — сказал я, — ведь ты же интернационалист...

— Еще бы! — сказал дядя.

— А шовинисты кто?

— Шовинисты это люди, проповедующие исключительность своей национальности и презрение к другим народам. К их языку, обычаям, цвету кожи. Запомни это, друг мой! Говорят, что от великого до смешного один шаг — учти, что никакого шага нет! Если ты все время орешь о своем величии — то ты пигмей! Маленький смешной человек! Языки, как и люди, должны обогащать друг друга, а не подавлять! Понял?

— Понял, — сказал я тихо.

— А ты повторяешь чьи-то слова, как попугай! Ты, конечно, не шовинист, а просто попугай!

— Я не попугай! — сказал я.

— Нет, попугай, потому что говоришь, не думая! Почему ты называешь другие языки чепуховыми? Ты их что — сравнивал?

— Не сравнивал, — прошептал я.

— Надо сравнивать, прежде чем говорить!

— А ты сравнивал?

— Сравнивал! Могу тебе кое-что пояснить, хотя бы на примере узбекского языка. Когда я попал в Узбекистан, я там столкнулся с узбекским...

— Ты что — на него налетел? — сострил я.

— Именно налетел! — крикнул дядя. — Я налетел на него так, что долго не мог опомниться! Просто удивительно, что это за богатый язык! Ответь-ка мне, что значит по-русски «дядя»? — спросил дядя, хитро прищурившись.

— Дядя? — переспросил я. — Дядя это ты!

— Попал в небо! — рассмеялся дядя. — Конечно, я дядя, но вопрос: для кого я дядя? Отвечай!

— Ты дядя для меня...

— Вот именно! А для форели я не дядя! И ни для кого я больше не дядя! Для всех других я — Петр Иванович Феденко! Понял?

— Понял.

— Теперь отвечай: что такое дядя?

— Дядя это... это брат матери!

— Прекрасно! А если бы у твоего отца был брат — как бы ты называл его?

— Тоже дядя!

— Так узнай же, — сказал дядя, торжественно подняв кверху палец, — узнай, что в узбекском языке на этот случай есть два слова, а не одно!

— Как — два слова?

— Очень просто! Брат матери по-узбекски зовется «тога», а брат отца уже не «тога», а «амаки»! 1:0 в мою пользу! Признаешь свое поражение? — дядя смотрел на меня свысока и улыбался. — Признаешь?

— Признаю, — сказал я тихо.

— Теперь скажи-ка мне: что такое шурин?

— Принадлежащий Шуре? — спросил я, подумав.

— Сам ты принадлежащий Шуре! — крикнул дядя. — Шурин — тоже слово, объясняющее родственные отношения. Шурин — это родной брат жены. Вот будет у тебя жена, а у нее будет брат, и этот брат будет тебе шурин!..

— Не будет у меня никакого шурина! И жены не будет. Я никогда не женюсь, — сказал я сердито, а сам почему-то подумал о Вале и покраснел, как рак. Сам я себя, конечно, не видел, но чувствовал, что покраснел, как рак.

— Женишься! — рассмеялся дядя. — Как пить дать! И будет у тебя свой собственный шурин. Конечно, если у жены будет брат.

Я опять хотел отшутиться, чтобы дядя не заметил, что мне неудобно, и поэтому сказал возможно небрежнее:

— А если жену звать Акулина? То ее брат будет «акулинин»?

— Как бы ее ни звали, — улыбнулся дядя, — хотя бы Валей (Тут я опять покраснел). Как бы твою жену ни звали, ее брат тебе всегда будет шурин. Но, допустим, что у твоей жены не один брат, а два — младший и старший: как бы ты назвал старшего?

— Шурин, — сказал я мрачно.

— А младшего?

— Также шурин, — сказал я. — Что ты ко мне пристал со своими шуринами!

«И слова-то какие противные, — подумал я, — «жена», «шурин»! Бывают же такие слова!»

— А потому я к тебе пристал, — сказал дядя, — что и на этот случай в узбекском языке есть два слова, а не одно! Старший брат жены зовется по-узбекски «кайн-ага», а младший «кайн-ини». 2 : 0 в мою пользу! Признаешь?

— Признаю!

— То-то! Теперь отвечай: какой язык самый великий?

— Не знаю! — сказал я.

— Молодец! — воскликнул дядя. — За этот ответ я ставлю тебе «отлично»! Если человек чего-нибудь не знает и говорит, что не знает, надо ему ставить «отлично», потому что это самый точный ответ! Всегда так отвечай!

— Ладно! — пробурчал я.

— И запомни: все языки велики, и каждый язык велик по-своему! Даже язык твоей хитрой форели... Советую тебе, между прочим, изучить несколько языков, чтобы стать образованным человеком. Тогда бы ты мог судить как специалист...

— Можно я пойду ловить? — спросил я. — Там осталась моя форель.

— Иди, иди, — сказал дядя. — Иди и докажи, что она твоя.

Я пошел и опять взобрался на камень. Сейчас я стоял на самом краю камня и забрасывал свою мушку в кипящую воду и, проводя ею вдоль камня, все время думал о языке.

Как интересно объяснил мне дядя о языке! «Значит, другие языки тоже богаты! Интересно, какой язык у форели? — подумал я. — И у Чанга! У Чанга тоже есть свой собачий язык, хотя он многое понимает по-русски. И по-немецки он тоже понимает, его дядя научил. Правда, Чанг не отвечает, но это не важно: главное, что он все понимает! Дядя сказал, что когда он разговаривает с собакой, ему ответов не нужно — в этом вся прелесть разговора! А я только по-русски понимаю, этого, конечно, мало. Научиться бы говорить по-форельи! Я бы узнал разные речные тайны!»

— О форелий язык! — воскликнул я. — О великий, могучий форелий язык! О великий, могучий... — и тут вдруг из воды выскочила форель и схватила мою мушку. Это была большая форель, она так дернула удочку, что та изогнулась колесом.

Я взмахнул удочкой, выкинул форель на берег и упал на нее животом...

В НЕГО Я НЕ СТРЕЛЯЮ

У костра, за столом — за большим камнем — хлопотали дядя и Порфирий. Чанга не было — он был где-то на разведке, он вечно был где-то на разведке.

— Миша!

— Неужели вы не можете оставить меня в покое! — крикнул я.

— Пожалуйста! Будь в покое, но тогда ты не получишь семги.

— Какой семги?

— Малосольной!

«Ого! — подумал я. — Это другое дело!»

Это была та самая семга, которую дядя поймал ночью вместе с Порфирием. Потом они ее засолили, выпотрошив, сделав в ней надрезы по всему телу и напихав туда соли, и она лежала часть ночи и почти весь день на земле в клеенчатом мешке, чтобы сохранить сок. Днем она даже лежала на солнце, чтобы поскорее просолиться, и плавилась в собственном соку, и вот теперь дядя решил ее попробовать. И я не мог ее не попробовать.

Я, конечно, ел семгу, и не раз, дядя часто привозил семгу в Москву.

Но *эта семга*, которая лежала сейчас на клеенке передо мной на камне возле костра — *это была совсем особая семга!* Такую семгу можно было попробовать только здесь, возле реки, через сутки после лова, и больше нигде. Дядя вынул ее из клеенчатого мешка — мешок был сшит лицевой стороной клеенки внутрь, сшит особым хитрым проклеенным швом, не пропускавшим влагу — и сейчас эта семга лежала на нашем каменном столе, отливая синевато-серебристым цветом, цветом стали, обсыпанная желтоватой крупной солью, лежала, оскалив свою хищную пасть с загнутой вверх нижней губой, и поглядывала на меня тусклым сизым глазом, подернутым мутной пленкой. Спина у нее была темная, с маленькими черными крапинками на чешуе, а низ живота серебряный. Ее даже жалко было есть: такая она была красивая! Вокруг семги лежал ржаной хлеб, нарезанный ломтями, и стояли разноцветные кружки — желтая, синяя, белая — и валялись оранжевые головки репчатого лука, проросшего маленькими зелеными перышками, и лежал большой кинжал Порфирия с деревянной ручкой, и дядина финка с агатовой ручкой, и мой ножик с костяной ручкой, а подо всем этим была серая клеенка: натюрморт, скажу я вам, что надо! Потрясающий натюрморт, благороднейшие тона, настоящая живопись!

Дядя тем временем отхватил своей финкой большой кусок семги — от хвоста, разрезал его поперек на куски и накидал их горкой по середине стола. Дядя резал не так, как режут семгу в ресторанах и магазинах, — тонкими ломтиками, он резал семгу, как хлеб, толстыми кусками, и жир капал с его пальцев на клеенку...

— Прощу, — сказал дядя торжественно, и наши руки сразу потянулись к этой горке.

Все сразу замолчали, забыв друг о друге и обо всем на свете — вот был момент, скажу я вам. Мы словно все оглохли, весь мир сразу отошел куда-то далеко и никаких мыслей не было! Была только семга, пахнувшая морем, еще почти сырая, упругая, сочащаяся жиром, только едва тронутая солью — нет, этот вкус я не могу вам описать. Я не могу вам описать этот вкус, я не в состоянии, это вы должны сами попробовать. Непременно попробуйте, а то так и умрете. не попробовав, и это, конечно, будет очень печально!

И тут мы услышали Чанга. Он лаял где-то в стороне от реки, в лесу. Таким я его еще никогда не слышал: хриплый, взволнованный

лай то и дело переходил на низкий вой и на визг.

— Кого-то он там разведает, — нахмурился дядя. — Не было бы беды!

Дядя стоял с кружкой чая в руке.

— Видать, хозяина встретил! — живо сказал Порфирий.

— Какого хозяина? — спросил я.

— Медведя! — сказал дядя. — Ты побудь здесь, а мы сбегает...

— И я с вами! — заорал я в отчаянии.

— Тогда не отставать!

И мы побежали в сторону от реки, на голос.

— И не лезть у меня вперед! — крикнул дядя на бегу, перепрыгивая с камня на камень.

— Я и так сзади!

Я еле поспевал за дядей и Порфирием.

Мы бегом спустились в распадок, где рос на черной земле иван-чай, миновали мертвую избушку и стали подниматься вверх по лесистому склону.

Чанг завыл совсем рядом, низким страшным голосом, от которого у меня сердце забилось, и тут я увидел их из-за кустов багульника — Чанга и медведя.

— Стой! — сказал дядя, вытаскивая из кармана наган. — Ко мне!

Чанг даже не оглянулся на дядю. Он лаял как очумелый, дрожа от ненависти и взрывая задними лапами мох. Медведь стоял перед ним на задних лапах, как на ногах, во весь свой рост — темно-бурый, с прилипшими к шерсти комьями земли на животе, лобастый и спокойный, а в передних лапах он держал росшую перед ним березку, пригнув ее к земле, и отмахивался ею от Чанга. Он отмахивался ею от Чанга, как человек от назойливой мухи, даю вам честное слово!

— Доннерветтер! — звонко и весело крикнул дядя.

Медведь выпустил из лап березу, которая с шумом выпрямилась, и, подняв лапы кверху, шагнул вперед, как будто хотел схватить Чанга и задушить его в своих объятиях...

— Стреля-ай! — заорал я. — Стреляй в него!

— *В него я не стреляю!* — отдельно и тихо произнес дядя и, шагнув навстречу медведю, крикнул что-то низким гортанным голосом — я ничего не понял — и медведь сразу, как по команде, повернулся кругом, упал на четвереньки и затрусил в лес, а Чанг повернулся к дяде и подошел к нему, помахивая хвостом, виляя всем телом и качая головой.

В наступившей тишине было слышно, как медведь хрустел валежником, удаляясь в глубь леса. Да еще — как стучало мое сердце. Наверное, все слышали, как стучало мое сердце!

Продолжение следует

ВЗРЫВ

Г. Дубиничев, А. Хлебников

Рисунки Г. Праксейна

Эта повесть строго документальна. Один из ее авторов, Г. А. Дубиничев, принимал участие в событиях, о которых вы прочтете.

Батальон особого назначения

В ночь на 25 ноября 1941 года разыгралась метель. Немецкий заслон — шесть автоматчиков с пулеметным расчетом — расположился на опушке. Густые ели хоть немного защищали от пронизывающего ледяного ветра. Закутавшись в одеяла и накидки, гитлеровцы вглядывались в снежную пелену, закрывающую поле.

Одна за другой взвивались ракеты, рассыпались и ослепительно бе-

лым светом заливали несущиеся по полю снеговые волны.

— Курт! Стреляй!

— Опять тебе мерещится, — ответил пулеметчик, отворачивая лицо от студеного ветра. — Лента кончается; поберегу. На рассвете Иваны действительно могут пойти.

— Курт! — не своим голосом завопил другой солдат. Одеревенелыми от мороза и ужаса руками он пытался сорвать с шеи автомат.

Пулеметчик обернулся. Из снеговой завесы, словно гонимые бурным ветром, вылетали лыжники. Это было последнее, что видели фашисты.

— Путь свободен! — передал по радиации командир дозора, и батальон особого назначения рванулся вперед через линию фронта, во вражеский тыл.

«Замыкающие» волокли за собой пучки еловых веток, заматывая ими след.

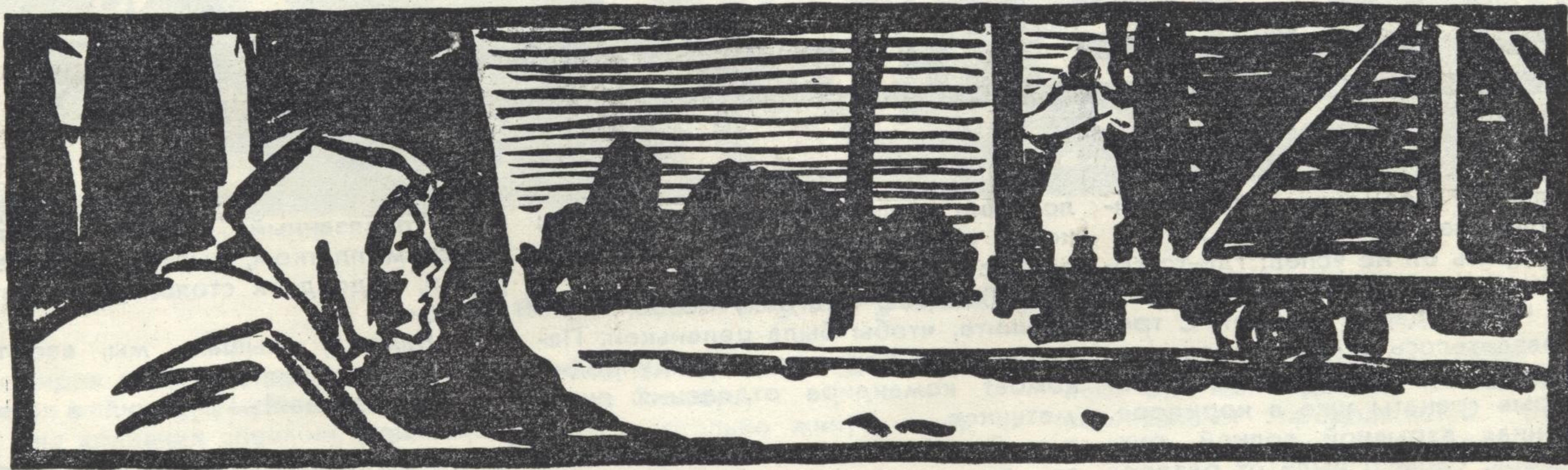
„Карета“ прибыла

Несколько суток спустя со станции Дно — она была в те дни в руках у фашистов — вышел на юг состав из двенадцати пустых товарных вагонов. Утром он благополучно прибыл на маленький полустанок и встал в

русский трофейный тулуп, настороженно поглядывая на заснеженные деревья, подступающие к полотну железной дороги. Когда напарник пришел его сменить, он спросил, понизив голос:

нул: «Иван, вот тебе хорошая мишень!» — и, повернувшись спиной к лесу, нагнулся и похлопал себя по заду. Лес опять молчал.

— Что, убедился? — самодовольно хмыльнулся Вальтер. — А теперь

тупик, пропуская идущие на восток эшелоны с артиллерией и танками.

Охранники в теплушке у раскаленной печурки играли в карты и горланили свою излюбленную песню: «О донна Клара». Они чувствовали себя в полной безопасности, но на всякий случай все же выставили два поста. Один солдат постоянно находился на тендере у пулемета, а второй — на тормозной площадке последнего вагона.

Этот второй, плотно укутавшись в

— Вальтер, а нет ли здесь партизан?

— Откуда им тут быть?

— Мне кажется, что на меня кто-то упорно смотрит...

Вальтер с опаской взглянул на кромку ближнего леса, потом плюнул и рассмеялся.

Он подошел к краю площадки и заорал, сложив руки рупором:

— Эй, Иван, не прячься, выходи — получишь сухарик!

Лес молчал. Тогда Вальтер крик-

проваливай в теплушку. В следующий раз не распускай соплю...

А в двадцати метрах от вагона, за елью, лежал в снегу советский офицер Сизов и держал обоих гитлеровцев на мушке.

— Жаль, нельзя! — вздохнул он и тронул рукой лежащего рядом товарища. Оба бесшумно отползли и присоединились к остальным разведчикам.

— Саша, передай комбату, — сказал Сизов, — «карета» прибыла. А

вам, товарищи саперы, задача: удерживать этот состав здесь на пять-шесть часов. Нам ведь еще надо организовать «карете» торжественную встречу. Только прошу саперов учесть: путь взорвать вы должны, как начинающие партизаны. О своем профессиональном почерке забудьте...

Торжественная встреча

— Срочно вызывает Дно! — доложил дежурный. Лейтенант взял телефонную трубку.

— Комендант станции слушает, — зевая, сказал он. Но при первых же словах, поперхнувшись, вскочил и вытянулся по стойке «смирно». Еще бы, звонил сам капитан Зенке.

Капитан спрашивал, готовы ли они принять порожняк.

— Разумеется! — воскликнул комендант. — Не беспокойтесь, господин капитан, в районе станции все спокойно.

Положив трубку, он повернулся к помощнику: «Усильте посты. Капитан считает, что на линии Дно — Но-

За этот срок мы своими силами отремонтируем мост, — закончил он и вытер вспотевший лоб.

— Хорошо, — ответил Зенке.

Когда лейтенант, сопровождаемый двумя «партизанами» вышел на перрон, он увидел картину, которая на мгновение его обрадовала: возле вагонов стояли немцы. Но тут же комендант понял, что это русские, уже переодетые в немецкие шинели, с немецким оружием в руках.

«Партизаны ли они? — впервые подумал комендант. — У них великолепная выправка».

А комбат еще раз осмотрел позиции, занятые пулеметчиками. Распо-

вался к путям. Впереди себя паровоз толкал две платформы, очевидно, груженные балластом.

— Осторожничают, прощупывают путь. Опасаются мин, — заметил комбат, опуская бинокль.

— Следовательно, теплушку они прицепили в самом конце состава, тем лучше, — сказал Сизов.

Еще несколько минут — и мимо перрона потянулись товарные вагоны. Едва состав остановился, из теплушки выскочил офицер и торопливо зашагал к станционному зданию.

Солдаты не спешили выходить из теплушки на мороз. Только один из

восокольники возможны новые вылазки партизан. Кроме того...»

Договорить он не успел: где-то совсем рядом рванула граната, вторая, третья. Часто ударил автомат. С треском разлетелось стекло, и помощник, схватившись за грудь, упал. Новый взрыв гранаты уже в коридоре. Высаженная взрывной волной, рухнула дверь. Облако пыли от раздробленной штукатурки окутало коменданта. Он вскочил, бросился к окну, выпрыгнул и поднял руки: перед ним с автоматами наизготовку стояли трое.

Через пятнадцать минут лейтенант вызвал по телефону Дно, и когда на том конце взял трубку капитан Зенке, доложил, косясь на автомат Сизова, что на станцию совершен партизанами налет, но что нападающие отбиты и трусливо бежали.

Однако партизаны успели повредить мост при въезде, потому он, комендант, просит часа на два задержать выход порожняка.

ложение пулеметов было удачно: когда состав подойдет, он целиком попадет в зону обстрела.

— Лебедев, теплушку особенно не крошите, чтобы была целенькой. Паровоз тоже берегите, — предупредил комбат командира отделения пулеметчиков.

— Яволь, герр хауптманн! — смеясь, по-немецки ответили пулеметчики. А кто-то заметил: — Товарищ комбат, немецкая шинелька вам узковата, трещит по швам!

— На один маскарад сойдет, — ответил комбат. Он понимал, почему у бойцов прекрасное настроение: станцию захватили без потерь.

В кабинете коменданта станции у телефона неотлучно дежурил Сизов. В соседней комнате — взвод автоматчиков наготове.

Наконец, звонок. С соседней станции сообщили, что состав вышел...

Из-за поворота показался поезд. Он шел медленно, словно принюхи-

них, повязанный поверх пилотки женским платком, выскочил на перрон и, подойдя к стоящему солдату, спросил:

— Камрад, слышали мы, вас тут партизаны пощипали?

— Проваливай! — буркнул в ответ Чернышев.

— Ты, я вижу, не очень любезен. Не сердись, я пошутил. — Немец предложил Чернышеву сигарету и пригласил в теплушку.

Это вполне устраивало Чернышева. Войдя вслед за гитлеровцем в вагон, он, как бы из робости, остановился у самой двери.

Молниеносный взгляд кругом. «Автоматы — в стойке, в углу. Опасен ефрейтор — он держит пистолет: наверное, чистил. А если вычистил — успел ли он зарядить его?»...

Дверь еще не задвинута. Чернышев видит, как к вагону спешит к нему на помощь Семен Торцов. «Молодец, догадался...»

Солдат с платком на голове оборачивается:

— Что стоишь — проходи! И дверь задвинь — не во Францию.

Чернышев с силой рвет дверь в сторону и, отскочив, выхватывает из обоих карманов шинели по пистолету:

— Руки вверх! Не шевелиться — стреляю! — резко кричит он.

Какое-то мгновение гитлеровцы ошалело смотрят на него, потом кидаются к автоматам. Чернышев не целясь бьет. Но тут же правая рука его, перебитая, выпускает пистолет.

«Успел, проклятый ефрейтор!» — Чернышев поворачивается к нему, но вторая, смертельная пуля прошивает грудь.

А в дверях уже Торцов. В его ру-

ках автомат изрыгает длинную беспощадную очередь...

* * *

Начальник охраны состава едва доложил коменданту о своем прибытии, как недалеко захлопали выстрелы и затрещал автомат.

Лейтенант насторожился — бил явно советский автомат. «Что случилось? — обеспокоенно спросил он. — Не партизаны ли опять?»

— О нет, лейтенант, — улыбнулся комендант станции. — Мои люди знакомятся с трофейным оружием.

— Я могу следовать дальше? — спросил лейтенант.

— Конечно. Но... Что у вас? — недовольно обратился комендант к

вошедшему в кабинет посетителю. И лейтенанту: — Извините, лейтенант, нас перебили.

— Ничего, пожалуйста, — немец шагнул в сторону, пропуская к столу незнакомца, и вскрикнул — его руки оказались зажаты словно в железные тиски.

— Спокойно, лейтенант, — вставая из-за стола, произнес «комендант» Сизов. — Отпустите его руки, Данилов, да посадите на стул, пусть очухается.

— Выбирайте выражения, я говорю по-русски, — буркнул немец.

— Рад слышать, — усмехнулся Сизов, — мне гораздо приятнее вести допрос на родном языке. С чего же начнем?

На „зеленую улицу“

Тихомиров еще раз, для контроля, осмотрел тайники, устроенные в вагонах для хранения спецмин, и работой своих товарищей-саперов остался доволен. Сделано чисто. В шести вагонах, у дверей, доска вертикальной обшивки легко поднималась вверх, открывая гнездо, из которого мину незаметно можно было взять или, не вынимая, привести в действие ее бесшумный химический взрыватель.

Сами мины были очень удобны для скрытой транспортировки — их можно пронести под ремнем, в потайном кармане, они чуть больше портсигара и вместе с тем обладают огромной разрушительной силой.

— Все в порядке, — доложил Тихомиров Сизову...

Через несколько минут новая паровозная бригада повела состав на юг. В теплушке эшелона ехало шестеро новых «охранников».

Сизов сидел у печурки, опустив голову. Глядя на огонек, лижущий поленья, он в который раз мысленно проверял, не допущена ли где ошибка?

«Объяснение, отчего из двенадцати солдат охраны осталось шестеро, правдоподобно: остальные погибли в бою с партизанами...»

Комбат сейчас инсценирует второй налет партизан на станцию. Он сообщает, конечно, что часть солдат охра-

ны порожняка убита, что состав удалось отправить дальше и что бой с партизанами продолжается. Затем батальон от станции отойдет, оставит красноречивые следы жаркого боя...

Это все неплохо. Но пройдет ли благополучно проверка на контрольно-пропускных пунктах? Документы, кажется, — комар носа не подточит, но кто его знает?...

А колеса под полом стучали и стучали — состав с советскими солдатами мчался на юг до Новосokolьников, а оттуда на запад, навстречу неизвестной судьбе...

Окончание следует

Приключения Васи Булкина в революционной Петрограде

21 октября.

— Близок тот день, когда мы потребуем от правительства убраться. И если оно этого требования не исполнит — уберем его сами!

Это говорил на митинге завода Сан-Галли человек в очках, с профессорской бородой — в общем, по виду я решил, что он настоящий буржуй. А он вон какое жажнул!

— Кто такой! — спрашиваю у дяди Коли.

— Луначарский, — и, помолчав, добавил: — Его Ильич любит. Отличный, говорит, товарищ.

— Дядя Коля, а Ленин уже приехал?

Тут в наш разговор вмешался какой-то рабочий, стоявший рядом на митинге.

— Приехал, — говорит.

22 октября.

В Смольный дядя Коля провел меня мимо всех часовых. Только показывал им пропуск и говорил: «Мальчик — со мной». А часовых там много: при входе и на этажах.

По коридору дошли до комнаты номер десять. В ней сидело трое. Один писал какие-то приказы на бланках со штампом: «Военно-революционный комитет Петроградского Совета». Двое других спорили у карты, утыканной флажками.

— Мосты и телефон мы возьмем. А Зимний?

— Крепость поможет.

— Ни черта не поможет. Там самокатчики, июльские каратели. Нужно вызывать моряков.

— Уже телеграфировано в Гельсингфорс.

— Пожалуй, я тогда поеду к своим. Николай, ты ведь сейчас в центральной комендатуре Красной гвардии? (Дядя Коля кивнул.) Не отпустишь пока со мной этого парня? В полку сегодня может понадобиться связной.

Так я познакомился с товарищем Григорием Чудновским, членом тройки по руководству восстанием, рядовым преображенского полка. В эту ночь он уговорил свой полк стать на сторону революции.

24 октября.

Сегодня утром отбит налет «временных» на редакцию «Правды».

Военно-революционный комитет действует вовсю. В части назначены комиссары. Комитету уже подчиняются броневики, флот и Красная гвардия. Захвачены мосты, почта, телефон, телеграф. Войска окружают Зимний.

На телефонной станции были серьезные бои. Наши попали в засаду в подворотне. Но в темноте, — рассказывают, — кто-то скомандовал: «Юнкера, стой!» — контрики растерялись, решили, что командует их офицер, опустили винтовки, тут-то их и взяли.

Потом уже разъезд юнкеров контратаковал телефонную станцию. На углу Морской и Кирпичного переулков до сих пор лежат убитые лошади, дымится подбитый гранатами броневик.

А сегодня я отвлекал юнкеров разговорами, пока двое красногвардейцев, дяди Колиных дружков, работали на Дворцовой площади возле броневиков и автомобилей, которые там собрал Керенский. Что они делали с машинами, мне не сказано, дядя Коля просто велел — отвлекай юнкеров, как сумеешь... Я и газеты продавал, и новости рассказывал. Они там, в Зимнем, побаиваются да на подмогу надеются, я посулил, что с фронта казаки к ним идут, сам слышал. Так они окружили, чуть к себе в штаб не заташили. Еле отговорился...

По-моему, дяди Колины дружки в это время вытащили из моторов свечи зажигания.

25 октября.

Керенский утром уехал из города. Откуда он только машину взял? Ведь все были испорчены.¹

Он поехал за казаками на фронт. Нашим надо взять Зимний до его возвращения — иначе может стать поздно.

Вообще-то у них — безнадежно. Юнкеров всего сотни три-четыре. Да и те понемногу разбегаются. Ушел из Зимнего женский батальон Бочкаревой, ушли артиллеристы и пушки укатали с собой, ушла казачья сотня...

А у наших — двести тысяч солдат, пятьдесят тысяч красногвардейцев да пятнадцать тысяч матросов.

¹ Керенскому дал свою машину посол США.

Крейсер стоит у Николаевского моста! Петропавловская крепость — наша и гвардия наша! Чего они там еще ломаются? Неужели непонятно — кто кого? Пусть сдаются!

Днем к ним ушел товарищ Григорий Чудновский. Хотел уговорить сдаться без боя. Так его даже арестовали. Только потом выпустили.

Ночь. Кругом костры. Холодно. Все греются, а я пишу. Ждут сигнала. Впереди у Зимнего — баррикады юнкеров. Солдаты ругаются: чего, мол, тянуть, дали бы приказ, в два счета бы Зимний взяли...

А приказа все нет. Чего, правда, ждут?

26 октября.

В два часа ночи Зимний был взят. После выстрела «Авроры» и залпа из крепости начался приступ, и скоро все было кончено.

Я видел, как солдаты и красногвардейцы перепрыгивали через баррикады, как ворвались во дворец, стреляли. Честно сказать, я во дворце заблудился. Вдруг зашел почему-то в тронный зал, там солдаты по очереди на трон садились. Я тоже присел...

А потом увидел знакомого. Это был тот самый, из комнаты номер десять Смольного, который писал приказы. Он куда-то очень торопился, и я поспешил за ним. Мы шли по разбитым снарядами и бомбами залам. И вдруг появилась караульная цепь юнкеров.

— Здесь, — сказал наш начальник. Юнкера бросили оружие. Дверь распахнулась. За ней находились министры.

Человек из Смольного сказал:

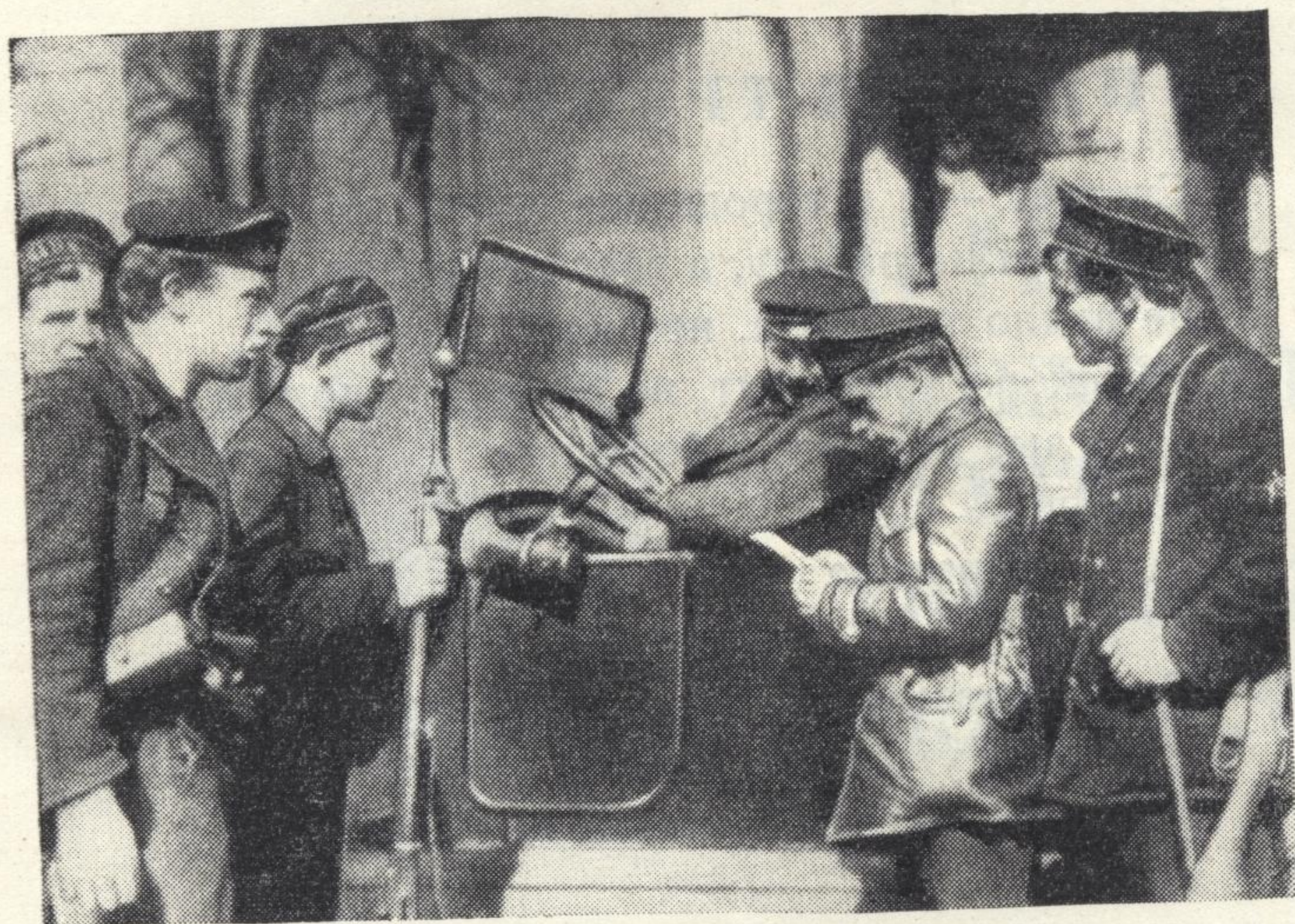
— Именем революции я, председатель Военно-революционного комитета Антонов, объявляю Временное правительство низложенным.

Потом министров пересчитали и попросили расписаться под протоколом ареста. Они упирались. Им сказали: «Ведь для истории». Они расписались. Я подумал: а правда, наверно, это она и есть, история, про которую книжки пишут.

А в это время уже открылся Съезд Советов в Смольном.

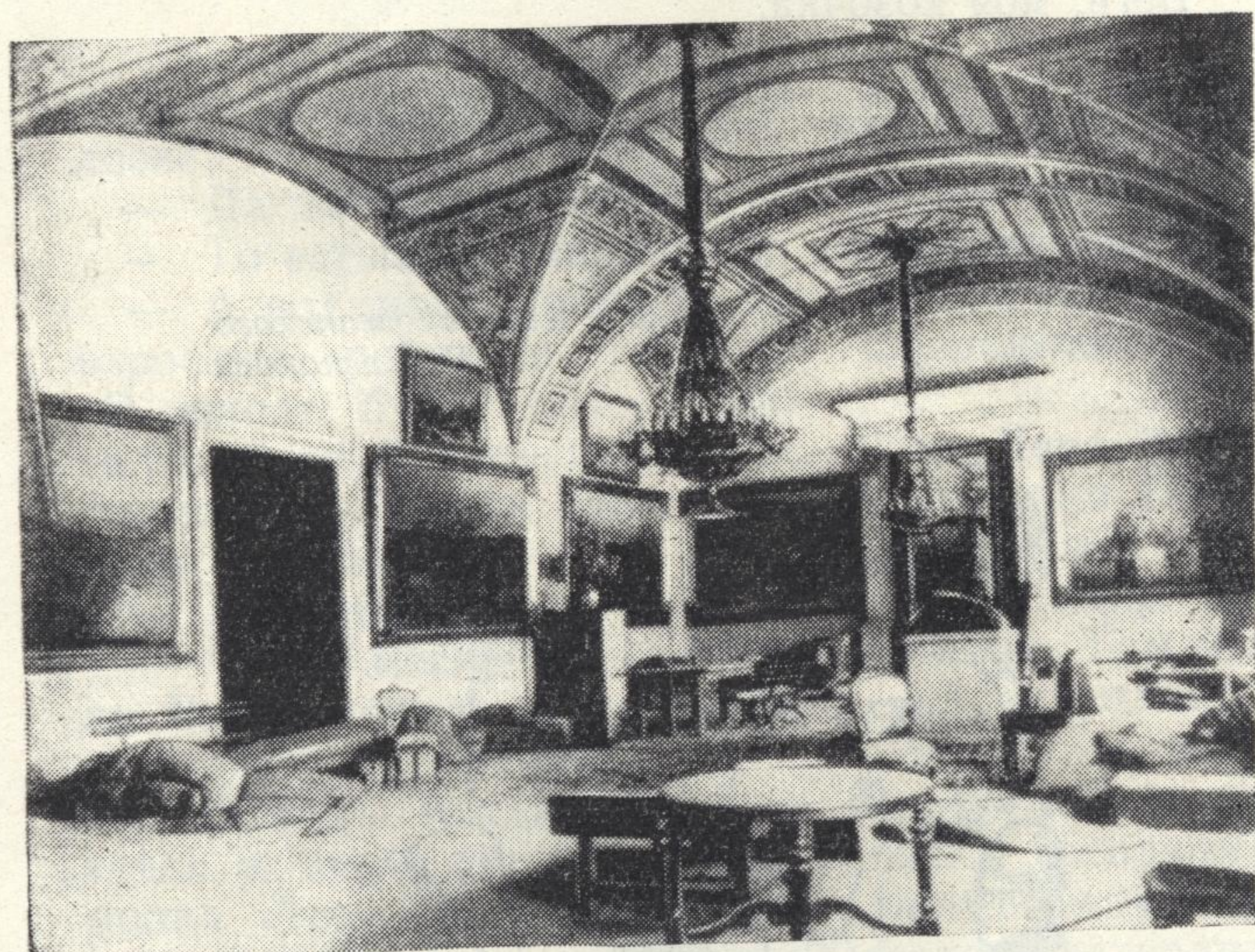
Председатель Съезда объявил, что в России установлена Советская власть. А потом выступил, как вы думаете, кто? — Ленин! Он прочел новые декреты! Я знал, что он здесь, что это он всем руководит. Да здравствует Ленин!

Зимний дворец взят.

Зимний дворец, где засели под охраной юнкеров и женского батальона члены Временного Правительства, был взят штурмом революционных войск около 12 час. ночи, 25 октября. Министры Терещенко, Кишкинъ, Коноваловъ, ген. Маньковский, Никитинъ, Вердеревский, а также Пальчинский — арестованы и заключены в Петропавловскую крепость. Юнкера и женский батальон разоружены; последний будет расформированъ и распущенъ. Потери со

Продолжаем публикацию газетных и журнальных вырезок, сделанных Васей Булкиным.

На верхнем левом снимке видим, как матросский патруль проверяет документы: город взят под революционный контроль, Временное правительство отгородилось от восставшего Петрограда штабелями дров, сложенными перед Зимним дворцом — изображение этой баррикады (верхний правый снимок) Булкин нашел в журнале «Аргус».

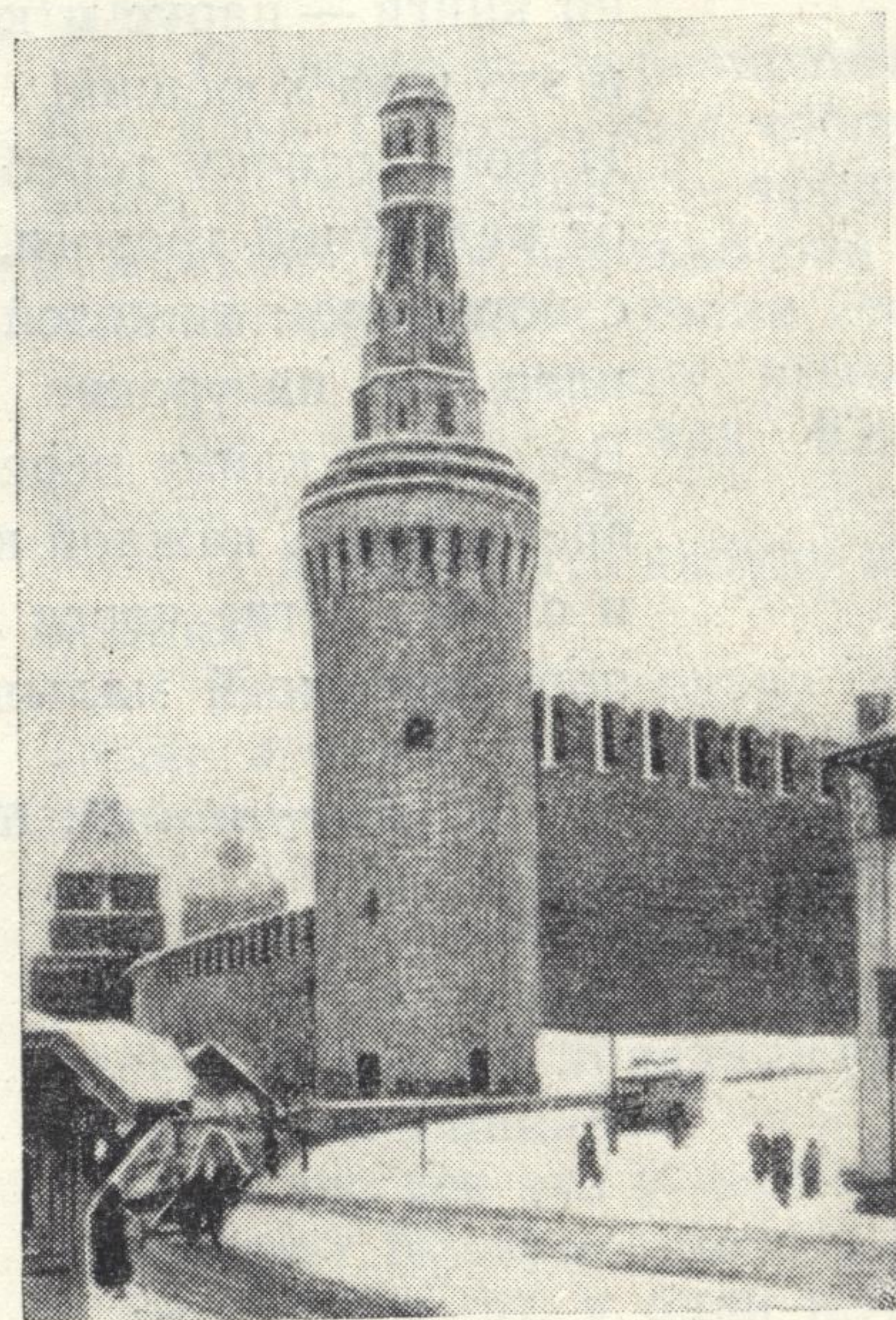
Ниже — еще один снимок Зимнего дворца: зал, пострадавший от артиллерийского обстрела. Таким запечатлел его фотограф журнала «Весь мир».

И, наконец, победное сообщение в «Правде»: Зимний взят.

А в Москве еще шли бои — ожесточенные, кровопролитные. Из журнала «Искры» Вася вырезал фотографию — верхушка одной из кремлевских башен сбита крупнокалиберным снарядом.

Да, бои за Революцию только еще начинались. Белые поднимали голову по всей стране. И Вася...

О том, что стало с Васей, читайте в следующем, ноябрьском номере «Костра».

Бахтияр Вагабзаде

ПОРТФЕЛЬ

...И вот тебя, голубчик мой,
я провожаю взглядом.
Портфель (с тебя величиной)
плывет с тобою рядом.
Хоть с непривычки тяжело
идти с такою ношей,
но книги — парус и крыло,
и это груз хороший!
И вот, косичку теребя
от радостной тревоги,
с портфелем тяжелей себя
идешь ты на уроки.
В тебя по капле перейдет
премудрость каждой книжки —
и станет легче через год
портфель моей малышки!

Рисунки И. Казаковой

ПЕРВЫЕ ТРОПИНКИ

Светает, — а в городе все побелело!
Спешим на работу, а снег по колена,
не видно тропинок, не видно дорожек...
Но скоро протопчут, но скоро проложат
взрослые валенки и ботинки
первые

утренние
тропинки!

Когда просыпаются наши ребята —
тропинка утоптана, крепко умята,
и в школу по этой готовой дорожке
топают

ботинки и галошки.

Беги, моя козочка,
на уроки
по этой проложенной мною дороге!..
Потом подрастешь, наберешься ума,
и первую тропку проложишь сама!

*Перевела с азербайджанского
Н. Слепакова*

ДРУЖБА

FRIENDSHIP

LAMITILR

FREUNDSCHAFT

PRZVJAZŃ

Юра Соколов — исполняет польскую песню

— Как же все это началось?

— Да плохо началось.

— То есть как плохо?

— А вот как. Собрали мы, взрослые, ребят и говорим: «В школе будет интернациональный клуб. Записывайтесь». Записались, нашли адреса, начали переписку...

— Уже хорошо!

— Через месяц все заглохло. Видно, чего-то недоставало.

— Чего же именно?

— Это мы позднее поняли, когда в клуб пришла комсомолка Лера Дубовова... Да что это я вам сама все рассказываю! Пошли к ребятам.

— Лера сказала...

— Когда Лера была в ГДР...

— Лера предложила написать в Блан-Мениль...

— Это французский городок, побратим нашего Петергофа...

— А нам мэр прислал альбом с фотографиями!

— Подождите, что это у вас за Лера такая?!

— А вот она!

— Лера, иди сюда!

Вот так так, мы на нее и внимания не обратили, на эту де-

вочку. А она бочком протиснулась в дверь и тихо села в сторонке. Роста маленького, на затылке хвостик и никаких командирских примет. Как же ее слушают?

— Лера, а почему ваш клуб носит имя Пяти Бюффонских лицейстов?

— «Бюффон» — это лицей в Париже. Там во время фашистской оккупации была группа Сопротивления. Ребят схватили, когда они выполняли задание. 8 февраля 1943 года их расстреляли. Старшему из них было девятнадцать, остальным по пятнадцать...

— Вы переписываетесь с нынешними лицейстами?

— Конечно. Они прислали нам портреты героев: Пьера Грело, Жана-Мари Арту, Пьера Бенуа, Жака Бодри, Люсьена Легро...

— А про какой праздник писали ваши ребята?

— Это день рождения клуба. 27 января нам присвоили имя Пяти Бюффонских лицейстов.

— Лера, расскажи про день юного героя!

— А ты сам расскажи.

— Нет, лучше ты...

— Это день ребят-героев всех стран мира. Мы проводим фестиваль, веселый карнавал.

— И костюмы сами шьете?

— Кое-что сами, а еще друзья помогают. Из многих стран прислали пионерские галстуки, а поляки — даже харцерскую форму!

— И что же было на карнавале?

— О, всего не перечислить! Вот Юра Соколов был «поляком», а Таня Елкина — «француженкой». Так сколько они в библиотеке сидели, учили стихи, песни на «своем» языке! Вы бы слышали, как Юра польские песни пел!

— И каждый что-нибудь исполнил?

— Каждый! И только на языке «своей» страны! С монголами у нас долго не получалось — очень трудный язык! Так мы отправили письмо монгольским пионерам, они перевели нам текст и прислали русскую транскрипцию...

— А кто все это у вас придумывает? Наверно, Лера?..

— Ну что вы, я одна ничего не делаю. Вот мы с Таней,

Президент КИДа Лера Дубовова

например, писали сценарий праздника и никак не могли закончить. А ребята собрались и столько интересного предложили!

— Кого вы принимаете в клуб? У вас экзамены?

— Нет. Если человек говорит: «Хочу работать. Что надо сделать?» — значит, наш. А если скажет: «Дайте адресок!» — долго в клубе не продержится...

— Лера, многие ребята получают письма от зарубежных друзей на русском языке и са-

ми отвечают по-русски. Как ты считаешь, это правильно?

— Думаю, что нет. Мы переписываемся на четырех языках: на немецком, английском, французском и русском.

— А в школе какой преподают?

— Английский.

— .....?!

— Остальные? Самостоятельно.

— Расскажи, как ты занимаешься французским?

— По самоучителю.

— А произношение?

— Я покупаю пластинки и слушаю французских певцов.

— Но как ты успеваешь, ведь в девятом такая программа!

— Приходится... Я люблю языки.

— Лера еще испанский учит!

— А Марина Вараховская хорошо знает немецкий, помогает письма переводить.

— Вы кидовца сразу в школе узнаете: человек со словарем — значит, наш!

— Лера, а в Международном лагере что тебе особенно запомнилось?

— Я даже не знаю... Там были ребята из ФРГ, они приехали нелегально. Там пионеров преследуют, угрожают убийствами. Мы обменялись адресами с одним мальчиком,

но как ему писать: вдруг навредишь?

— А как ты попала в лагерь?

— Я победила на конкурсе «У нас друзья на всей земле» и меня наградили путевкой.

А все остальное мы узнали от жителей поселка, потому что ребят из интерклуба знают всюду, и это очень здорово!

Мы узнали, например, что, услышав по радио об аресте коммунистов Венесуэлы, кидовцы составили текст протеста и собрали подписи всех жителей Петергофа.

...что, возмущенные зверствами американцев во Вьетнаме, ребята нарисовали плакаты и отправили их в Москву, в посольство.

...что они устроили платный концерт, а деньги сдали в фонд помощи детям борющегося Вьетнама.

...что члены клуба послали харцерам польского города Свидвина учебники русского языка, узнав, что те в них нуждаются.

...что зарубежные учителя были приятно обрадованы, когда на вокзале Петергофа их встретили ребята. Они показали гостям парк, школу, клуб, пели вместе с ними...

Вот что такое КИД.

* * *

Дорогие ребята! За последнее время мы получили от вас очень много писем с просьбой дать адреса зарубежных школьников. Для того чтобы удовлетворить все ваши желания, нам пришлось бы открыть бюро переписки во главе с начальником и двумя заместителями, с международным отделом, двадцатью машинистками и почтовой конторой...

Как вы понимаете, такого бюро открыть мы не можем. Да и зачем?

Вы только что прочли пионерские диалоги, записанные в клубе интернациональной дружбы 529-й школы в поселке Новый Петергоф. И наверняка у вас мелькнула мысль: вот бы нашей школе такой клуб!

За чем дело стало! Как видите, в Новом Петергофе ребята все делают сами. Ну, а если понадобится поддержка, она у вас под боком — смело идите в райком, горком комсомола. Там вам помогут.

Диалоги записала Л. Суздальская
Фото В. Богданова

ТРОПИНКА НА АЭРОДРОМ

Вильям Козлов

Рисунки Н. Кустова

РАССКАЗ

Я знаю, что она идет сзади. Не по тропинке, которая петляет меж островками желтой куриной слепоты, а вдоль ржаного поля, пронизанного синим мерцанием. Это качаются на ветру васильки. Их много во ржи, не у кромки поля, а там, дальше, где гуляют зеленые заколосившиеся волны.

Когда я оглядываюсь, она нагибается и рвет васильки. И вид у нее такой, будто она случайно сюда забрела за цветами. Раньше васильков вдоль ржаного поля было гораздо больше. Теперь стало мало. Она их все скоро сорвет. Папа как-то сказал, что председатель колхоза должен вынести благодарность за то, что она уничтожает сорняки. Она ответила, что без васильков и поле не поле. Что угодно можно называть сорняками, только не васильки.

У нас в квартире в вазах, в стаканах, даже в пузатой бутылке из-под болгарского вина стоят васильки. Это ее любимые цветы.

Солнце светит в спину. Оно скоро сядет за лесом. Большое, красное и совсем не жаркое. Не то что днем. Когда солнце сядет за лесом, начнут петь соловьи. Здесь много со-

ловьев. Те соловьи, которые поют хорошо, живут в роще, а которые похуже — в зарослях ольшаника.

Папа в шутку сказал, что в роще, мол, живут «заслуженные артисты», а в ольшанике — рядовые.

Сегодня солнце очень долго не садится. Один из «заслуженных» попробовал голос и защелкал, засвистел. Не хватило у него терпения дожидаться заката. Остальные пока помалкивали.

Она выпрямилась, опустила руки с синими васильками и, наклонив пушистую коричневую голову, стала слушать. Она могла слушать соловья до утра. Вот так, наклонив голову и не двигаясь.

Но соловей не поет вечно. Он тоже устает. И тогда она снова продолжает путь.

Она — это моя мама. Я на нее сердит, поэтому и называю: «она». Каждый раз, уезжая на аэродром, отец просит маму, чтобы она его не встречала. От нашего дома до аэродрома шесть километров. И потом, бывает, полет затягивается. И маме приходится ждать часами. И у нее иногда такое лицо, что

папиным знакомым хочется подать ей стакан воды. А командир части сказал, что при виде мамы он почему-то чувствует себя виноватым.

Папа очень просит маму не приходить на аэродром. Она обещает, но как только он улетает, у нее все из рук валится и она уходит в поле за цветами... Ржаное поле как раз в той стороне, где аэродром. Мама говорит, что она даже и не замечает, как оказывается у летного поля.

Я остаиваюсь и жду ее. Она нагибается за васильками и долго не разгибается. Она думает, что мне надоест ждать и я пойду дальше. Но я стою и жду.

— Это ты, Костя? — улыбаясь говорит она. — А я смотрю, мелькает впереди знакомая рубашка...

— Ты же обещала, мама? — говорю я.

— Ты это о чем? — удивляется она.

— Он опять рассердится...

— Ты хочешь, чтобы я рассердилась?

Я этого не хочу. Когда мама рассердится, она может даже ударить. Мне уже не раз попадало.

— У нас с папой мужской разговор, — говорю я. — Ты нам будешь мешать.

— Мама никогда не может мешать.

У нас действительно сегодня с отцом будет мужской разговор. Мы должны обсудить предстоящую рыбалку. Через два дня воскресенье. На Соленом озере в прошлый раз мы ничего не поймали. Теперь поедem на другое. А вот на какое именно, мы и должны обсудить. Маме все это не по душе. Она не любит рыбалку и всегда нас отговаривает от этого дела. «У тебя единственный день свободный — воскресенье, — говорит она. — И ты опять куда-то хочешь сбежать?» Мы один раз уговорили ее поехать с нами на озеро, но на нее напали комары и она вернулась домой вся в волдырях.

Так что при маме заводить разговор о рыбалке не имело никакого смысла.

— Что это у тебя на рукаве? — спрашивает она.

— На каком рукаве?

— Какой ты все-таки неряха, Костя, — говорит мама.

Мы продолжаем путь вместе. У меня нет морального права спорить с матерью. На рукаве большое масляное пятно. У нас есть мотоцикл «ИЖ». Я всегда его чищу и заправляю. Я уже умею ездить — отец научил, но выезжать на шоссе мне не разрешают. И на аэродром тоже. И вообще без отца заводить мотоцикл запрещается. Вот чистить, смазывать — это пожалуйста.

— Он тебе не говорил, когда прилетит? — спрашивает мать.

— Наверное, через час, — отвечаю я.

— Он говорил, что ему не очень-то нравится эта «ласточка».

Мой отец — летчик-испытатель. Он испытывает новые сверхзвуковые военные самолеты. «Ласточка» — это один из них. Мне отец ничего про «ласточку» не говорил. Про свои самолеты отец не любит со мной говорить. А вот маме сказал...

— В прошлом году он тоже так говорил... А потом пришлось катапультироваться.

Прошлой весной папин самолет загорелся в воздухе, и он едва успел выброситься с парашютом. Об этом я знал. Тот самолет оказался ненадежным. Три раза отец поднимался на нем, а потом он загорелся.

Мама ждала отца на аэродроме всю ночь, а потом утром перед зеркалом выдернула из головы несколько седых волос. Моя мама очень молодая. Ей всего тридцать два года. А мне тринадцать. Она говорит, что с таким большим сыном ей неудобно появляться на людях. И правда, некоторые думают, что я мамин брат.

Над полем прокатился мощный раскат. Это где-то в вышине самолет перешел звуковой барьер. Немного погодя послышался обычный гул. Когда мы с отцом рыбачим на озере и над нами раздается такой взрыв, пугливая уклейка выскакивает из воды. А птицы на несколько минут замолкают. Я спрашивал отца: слышит ли он там, наверху, этот взрыв? Отец сказал, что наоборот, когда начинается сверхзвуковая скорость, в кабине становится тихо.

До аэродрома еще километра три. Мы идем от военного городка напрямик. По шоссе до аэродрома девять километров. Мы слышим могучий рев, и вот над вершинами деревьев взмывает большой золотистый самолет. Кажется, что у него нет крыльев. Реактивный уходит свечой в голубоватое небо и скоро исчезает из глаз. Потом, когда он наберет высоту, за самолетом потянется белый след. Все небо над аэродромом расчерчено широкими белыми шлейфами. Они расползаются вширь и потом вообще исчезают.

— Костя... — говорит мама. — У тебя не кружится голова? Ты так долго смотришь на небо...

— Уж и смотреть нельзя?

— Ты никогда не станешь летчиком, — говорит мама. — Два летчика в семье — это слишком много...

Но здесь я непреклонен.

— Нет, стану, — отвечаю.

— Сколько на свете разных интересных профессий... Инженер, геолог, учитель...

— А я буду летчиком, мама.

— Да, конечно, мы, женщины, созданы только для того, чтобы ждать вас, мужчин... — Она взглянула вверх. — Нас разделяет целое небо...

— Разве мало женщин летчиц? — спрашиваю я.

— Мой милый, я самая обыкновенная женщина, которая ходит по земле... Имею я право спокойно ходить по земле и не смотреть все время на небо?

— Как называется эта бабочка? — спрашиваю я, чтобы перевести разговор на другое.

— Почему миллионы женщин ходят по земле и не думают о том, что существует такая неприятная штука, как земное притяжение. А я все время помню о нем. О земном притяжении.

Снова в воздухе знакомый гул. Я останавливаюсь и задираю голову. Идет на посадку самолет. Я вижу, как он выпускает шасси. На серебристых крыльях красный отблеск заходящего солнца. Самолет весь вытянут, словно веретено, а на носу игла. Это сверхзвуковой бомбардировщик. Уж не «ласточка» ли отца? Таких самолетов я раньше не видел.

Самолет скрылся за вершинами деревьев. Приземлился. Немного погодя в последний раз надсадно прогрохотал двигатель и умолк.

Мы еще не дошли до аэродрома, как увидели отца. Он, широко шагая, шел нам навстречу. Высокая трава до пояса скрывала его. Отец в привычной кожаной куртке на

молниях. Специальный высотный костюм он снимает на аэродроме. Ветер треплет светлые волосы, фуражку отец держит в руке. Я издали вижу, он улыбается. Значит, полет был удачным. Но почему отец идет этой тропинкой? Обычно он возвращается на «газике» по шоссе дороге. Случалось, я приходил на аэродром, а отец уже был дома.

Мать хмурит черные брови, хочет казаться серьезной, но губы помимо воли складываются в улыбку.

— И как ты догадался пойти нам навстречу? — спрашивает она.

— Я вас сверху увидел... — смеется отец.

Я с восхищением смотрю на него: отец только что был там, куда ни одна птица не залетает. Он видел сверху выгнутый край земли. Не каждому человеку доводится на глаз определить сверху, что земля действительно круглая.

На лбу отца красная полоска — след герметического шлема. Лицо порозовело, глаза смеются. Я люблю, когда он такой. И мама любит. Впрочем, отец гораздо чаще бывает веселый, нежели задумчивый и сердитый.

— Что сегодня делал мой сын? — спрашивает он.

— Не так уж трудно догадаться, — говорит мать. — Взгляни на его рубашку.

— У меня все готово, — говорю я.

— Карбюратор не течет?

— Я подтянул гайки...

— Я в воскресенье задумала печь пироги, — говорит мама.

— Какие пироги?! — спрашиваю с возмущением я.

Это не что иное, как посягательство на нашу рыбалку.

— Пироги — это хорошо, — говорит отец.

— И кроме того, в субботу вечером в клубе концерт... Приехали артисты из Ленинграда.

— Из Ленинграда? — переспрашивает отец.

— Мы же хотели... — говорю я.

Отец мне мигает: молчи!

— Я вот что предлагаю, — говорит он. — Артистов и пироги мы объединим, а в воскресенье рано утром махнем на озеро?

— То на небе, то на озере, — недовольно говорит мать. — Когда же ты дома бываешь?

— В сентябре возьмем отпуск, — говорит отец. — И закатимся на юг...

— В сентябре? — спрашивает мама. — Ты же говорил в августе?

— Отпадает... в августе... Понимаешь, новая машина прибыла — должен же я ее испытать?

С аэродрома поднимается самолет. Взглянув на него, отец говорит:

— Семенов пошел... Ночной полет.

— Вот пусть Семенов и испытывает, — говорит мама. — А мы поедem в отпуск.

— Чудачка, — говорит отец. — Да кто в ав-

густе ездит на юг? Жара, духота, а вот в сентябре — красотища!

— Ты в третий раз переносишь свой отпуск... Скоро ты меня убедишь, что на юге лучше всего в январе или в феврале. Будем на коньках кататься на Черном море.

— Черное море не замерзает, — говорю я.

— Спасибо, я и не знала...

Но отец нас не слушает. Он, нахмутив лоб, прислушивается к удаляющемуся гулу самолета.

— Нина, — говорит он. — Напомни мне, чтобы я позвонил ночью на аэродром... Семенов вернется в ноль пятьдесят.

— Вместе с тобой небо приходит и в дом... — грустно говорит мама.

— Ты посмотри, какой сегодня закат! — говорит отец. — Никак соловей?

— Слава богу, услышал... — улыбается мать.

А закат действительно на славу. Вершины елей и сосен стали черными на желтеющем фоне неба. Не шелхнется ни одна травинка. Тихо стало вокруг. А в роще свистят и щелкают на все лады сразу, наверное, десять соловьев. А в ольшанике соловьи молчат. Они никогда не перебивают «заслуженных».

Мы идем вдоль ржаного поля с васильками, а над нами, на темнеющем небе тает белая дорога, оставленная реактивным самолетом.

ЗА МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩЬЮ

В. Бочарников

Однажды под осень работники Пошехонской ветеринарной лечебницы обнаружили у себя в «приемном покое» необычного пациента — лосенка. Длинноногий, поджарый, с бело-желтым подбрюшьем, он стоял у стойла и жевал казенное сено. Лосенка никто не приводил — сам пришел из леса, а когда — неизвестно.

От людей в белых халатах лосенок не шарахался, а только по-

вернул голову с печальными голубоватыми глазами, будто просил о чем.

Работники лечебницы по общему молчаливому сговору пропустили обычное правило — не стали заполнять историю болезни, уточнять, откуда родом «больной» и кто его родители, а тут же внимательно обследовали пациента. Лосенок не сопротивлялся.

Диагноз поставили такой: много

шлялся по болотам и простудил коленные суставы.

Юный пациент, даром что он был воспитан в лесу, безоговорочно принял режим лечебницы, и его стали лечить наравне с телятами и жеребьями, зачислили в их «столовую».

И выходили.

Наступил день, когда довольный лосенок отправился в лес к своим родичам.

В СТРАНЕ ЖУРАВЛИКОВ

Япония древняя и интересная страна. Частыми были наши встречи с юными японцами.

Группа первоклассников похожа на стаю цыплят. На головах у них желтые шапочки, за спиной — желтые ранцы, а в руках желтые зонтики. Желтый цвет — самый яркий. Ребят одевают так, чтобы их издали видели шоферы.

На каждом перекрестке стоят корзины с желтыми флажками. Переходя дорогу, малыш берет в руки флажок и поднимает его над головой. Движение останавливается.

Учебный год в японских школах начинается 1 апреля. Школу посещают все ребята от 6 до 15 лет.

Много внимания уделяется музыке. Каждый, кто заканчивает среднюю школу, играет на каком-нибудь музыкальном инструменте. За обучение в старших классах средней школы и в университете надо платить, и платить немало. Многим семьям это не под силу.

А учиться необходимо: без

университетских знаний найти работу почти невозможно.

Все эти вопросы встают позже, но ребята даже младшего возраста удивляли нас своей серьезностью. Может быть, они хорошо знают: каждому из них придется в дальнейшем выдержать битву за жизнь.

Ребята рассказали нам и о своих праздниках.

3 марта — день девочек. Каждая девочка наряжает своих кукол в праздничную одежду. Юная хозяйка в этот день угощает своих гостей чаем, приготовить который — целое искусство. Ему даже в школах обучают.

5 мая над каждым домом плывут на длинных шестах яркие карпы, ровно столько, сколько в семье мальчиков. Карп — рыба выносливая. Он символизирует силу, настойчивость, мужество. В этот день мальчики получают подарки, для них организуют спортивные состязания. Ведь это их праздник.

Вы помните историю японской девочки Садако Сасаки?

Она заболела лучевой болезнью спустя десять лет после взрыва атомной бомбы. Она очень хотела жить и верила: если сделать тысячу бумажных журавликов, то смерть отступит. И она, слабея с каждым днем, делала журавликов. Об этой борьбе узнали ребята всей Японии, Садако стала получать посылки со всех концов страны. Но и несколько миллионов журавликов не смогли помочь ей...

Юные японцы, сплотившись в борьбе за жизнь Садако Сасаки, крепко держатся за руки до сих пор. Члены общества «Журавлик» ведут большую, по-взрослому важную и нужную работу. Они заботятся о семьях, пострадавших от взрыва, собирают средства на лечение больных. Каждый год в августе организуют шествие к памятнику Садако Сасаки.

Прощаясь с нами, японские дети сказали: «Мы соседи с вами, а соседи должны дружить. Над нами одно небо, а журавли из Сибири прилетают на зиму к нам».

Л. Скорик

САМОЕ ПЕРВОЕ НАЧАЛО

Ответ на письмо, которое не пришло

Что ни говори, а ребятам больших городов легче выбрать дорогу в жизни. Тут тебе и заводы, и институты, и стадионы, и кружки — тысяча один кружок. Ходи, присматривайся.

Труднее в каком-нибудь Акичкином Починке, за двести километров от железной дороги. Весной и осенью туда совсем не попасть, разве прилетит вертолет за тяжелообольным. Почту — и ту на тракторе везут.

Впрочем, акичкинские ребята писем писать не любят.

Так вот, из Акичкиного Починка, из далекой северной деревни НЕ ПРИШЛО письмо. В этом письме один-единственный вопрос, который ребята непременно бы задали, если бы любили писать письма.

— Когда нашел свою дорогу — тут дело ясное. Трудись, не ленись. А вот как ее найти? С чего начать шевелиться? Где самое первое начало?

Этот вопрос я и задал трем взрослым людям, детство которых прошло на севере, и остальная жизнь тоже.

Учительница

сказала примерно вот что:

— У меня в классе училась девочка. Молчаливая, робкая. Круглое личико, кирпичный румянец зимой и летом. Сидела она на предпоследней парте, отвечала всегда на твердую тройку.

Помню, я только приехала в школу из областного города. Ребят знала плохо. Про эту девочку случайно узнала, что у нее странное прозвище — Матрос. Почему Матрос? Море от нас далеко.

Однажды в соседней школе заболела учительница. Надо было поехать туда, провести контрольную работу.

Пришла я к конюху. Он спрашивает:

— Запрягать можешь?

— Нет, — говорю. — Ты уж мне запряги, а я как-нибудь доеду.

— Эдак не дело. Дорога все угорами, снегу много. Распряжется — заночуешь в поле. Танька!

Тут же выходит из-за перегородки моя ученица. Матрос.

— Свези учительницу.

Сказал конюх и полез на печь.

Я, знаете, лошадей побаиваюсь. Вот и в конюшне — стоят они хвостами к проходу, и мне все кажется, что какая-нибудь сейчас лягнет. Что поделаешь, горожанка.

А Таня в конюшне, как дома. Расхаживает, собирает упряжь, потом заходит в денник к огромной лошади и — хватить ее по крупу кулачком:

— Подвинься, Зима!

Все мне было удивительно: как ловко Таня запрягала, как везла меня по полю, лесом, угорами. Как старательно слушалась ее Зима.

Почудилось — волк завыл. Дело-то было к вечеру, ехали мы с ночлегом. Лошадь прядет ушами, я головой верчу.

Таня, будто с собой говорит, успокаивает:

— Не прибежат волки. Оттепель была, подъело маленько.

Все ухватки у нее уверенные, решительные. Совсем другой человек! И поневоле пришло мне на ум, что Таня очень похожа на бы-

валого моряка в штормовую погоду. И по конюшне-то ходила вразвалочку. Точно, Матрос.

Таня подросла, мы с ней подружились. Она все брала у меня книжки по биологии, про животных.

Летом я видела ее то верхом, то на конных граблях, то в телеге.

Что же удивительного, что Таня стала доктором для животных, ветеринаром? Была Матросом, стала Айболитом.

Когда она в последний раз была у меня в гостях, то так и сказала:

— А ведь вы первая за ниточку потянули. Никак я не думала, что такая длинная нитка вытянется...

Инженер-экономист

говорит о другом:

— Нигде и никогда я не видал такого завхоза, какой был у нас в сельской школе. Звали его Иваном Прокопьевичем. Он, конечно, родился учителем, да вот война помешала.

Иван Прокопьевич никогда не собирал вокруг себя ребят. Мы сами вертелись вокруг него, потому что знали: уж он-то что-нибудь затеет. А на этот счет у ребятшек — нюх. Мы следили за каждым шагом Ивана Прокопьевича, как в шпионских фильмах.

Как-то Иван Прокопьевич очистил от хлама старую избушку — школьный склад — и завел в ней глиняное производство.

Делали мы свистульки. Одни ребята оказались способными к лепке. Другие обжигали готовые фигурки, возили глину, проволокой

протыкали дырки. Третьи, способные к художеству, расписывали фигурки. Четвертые обмазывали глазурью, и фигурка шла в обжиг еще раз — теперь уже не на такой сильный жар.

Между прочим, тогда я узнал, что температура внутри русской печи доходит до восьмисот градусов Цельсия. Но это к слову.

Продавались наши свистульки в сельском магазине, по пятаку за штуку. Наши петушки свистели звонко, выглядели нарядно, — расписывал не кто-нибудь, а малыши из начальных классов, — и покупали их охотно. Не только малые ребята, — и старики, и молодежь. Производство не стоило школе почти ни копейки. Дрова мы заготавливали сами, глина

бесплатная, разве красок прикупали. А прибыль, по школьным средствам, получилась заметная.

Однажды к вечеру ребята разошлись по домам, остались в избушке мы с Иваном Прокопьевичем. Мне бы тоже бежать, встречать корову, а я сижу. Ерзаю на скамейке, надо бы кое-что сказать, а стесняюсь.

Иван Прокопьевич говорит:

— Ты чего, на двор хочешь?

Я обиделся. И сразу стал смелый. Говорю:

— Иван Прокопьевич, надо бы лист-то, на котором сажаем в печь, сделать как в два этажа. Вот я начертил, глядите. Вдвое быстрее дело пойдет. И в район надо возить игрушки. Там хоть сколько раскупят.

Иван Прокопьевич ничего не сказал. А на-

завтра поставил меня перед ребятами и говорит:

— Вот вам начальник. Слушать его, как меня. Вы теперь сами управитесь, а мне надо новое одно дело затевать.

Я сразу стал непререкаемым руководителем. Но задаваться некогда: у нас производственный план, наша артель должна была заработать деньги на школьную елку — кучу денег!

И так я увлекся расчетами и усовершенствованиями, что и до сих пор не разделался. Вот окончил экономический институт.

Между прочим, наш Коля Иевлев стал художником. Началось с росписи игрушек — и пошло, и пошло.

Не одно зернышко посадил Иван Прокопьевич. Стебли — вон куда вымахали.

Секретарь райнома номсомола

рассказал:

— Школа наша была двухэтажная, деревянная. Полы дощатые. За неделю, бывало, наносим грязи: сапоги у всех кирзовые да резиновые. И вот в субботу в школьной кухне греется вода в котле, и наши уборщицы моют школу снизу доверху.

Однажды мы, шестиклассники, уговорились сделать техничкам подарок.

Нам сразу повезло: в магазине продавали что-то редкостное, и все женщины были там. Тут мы — дверь школы на крюк (дело было после уроков), расхватали ведра, тряпки. Мальчишки мыли второй этаж, девчонки — первый.

Мы металась как угорелые. Терли, скоблили, смывали, сушили тряпками... Самое интересное было — пригибаться, чтобы в окна никто не увидел.

Мы кончили работу, а технички все не идут. И тогда мы пошли в наш класс, уселись за парты и тихонько запели.

Сидим, поем. Ноги у всех босые. Пахнет вымытыми полами. Глазеем друг на друга и улыбаемся — до ушей.

Эти несколько минут я никогда не забуду. Прекрасное чувство, когда люди что-то сделали вместе.

Если вдуматься, я и сейчас занимаюсь тем же самым. Что мы делаем? Организуем ребят, чтобы что-то сделать путное.

Бывает — ничего не выходит. А бывает — придет то самое чувство. Значит, удалось.

Кстати сказать, работу нашу технички одобрили. Вымыто было на совесть. А кто мыл, об этом школа узнала только через полгода.

На дверь школьной кухни мы, уходя, прикололи кнопкой листок из тетради с надписью: «Сделал Тимур». Хотели придумать что-нибудь свое, но не смогли...

Выслушал я эти три ответа и подумал: как бы все это записать покороче, в двух словах? В виде девиза?

Получилось все же длинно: получилось у меня правило ДВУХ ЗАРЯДОК.

Утром встаешь — сделай физкультурную зарядку, пятнадцать минут. Кончил — начинай другую: думай, что бы тебе сегодня сделать хорошего, нужного. Смастерить, игру устроить, поход затеять...

А когда дело сделано — обдумай: что вышло? Что не вышло? Почему? И как сделать еще лучше?

Это и будет САМОЕ ПЕРВОЕ НАЧАЛО.

Мих. Мохов

Рисунки Т. Ксенофонтова

ВЕЧЕР НА ВОЛГЕ

По Волге

из путевого альбома
художника
В. Ветрогонского

ОКТЯБРЬ

У ГОРЬКОВСКОГО ГИДРОУЗЛА

У ГОРНА

Помню, в детстве, когда я первый раз увидел Волгу, сразу почувствовал: повзрослел! Еще бы: теперь мне знакома самая знаменитая река России! Но познакомился-то я лишь с одним маленьким ее участком. Еле виден на противоположном берегу красный утес... Разлив... Из-под воды выглядывают стога сена...

Потом я много раз ездил на Волгу, но, зная, какая это большая река, не считал уже, что все там мне знакомо.

В этом еще раз меня убедил художник Владимир Александрович Ветрогонский, открыв мне Волгу, раньше мною не виденную.

Вот какой силой обладает искусство: даже в том, что вокруг тебя, оно обнаруживает новое, незамеченное! Представляю, какую радость принесут рисунки В. А. Ветрогонского тем, кто не бывал еще в местах, изображенных художником!

Волга — это и залитый солнцем плес, и низкие тучи в пасмурный день, и уходящие вдаль корабли.

Волга — это и новые шлюзы Волго-Балтийского канала, и мачты электропередач возле новых гидроэлектростанций, и, конечно, люди.

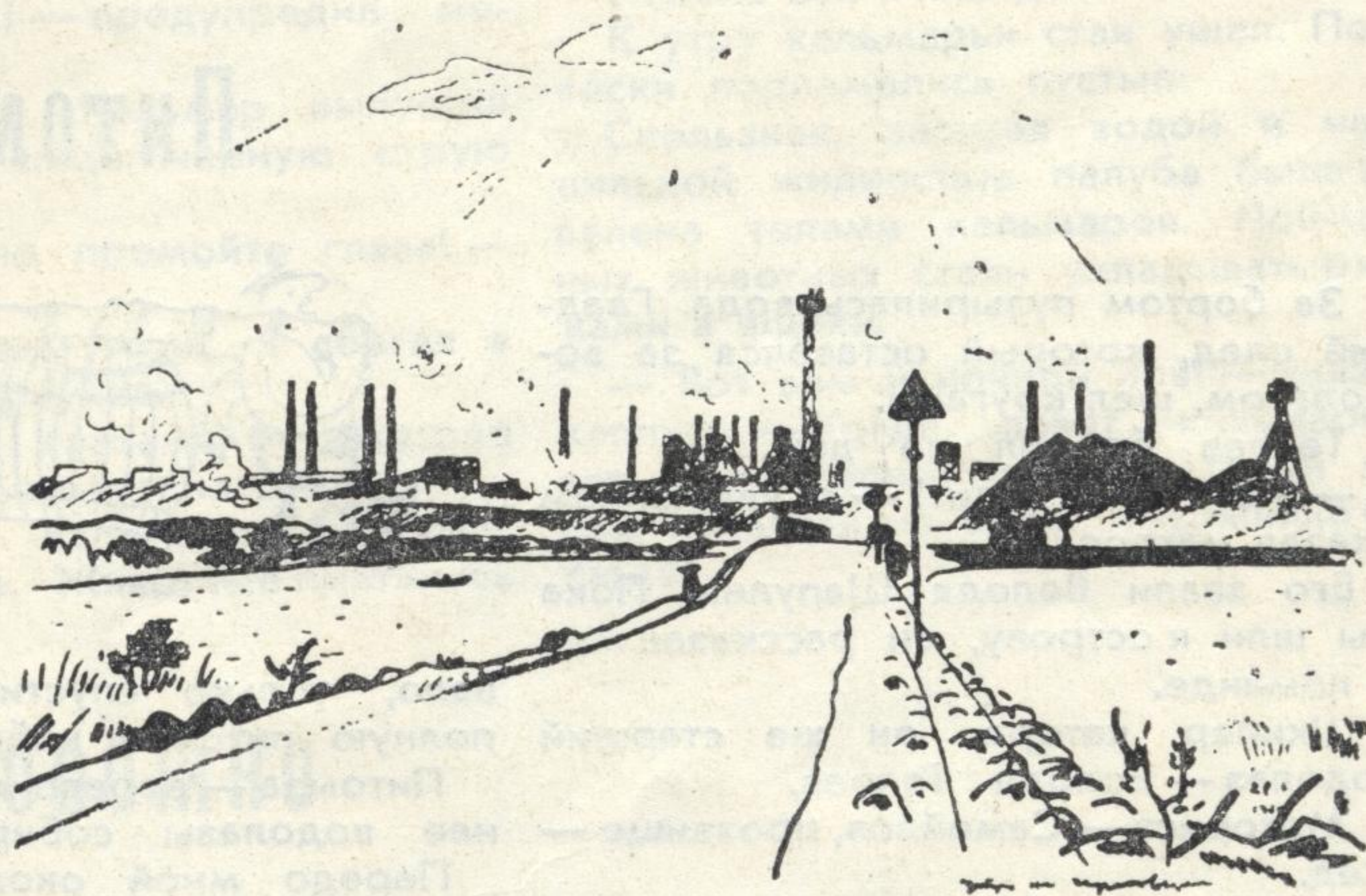
Все это по-своему, зорко, видит В. А. Ветрогонский и передает в своих рисунках.

Художник не раз прошел путь от Ленинграда до низовьев Волги: то на грузотеплоходе «Иртыш», то на грузотеплоходе «Калач». В его планах — новые путешествия по Неве, Вытегре, Шексне, Волге. А это значит — новые зарисовки, акварели, гравюры. Северная Россия, Волга, Родина — неиссякаемый источник вдохновения художника.

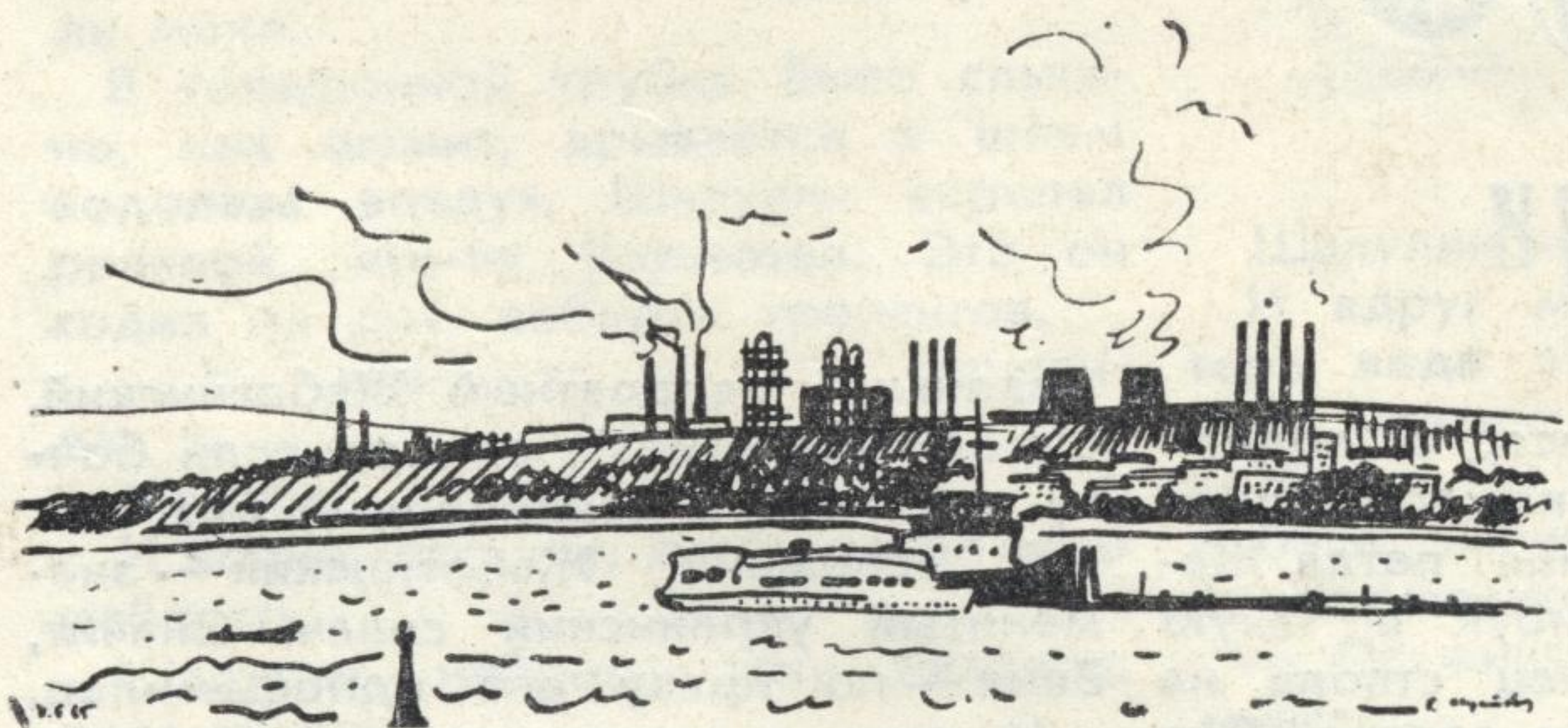
В. Торопыгин

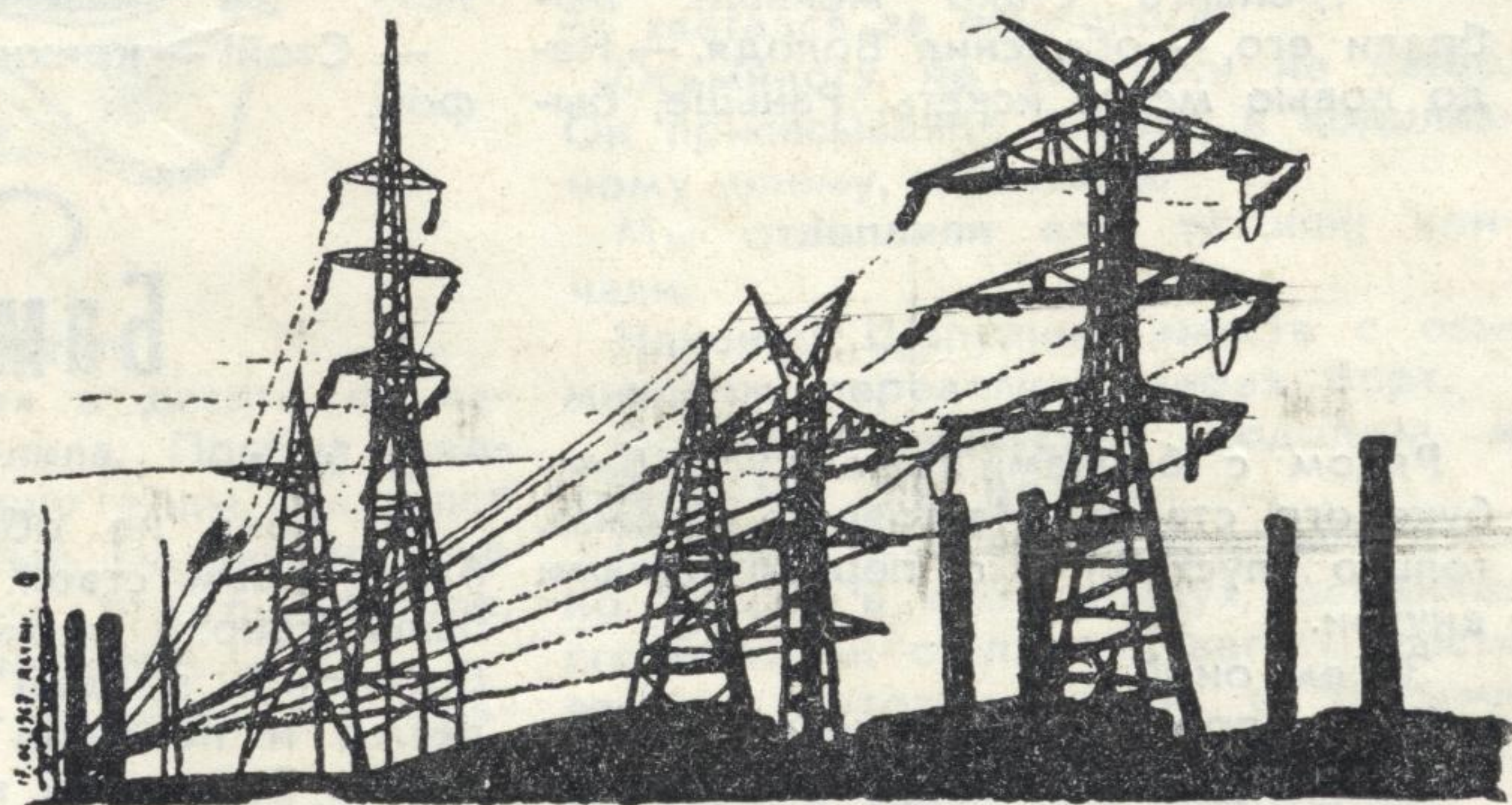
ГОРНОВОЙ, ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА АЛЕКСАНДР ГУТОРОВ

ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ЗАВОД

САРАТОВСКИЙ НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИЙ ЗАВОД

МАЧТЫ ЧЕРЕПОВЕЦКОЙ ГЭС

Сегодня на заседании Клуба решено читать дневник. Разные у людей дела. Один точит на станке гайки, другой водит трамвай. Люди рубят уголь, валят лес. И у каждой работы свои особенки. Этот дневник вел друг Паганеля, путешественник и писатель Святослав Владимирович Сахарнов. Целое лето он жил на острове в Японском море, ходил на катере с рыбаками, опускался под воду. Про водолазов — добытчиков морских червей-трепангов, про лов головоногих моллюсков узнаете вы из его дневниковых записей, глав будущей книги.

Питомза

За бортом пузырилась вода. Гладкий след, который оставался за водолазом, шел кругами.

Телеев бродил по дну.

— Как танк ходит! — с уважением сказал матрос.

Его звали Володя Шапулин. Пока мы шли к кострову, он рассказал мне о команде.

Шкипер катера, он же старший водолаз — Володя Телеев.

Моторист — Самойлов, прозвище — Дед.

Матрос — Веня Жаботинский. Второй водолаз — он, Шапулин.

И все.

Команда четыре человека. Когда много работы, Телеев берет с собой еще одного-двух водолазов.

Сейчас работы немного.

— Трепанга стало меньше. Выбрали его, — объяснил Володя. — Надо новые места искать. Раньше, бы-

вало, только спустишься, готово — полную питомзу набрал. А сейчас!..

Питомза — веревочный мешок. В нее водолазы собирают трепангов.

Передо мной около телефона стоял Дед — Самойлов. Он слушал водолаза. Он был молод, белобрыс и на деда ничуть не похож. Только нос действительно широкий, как у деда-мороза.

Телеев сделал под водой еще круг и начал приближаться к катеру.

— Стой! — крикнули ему в телефон.

Пузыри всплывали уже у самого судна.

На дно опустили на веревке карабин — стальной крючок с защелкой. На карабине — пустую питомзу.

— Готов! — прохрипел телефон.

Веревку стали тащить.

Наконец из глубины показался серый мешок, набитый чем-то блестящим, коричневым.

Питомзу перевалили через борт, раздернули шнурок, которым она была завязана, и из мешка на палубу хлынул поток шишковатых, скользких, похожих на кедровые шишки червей.

Это были трепанги. Среди них были и большие — с ботинок, и маленькие — с кулак.

Пустую питомзу, которую опустили на крючке, Телеев снял и оставил у себя.

Бамбук

Рядом с бочками лежал кусок бамбукового ствола. Настоящее бревно, только пустое и с перегородками внутри.

Зачем оно?

Когда про человека хотят сказать плохое, про него говорят: «Бамбук!»

Придя домой, мы стали сдавать трепангов.

— Жаботинский — бамбук! — крикнул Телеев.

— Ага!

Но Веня не обиделся, а поднял бамбуковый ствол. У каждой бочки была сверху веревочная петля. Жаботинский продел бамбук в такую петлю и положил конец ствола на плечо. За второй конец взялись Дед и Шапулин.

Они подняли стокилограммовую бочку. За один конец — двое здоровых парней, за второй — один

маленький квадратный Жаботинский. Осторожно ступая, они понесли бочку с катера в разделочный цех.

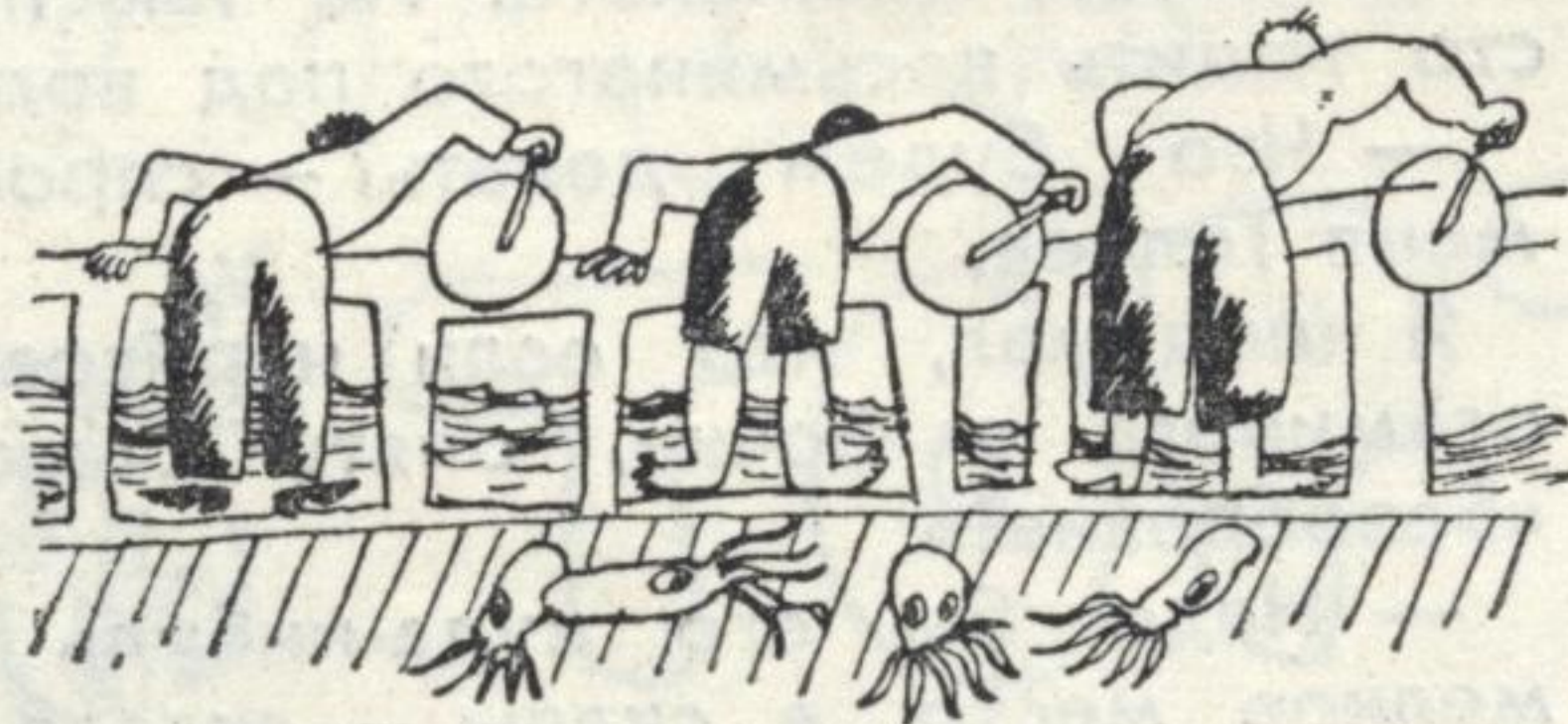
Я вспомнил: Жаботинский — знаменитый украинский силач. Значит, Веня — по праву его однофамилец.

И еще я понял, зачем на катере бамбук. Тут никакое другое дерево не выдержит.

Бамбук — это хорошо!

Ночной лов

Около причала стояли два судна. У каждого между мачтами был натянут провод, на нем висели голубые прозрачные лампы. Они были большие, как кастрюли.

Борта судов были увешаны катушками с капроновыми лесками. Лески блестели на солнце.

Я подошел ближе.

Поверх лесок лежали разноцветные подвески с крючками.

— Что это за катушки? — спросил я рыбаков.

— Удочки. А наверху видите лампы — это люстры.

— А-а!.. — Я ничего не понял. — Когда отходим?

— Вечером.

В район лова наш сейнер пришел к полуночи.

Включили люстры.

Яркий голубой свет вспыхнул над судном. Он упал на воду и проник в ее глубину.

Рыбаки выстроились у обоих бортов. Они стояли у катушек-удочек. Начали крутить ручки. Лески с разноцветными подвесками побежали к катушек в воду.

Подняли — опустили... Подняли — опустили... Острые крючки царапали спокойную воду.

Крючки выходили из воды пустыми. Кальмаров не было.

И вдруг на одной из лесок что-то затрещало, забилось. Облепив щупальцами подвеску, повиснув на крючках, в воздухе вертелся кальмар. Он бил по борту хвостом, брызгался.

Его подтянули. Кальмар перевалялся через катушку, сорвался с крючков и шлепнулся в жестяной приемный желоб. По желобу он скатился на палубу.

Я наклонился над ним.

— Берегитесь! — предупредил меня рыбак.

Было поздно. Кальмар выпустил прямо мне в лицо черную струю жидкости.

— Немедленно промойте глаза! — сказал рыбак.

Глаза щипало и жгло. Я сбегал в умывальник. Вернулся.

Слезаясь глазами я смотрел на то, что происходит на судне.

Из глубины всплывали на свет стаи кальмаров. Животные прятались

в тени под днищем судна, набрасывались на пестрые подвески, попадались на крючки и вместе с непрерывно движущимися лесками поднимались наверх.

Слышался непрерывный стук хвостов, шлепание и плеск.

Кальмары один за другим летели на палубу.

Шел лов.

— Давай, давай! — покрикивали рыбаки.

Люди без отдыха крутили катушки. Если рыбак уставал, его сменял моторист или повар.

— А вы что стоите? — крикнул мне капитан. — Вон катушка свободная.

Я стал у катушки. Первый кальмар шлепнулся к моим ногам.

— Давай! Давай!

Ловила вся команда.

К утру кальмарьи стаи ушли. Подвески поднимались пустые.

Скользкая, залитая водой и чернильной жидкостью палуба была завалена телами кальмаров. Пойманных животных стали укладывать рядами в ящики.

— Вот вам и ночной лов! — сказал капитан. — Когда ловят кальмаров, все море залито светом. Целый город качается на воде. Художника бы сюда!

Осторожно

Мы дошли до острова и стали на якорь. Опускался Шапулин.

Его одели, включили помпу. Телеев шлепнул ладонью по медной макушке. Шапулин отпустил руки, отвалился от катера.

Дробное пузырчатое облако закружилась у борта.

К телефону — на связь — поставили меня.

В телефонной трубке было слышно, как шумит, врывается в шлем водолаза воздух. Шапулин скрипел резиной, что-то бормотал. Это он ходил по дну, собирал трепангов.

— Ну, как? — то и дело спрашивал я.

Молчок.

И верно. Что «ну, как?», когда надо работать.

Шапулин набрал одну питомцу, взял вторую.

Я по-прежнему стоял у телефона. Однажды мне послышалось, что он сказал слово «УШЕЛ».

— Кто ушел? — всполошился я.

Шапулин не ответил.

И вдруг метрах в десяти от катера вода забурлила. Пробив медным шлемом толщу воды, показался водолаз. Он всплыл. На зеленой его рубашке извивалось что-то красное, бесформенное, ногастое.

— Осьминог! — завопил я. — Осьминог!

На палубу выскочили Телеев, Дед, Жаботинский.

Мы стали подтягивать водолаза к борту.

Он стукнулся шлемом о катер.

— Осторожно!

Про фотоаппарат, заряженный чудесной цветной пленкой, я забыл. Он болтался у меня на шее. Как маятник.

Я то бросался тащить водолаза, то хватался за осьминога.

Осьминогу не хотелось на катер. Он присасывался к боту, к водолазному шлему, к лесенке.

Мы отлепляли его, тащили, кричали.

Наконец Шапулина вместе с осьминогом перевалили через борт.

Осьминог отпустил водолаза и шлепнулся на доски.

Он был испуганный, красный. Шумно всосав в себя воздух, осьминог сгорбился и стал раздуваться, расти вверх. Розовые ноги с белыми кольцами-присосками укорачивались, ручейками текли под животное.

Жаботинский выкатил из трюма пустую бочку.

Мы подняли и посадили в нее

осьминога. Он зашипел. Это он так со свистом дышал. Из-под крайнего щупальца у него торчала белая трубка. Она то сжималась, то раздувалась. Через нее осьминог выпускал воздух.

Жаботинский плеснул в бочку один черпак воды, второй. Бочку налили до краев.

Осьминог всплыл, затем снова опустился на дно. Там он застыл, испуганно тараща из-под воды глаза.

С Шапулина сняли шлем. Он сидел рядом с бочкой. Лицо у него было красное и мокрое. Он здорово устал, пока тащил осьминога. Не так просто тащить осьминога под водой.

— Что будем делать? — спросил меня Телеев.

Я подумал, что если нарисовать осьминога в бочке, опять скажут: «Безобразия!»

— Надо бы его куда-нибудь на мелкое место, в скалы, — сказал я.

— Трепангов наберем и сходим, — пообещал Телеев. — Ты отдыхать будешь? — обратился он к Шапулину. — Раздевайся. Я за тебя пойду.

— Долго снимать. Ладно, я еще разок.

— Питомца где?

— Около якоря бросил. Найду. Через несколько минут он снова полез за борт.

ВОПРОС ПАГАНЕЛЯ

Знаете ли вы животный мир своей страны? — спрашивает Паганель всех, кто присутствует сегодня на заседании Клуба, и приглашает в свой зверинец.

Его населяют животные разных стран и разных частей света: белый медведь, эму, ленивец, слон, пантера, серна, як, бегемот, фламинго, кобра, кулан.

Определите, какие из этих животных в диком состоянии встречаются на территории СССР.

Одной из первых Лида Пустовалова из Архангельска навела порядок в картотеке Паганеля. (См. Костер № 8). Она сообщила: горелка Бунзена, камера Вильсона, теорема Гаусса, эффект Доплера, таблица Менделеева, аппарат Морзе, яблоко Ньютона, закон Ома, дуга Петрова, радиотелеграф Попова, мостик Уитстона, линии Фраунгофера, зеркала Френеля, свеча Яблочкова.

ЕЖ-ХИТРЕЦ

П. Стефаров

Когда в лесу зацвели липы, я пошел помочь пасечнику в его хлопотливой работе. Колхозная пчельня находилась на глухой поляне. Голубые, зеленые, коричневые ульи-домики, расставленные в несколько рядов, казались сказочным городком.

Странно. Пасечник Назар Егорыч мог ходить на пчельне хоть без рубашки и его ни одна пчела не жалела, а у меня то и дело лицо распухало и краснело, как помидор.

Стояла горячая пора медосбора. Дни выдалась ясные, теплые.

— Мед-то какой! — побрякивал Назар Егорыч. — Липец! Настоящий бальзам.

Как-то рано утром я обошел вокруг пчельни, сел на пенек. Солнце только взошло. В роще дымился синеватый туманец, а кусты и травы искрились в обильной росе. Вокруг, будто в звонкие флейты, пели иволги, стучал дятел, пересвистывались зяблики.

Вдруг сбоку послышался шорох. Я оглянулся и замер. Рядом катился клубком игластый еж. «Наверно, к норе спешит!» — подумалось мне. Однако, мелькая своими пепельно-бурыми штанишками, ежик подбежал к соседнему улью и остановился. Задрал острую мордочку с черным пятчком, старательно обнюхался. Вкусно. Зверек даже засопел от удовольствия.

В эту раннюю пору пчелы еще не роились. Улей гудел далеким незатихающим звоном колокола. И тут случилось то, что удивило меня до крайности. Ежик поднялся на дыбы, оперся передними лапками о полочку перед летком, да как фукнет в самый леток.

Растревоженные пчелы пулями вылетели наружу. Однако зверек не отступил. Оберегая мордочку от острых пчелиных жал, он надвинул на нее свой колючий капюшон и оказался неприступен.

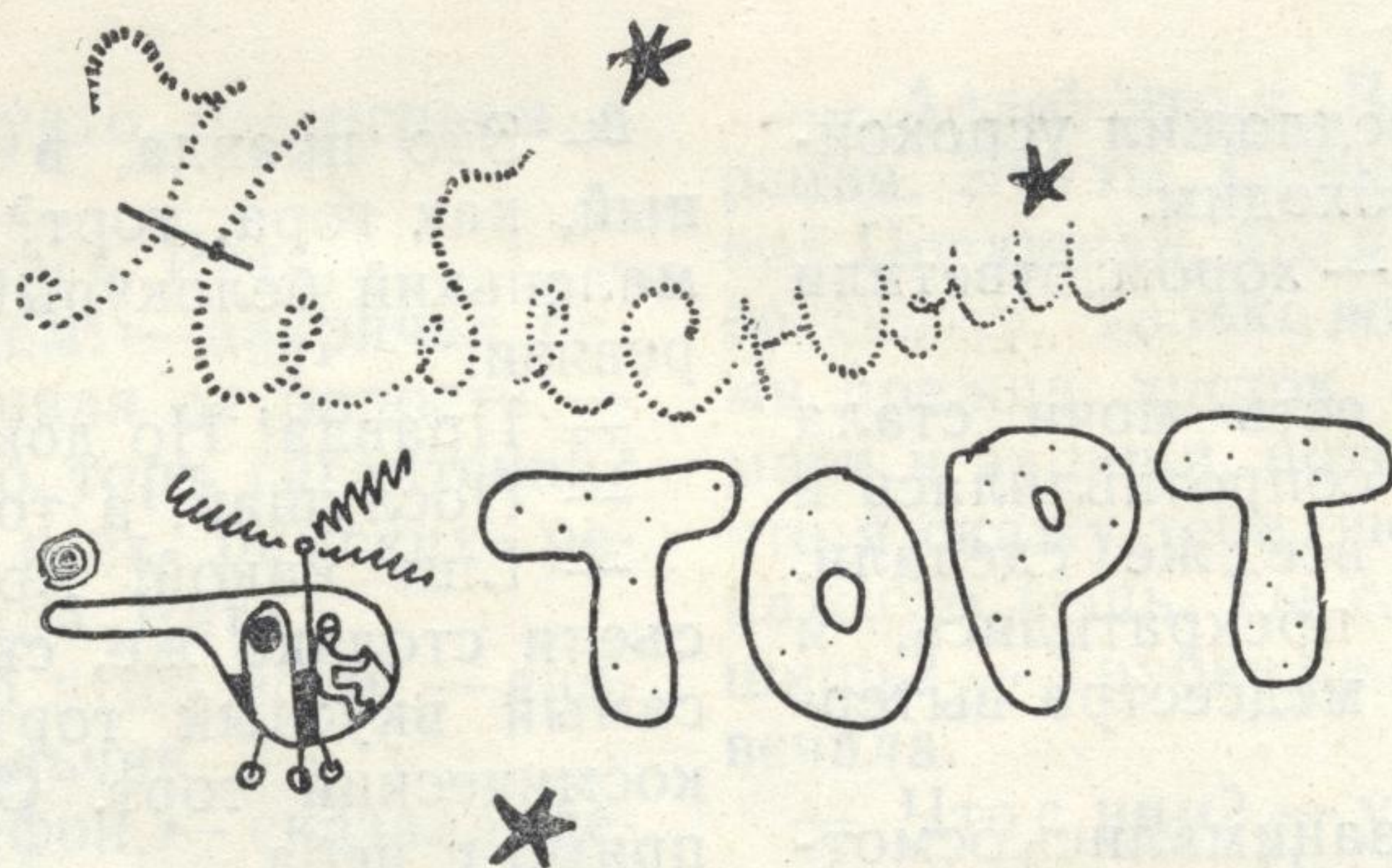
В яростном нападении на непрошеного гостя пчелы слету ударились о взъерошенные иголки и тут же падали в траву. Опустившись на землю, ежик проворно стал отправлять их в рот.

— Ах ты, негодник! — закричал я.

Но вместо того, чтобы бежать прочь, зверек сердито фыркнул и спокойно свернулся в клубок перед самым ульем: «А ну-ка, мол, попробуй возьми меня!»

Вот это хитрец!

Чтобы подойти к ежу, над которым кружился рой обезумевших пчел, не могло быть и речи. Оставлять же его безнаказанным тоже не хотелось. Я побежал за Назаром Егорычем. Но когда мы пришли к месту происшествия, ежика возле улья уже не оказалось.

Джанни Родари

Рисунки Г. Ковенчука

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

КАК ЛЕГКО ИМЕТЬ ДЕЛО С РЕБЯТАМИ!

Нам нужно возвратиться в нашем рассказе немного назад, чтобы проследовать за машиной скорой помощи, которая, прокладывая себе дорогу воем сирены, везла в больницу профессора Росси, профессора Теренцио и маленькую Риту. Ученые ныли без передышки.

— Ой, ой! Как больно! — хныкал первый.

— Ай, ай! Как болит! Позовите скорее нотариуса, я хочу составить завещание! — умолял второй.

Санитары пытались успокоить их, ободряя словами и прикладывая к их животам пузыри со льдом. Рита ничего не понимала.

— Что с ними случилось?

— Они попробовали настоящего марсианского шоколада.

— Настоящего? Или вы сошли с ума, или они! Это был самый настоящий-пренастоя-

— Я вижу, как они притворяются!

Санитары не стали больше спорить с маленькой болтуней. Впрочем, машина скорой помощи уже подъехала к больнице. Добрая дюжина врачей окружила Риту, и начальник отделения начал ее осмотр.

— Что ты чувствуешь?

— Ничего.

— Здесь болит?

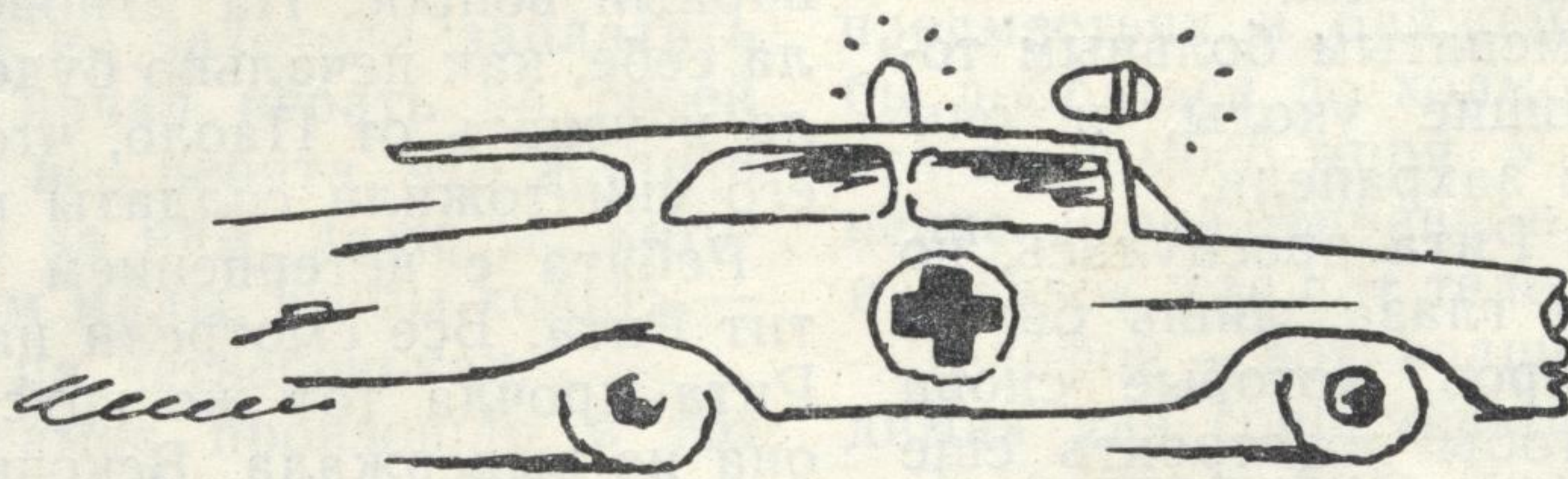
— Нет.

— А здесь? А в этом месте? А вот тут?

— Нет-нет! Ничего не чувствую! Ничего не болит! И вообще — что я должна чувствовать? Я ведь просто поела великолепного шоколада.

— Ну ладно, будь умницей, будь послушной девочкой и увидишь, что все это пройдет.

— Да что «ЭТО»? Я же вам говорю — я здо-

рый шоколад! И он вовсе не ядовит, иначе я бы давно уже умерла. Я съела целое кило и никогда еще не чувствовала себя так превосходно.

— Замолчи. Разве ты можешь что-нибудь понять!

— Не беспокойтесь, уж что-что, а болит у меня живот или нет, я как-нибудь разберусь. Вовсе не надо быть профессором, чтобы понять, где у тебя живот и что с ним происходит.

— Да помолчи же! Не волнуй этих несчастных. Видишь, как они страдают...

рова! И еще скажу: если хотите знать, на Монте Кукко опустился вовсе не космический корабль, а торт! Спросите у моего брата, спросите у синьора Джепетто.

— Кто такой синьор Джепетто?

— Не знаю, пойдите и спросите у него, он там. Он внутри торта, в самой середине: он его весь съест, счастливец!

Начальник отделения повернулся к другим врачам, печально покачав головой.

— Синьоры, вы слышали? Бедняжка бредит. Ее больной разум причудливым образом соединяет шоколад с приключениями Пиноккио! Очевидно, яд начал действовать на нервные центры. Надеюсь, мы сможем чем-нибудь

Окончание. См. «Костер» №№ 8—9, 1967 г.

помочь. Для начала я бы предложил успокоительный укол: он просто необходим.

— Абсолютно необходим! — хором ответили доктора.

Рита разревелась и что есть мочи стала звать маму. Но, как она ни сопротивлялась и ни увертывалась, укол ей все же сделали. Почти сразу же рыдания прекратились, и очень скоро Рита заснула, а медсестра вытерла ей слезы.

Между тем, другие врачи занимались осмотром профессора Росси и профессора Теренцио. Они осмотрели их вдоль и поперек, по очереди вслушиваясь в их кашель, постукивая молоточком по коленям, чтобы проверить рефлексы. Но, по правде говоря, они не могли обнаружить ничего необычного. А профессор Росси и профессор Теренцио во время осмотра тоже с удивлением заметили, что не могут уже точно указать место, где у них что-то ужасно болит.

— Здесь... Нет, здесь не болит... Может быть, тут?.. Нет, не тут. А может, вот здесь... Да нет же, и тут не болит!

Профессор Росси был почти расстроен тем, что не чувствует никакой боли, а профессор Теренцио был просто сконфужен.

— Я не знаю отчего, но я больше не чувствую никакой боли! — признался он.

— Если бы речь шла не о знаменитых ученых, — сказал позже один из врачей, — я решил бы, что они просто выдумали себе эту боль.

— Да, типичный случай самовнушения. Другими словами, жуткий страх...

Но из осторожности именитым больным тоже сделали успокаивающие уколы, и они почти тотчас же дружно захрапели.

Через несколько часов Рита проснулась, но сразу же опять закрыла глаза, лишь бы не видеть противных докторов, которые снова собрались около нее, чтобы подстроить еще какую-нибудь пакость.

— Странно только, что доктора в пижамах! — подумала Рита и чуть приоткрыла глаза. Вокруг нее были не доктора, а ребята — мальчики и девочки, дети из соседнего отделения. Они пробрались в ее палату, сгорая от любопытства.

— Кто вы такие? Что случилось? — спросила Рита.

— Ничего не случилось, — ответила самая старшая девочка в красном халатике. — Мы тоже больные. Пришли тебя проведать.

— Спасибо, — ответила Рита.

— Знаешь, — продолжала девочка в красном халатике, — мы слышали, что ты кричала, когда тебя привезли сюда.

— Это правда, в Трулло появился огромный, как гора, торт? — нетерпеливо вмешался маленький белокурый мальчик с рукой на перевязи.

— Правда! Но доктора не хотят мне верить.

— Послушай, а торт вкусный?

— Еще какой! Хотела бы я, чтобы и вы съели столько же, сколько я. Это самый-пре-самый вкусный торт на свете! Вернее, это космический торт. Он прибыл только вчера прямо с неба.

— Какая красота! — воскликнул белокурый мальчик.

— Какая жалость! — сказала девочка в красном халатике.

— Почему жалость?

— Потому что мы не можем попробовать его.

— Да, — вздохнув, сказала Рита и подумала: «Как легко иметь дело с ребятами! Они ведь не считают, что я брежу. Сразу понимают, что им не сказки рассказывают. Что торт существует на самом деле!»

— Мне очень жаль, — продолжала Рита, — что вы не можете попробовать торта, но когда я выйду из больницы, я вам принесу сюда большущий кусок.

— А когда ты выйдешь? — спросил белокурый мальчик.

— Этого я не знаю, но надеюсь, что скоро.

— А почему ты думаешь, что, когда ты выйдешь, торт будет все еще там? — спросила девочка в красном халатике.

Рита не нашлась, что ответить на этот коварный вопрос. На мгновение она представила себе, как печально будет вернуться в Трулло и узнать от Паоло, что торта больше нет, его уничтожили солдаты или унесла буря.

Ребята с нетерпением ожидали, что ответит Рита. Все смотрели на нее, и в их глазах Рита прочла тот же грустный вопрос. Тогда она не выдержала. Вскочила с кровати и посмотрела вокруг, ища свою одежду. Как бы разгадав ее мысли, девочка в красном халатике сказала:

— Нашу одежду держат в шкафу, в другом месте.

— Неважно, — ответила Рита, — я пойду так!

— А дорогу ты знаешь?

— Нет, — ответила она. — Я спрошу.

— Ну так тебя сразу же отправят обратно в больницу. А я знаю, как добраться до Трулло: надо сделать круг по полям. — Это говорила все та же девочка в красном халатике. Видно, она и в самом деле уже все продумала.

— Послушайте, — сказала она, — я знаю, как выбраться из больницы через сад. Идите

за мной и делайте вид, будто мы играем в прятки.

— Все пойдем? — удивилась Рита.

— Ну конечно! Все пойдем! — закричал белокурый мальчик, подпрыгивая от радости. — Разве ты не говорила, что торт гигантский?

— Конечно, хватит на всех римских ребят! — обиженно подтвердила Рита.

— Так надо сообщить об этом всем! — снова закричал белокурый мальчик.

— В коридоре есть телефон, — сказала девочка в красном халатике, — а у меня есть монетка. Я позвоню своему брату и скажу ему, чтобы он позвонил своим товарищам и моим подругам. Каждый из них тоже позвонит еще кому-нибудь, а те позвонят другим ребятам... Они должны предупредить всех ребят — пусть кричат на улицах, перед школами, во дворах. Ты уверена, что торта действительно хватит на всех?

— Клянусь, — сказала Рита, положив руку на сердце.

— А почему бы нам не объявить об этом по радио? — предложил вдруг белокурый мальчик.

Все рассмеялись и даже не стали ему отвечать.

Девочка в красном халатике подбежала к телефону.

— Алло! Это я, Лукреция. Это ты, Сандрино? Послушай, что я тебе скажу. Только возьми прежде листок бумаги и запиши, потому что я скажу тебе очень важную вещь. Ты слышишь? — Трубка не отвечала.

— Что с ним? — удивилась Рита. — Почему он молчит?

— Как обычно, взял тупой карандаш. Алло! Сандрино! Что? Теперь он не может найти точилку. Возьми мою, она у меня в портфеле.

— Быстрее, быстрее! — умоляли нетерпеливые ребята. — Если придет медсестра, будет поздно.

Наконец Лукреция сумела передать Сандрино свои инструкции. Она диктовала ему, как школьная учительница, без остановок, не ошибаясь в словах, не запинаясь, словно уже давно и долго думала об этом и весь план уже сложился у нее в голове. Ну и умница эта Лукреция!

ВОЛШЕБНЫЙ ТЕЛЕФОН

Не знаю, читали ли вы историю про дудочника, который своей чудесной игрой избавил город от мышей. Ему не захотели заплатить за работу. Тогда он начал играть на своей волшебной дудочке, и все ребята, что жили в городе, пошли следом за ним, даже те, которые были еще слишком малы, чтобы ходить, — они поползли за ним на четвереньках.

Примерно то же самое произошло в тот день в Риме. Телефонный звонок Лукреции оказался таким же волшебным, что и пение волшебной дудочки. Даже, пожалуй, еще волшебнее.

В самом деле, предположим, что знаменитый дудочник стал бы играть посреди площади Святого Петра в Риме. Кто бы его услышал? Несколько ребятшек, которые играют у фонтана или у обелиска. А может, и они не услышали бы из-за шума автомобилей. В современном городе дудочка имеет мало шансов на успех.

К тому же дудочник, чтобы его услышали все ребята в Риме, должен был бы ходить по всему городу. Но это же адский труд! Если бы даже он ходил по городу два дня подряд,

почти бегом, все равно он не смог бы сыграть свою песенку во всех районах города, во всех предместьях и ближайших селах и не успел бы добраться до холмов, которые тянутся почти до самого моря. У ребят лопнуло бы терпение, и они отправили бы его обратно в страну сказок, где нет телефонов.

Телефон — вот волшебная дудочка, необходимая для современного города.

За каких-нибудь полчаса цепочка телефонных звонков разнесла чудесное известие о гигантском торте во все концы Рима — от Трастевере до Торпиньяттара, от Тестацхо до Сан Джованни, от Париоли до Квадрато:

— В Трулло приземлился космический торт, огромный, как гора!

Тот, кто узнавал об этом, спешил набрать номер приятеля и немедленно сообщал ему новость, потом высовывался в окно и кричал товарищам, игравшим во дворе, а затем выбегал на улицу и отправлялся вместе со всеми в Трулло — на трамвае, в автобусе, на велосипеде или пешком. Можно было подумать, что в Риме живут только одни ребята. Они группами выходили из подъездов, без

возражений отдавали мячи полицейскому-регулирующему, даже не пытаясь удрать от него. Некоторые захватили с собой завтрак в узелочке, а кое-кто шел со школьной сумкой. В одной школе учителя внезапно обнаружили, что им некого учить: школьники, как один, вдруг встали и направились к дверям. И все это по вине одного мальчика из третьего класса, который, когда шел в уборную, выглянул в окно и узнал новость от сына хозяина бара, что напротив школы. Он поспешил сообщить ее всем ребятам.

— Куда вы? Вернитесь на свои места! Вы хотите, чтобы вас всех наказали? — кричали учителя.

Но они ничего не могли сделать: школы опустели в одно мгновение, как будто внезапно окончился учебный год. Сочинения так и остались недописанными, теоремы нерешенными, уроки по истории и географии невыученными.

— В Трулло! В Трулло! — слышалось со всех сторон.

Люди оборачивались, с любопытством глядя на толпы ребятшек, несущихся по улицам. Полицейские с явным смущением почесывали свои затылки. Матери выглядывали из каждого окна, из сотен тысяч окон и звали своих детей, выкрикивая тысячи разных имен:

— Тонино! Пьетро! Мария! Джильда! Орета! Дарио! Альбертина!

Но где там! Они могли бы подряд перечислить все имена, какие только существуют на свете, и никто даже не обернулся бы на их зов.

Ребята использовали все средства передвижения, только бы поскорее добраться в Трулло. На одном самокате, например, умудрилось устроиться пятеро ребят. Одни ехали на трехколесных велосипедах, другие рвались вперед на педальных автомобилях, а третьи бесшумно скользили на роликовых коньках.

— В Трулло! — слышалось всюду. — В Трулло!

Многие ребята бежали, прыгая через веревочку, потому что им казалось, будто так бежать быстрее, а еще и потому, что без своей скакалки они не пошли бы ни в Трулло, ни в какое другое место на свете.

— Что случилось? Началась революция? —

спросил один лавочник, выйдя на порог своего магазинчика. — Может быть, пора закрывать лавку?

Семеро мальчиков из Кампо деи Фьори одолжили у одного старьевщика ручную тележку, чтобы путешествовать с удобствами: двое по очереди везли тележку, а пятеро сидели в ней и кричали всем, кто хотел услышать:

— В Трулло! В Трулло!

Нашлись даже такие смельчаки, которые спустились по Тибру в лодках, от моста Мильвио до Мальяна, проплыв почти через весь Рим. Оттуда лугами поспешили к Монте Кукко, на вершине которого находился торт, освещенный заходящим солнцем: издали он был похож на земляничный пудинг.

Волшебный телефонный звонок, как вы уже догадались, достиг и Трулло. И, конечно, первыми, кто бросился бежать к тортю, были местные ребяташки.

Напрасно полицейские, пожарные, пехотинцы и кавалеристы, солдаты и офицеры пытались удержать их.

— Мы хотим торта! — кричали ребята.

Рита и Лукреция между тем вывели из больницы своих товарищей. Тем, кто не мог ходить и оставался в палатах, они пообещали вернуться с добрым куском торта.

Не обошлось, конечно, без слез.

— Принесите мне тоже! — умолял один мальчик с ногой в гипсе.

— А я побегу туда и на одной ноге! — кричал другой.

— Молодец! — сказала ему Лукреция. — Так ты сломаешь и вторую ногу. Не беспокойся, мы не забудем и тебя.

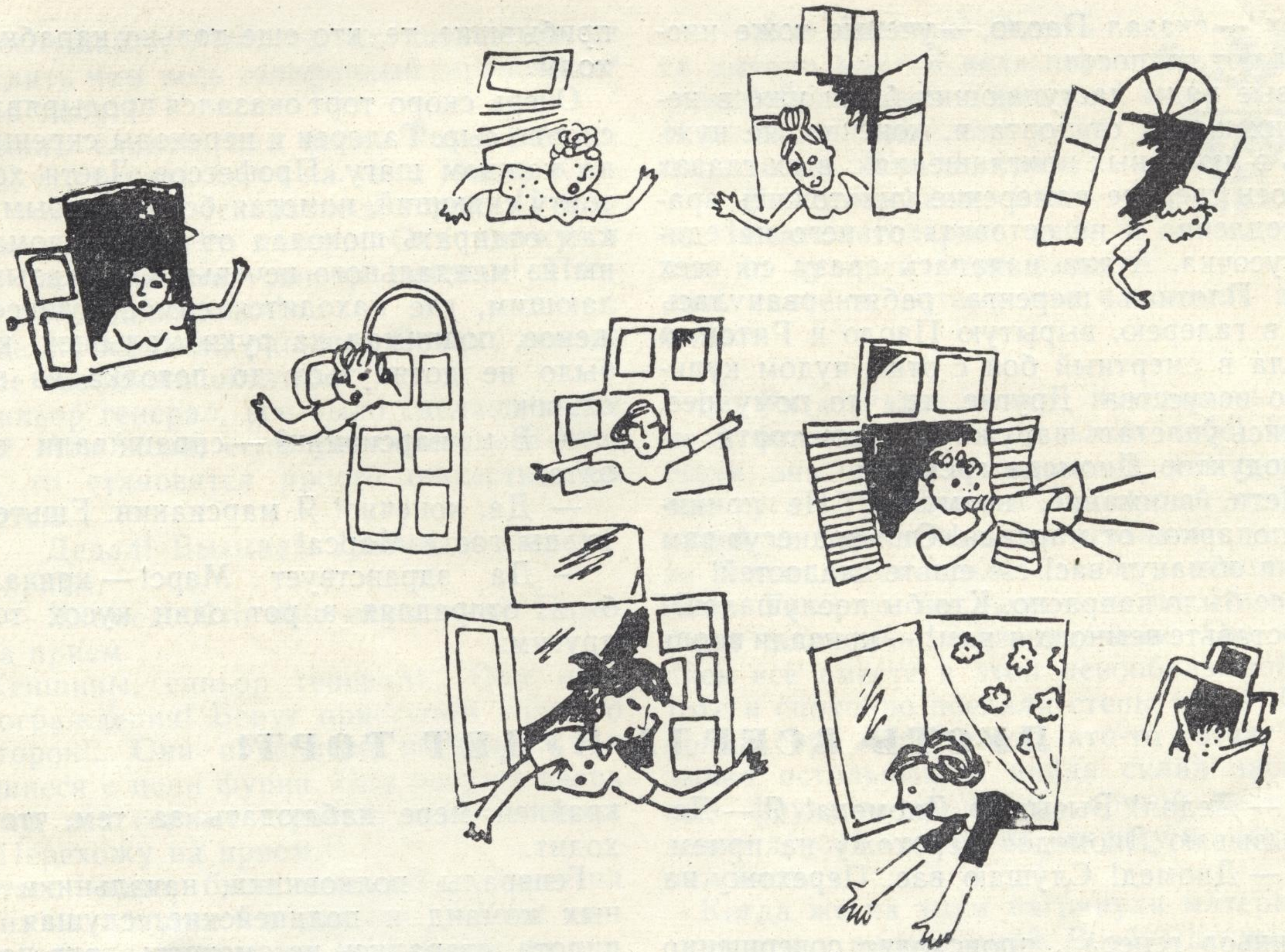
И Лукреция припустилась вприпрыжку в своем красном халатике, похожая на большую яркую бабочку. Рядом с нею несли белокурый мальчик с рукой на перевязи, крича во все горло:

— Как здорово, что у меня сломана рука, а не нога! Вот так удача!

Один огородник, увидев группу бегущих ребят в пижамах, халатиках, а то и просто в ночных рубашках, воскликнул:

— Эй, вы! Карнавал уж давно прошел! Куда ты бежишь? Вернись сейчас же!

Последние слова его были обращены к сыну, который, узнав, в чем дело, тут же бросил лопату и помчался вслед за ребятами из больницы.

— Боже милостивый! — воскликнул профессор Дзета, выглянув вместе с Паоло из торта.

Тысяча, две тысячи, наверное, три тысячи ребят, сметая на своем пути все заграждения, устремились к холму. Со всех сторон неслись радостные клики:

— Вперед!

— На приступ!

— Наши подходят!

— Я погиб! — прошептал профессор Дзета, прислоняясь к стене из слоеного теста. — Я не могу уничтожить торт.

— Спорим, что он будет уничтожен! — воскликнул Паоло.

— Что ты хочешь сказать?

— Профессор, откройте глаза! Как вы думаете, что сделают ребята с этим тортом? Они бегут сюда не для того, чтобы измерять его окружность или вычислять площадь основания. Подождите часок, и от торта не останется ни крошки, даже если вы будете предлагать за него миллиард!

Лицо профессора засияло, как лампочка.

— Ну, конечно же! Они съедят его! От него не останется ни крошки! Ура! Вперед, ребята, вперед! Скорее сюда, на всех хватит! Приятного аппетита всей компании! Как же я глуп, что сразу не догадался.

— Эх, — сказал Паоло, — ученые тоже иногда делают глупости.

Первые ряды наступающих были уже в нескольких шагах от торта и, конечно, не нуждались в любезных приглашениях: в их глазах светилось твердое намерение уничтожить врага немедленно и не оставить от него ни единого кусочка. Атака началась сразу со всех сторон. Плотная шеренга ребят рванулась прямо в галерею, вырытую Паоло и Ритой, и вступила в смертный бой с этим чудом кулинарного искусства. Другие, те, что помудрее, принялись уплетать наружную часть торта.

Репродуктор Диомеда гремел:

— Дети, внимание, внимание! Не принимайте подарков от марсиан! Они поднесут вам отраву и обманут вас! Не ешьте сладостей!

Но все было напрасно. Кто бы послушался?!

— Оставьте немного и нам! — кричали вновь

прибывшие, те, кто еще только карабкался на холм.

Очень скоро торт оказался продырявленным, словно сыр. Галереи и переходы скрещивались на каждом шагу. Профессор Дзета ходил по тарту сияющий, помогая более слабым детишкам отдирать шоколад от пола и ломать стены из миндального печенья. Он указывал желаемым, где находится самое лучшее мороженое, поднимал на руки малышей, которым было не дотянуться до потолка из взбитых сливок.

— Вы марсианин? — спрашивали его ребята.

— Да, конечно! Я марсианин. Ешьте и пейте, вы гости Марса!

— Да здравствует Марс! — кричали ребята, отправляя в рот один кусок торта за другим.

ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ ТОРТ!

— Я — Дедал! Вызываю Диомеда! Я — Дедал! Вызываю Диомеда! Перехожу на прием.

— Я — Диомед! Слушаю вас. Перехожу на прием.

— Синьор генерал, происходят совершенно непонятные вещи, как на том свете! Перехожу на прием.

— А что вы знаете о том свете?! Вы что — там были? Может быть, путешествовали с Данте, когда он спускался в ад? Докладывайте о том, что видите. Перехожу на прием.

— Синьор генерал, я не верю своим глазам!

— Сделайте усилие!

— Одним словом, синьор генерал, ребята поедают таинственный предмет кусок за куском! Мы даже не слышим больше их криков: у них рты набиты до отказа.

— Вы хотите сказать, что космический враг раздаст ребятам сладости?

— Синьор генерал, врага нигде нет! Видны только одни ребята, а космический предмет становится все меньше и меньше: они его попросту уничтожают!

— Действительно, дела, как на том свете!

— Вот видите, вы тоже так считаете, синьор генерал!

Этот разговор происходил примерно около шести часов вечера в тот памятный день. Разговор между пилотом, облетавшим на вертолете торт на Монте Кукко, и командованием операции «ПК» (Пришелец из космоса), находившимся, как вы уже знаете, в кабинете директора школы. Будучи не в силах сдержать тысячи ребят, идущих на приступ, Диомед приказал поднять вертолет в воздух и по

крайней мере наблюдать за тем, что происходит.

Генералы, полковники, начальники пожарных команд и полицейские, слушая доклад пилота, старались не смотреть друг на друга, чтобы никто не догадался по их глазам, что они не знают, как быть.

В этот момент в комнату ворвался запыхавшийся полицейский Мелетти, по прозвищу Хитрый Одиссей. Он что-то невнятно пролепетал.

— Да что вы там бубните? — загремел генерал, у которого уже голова пошла кругом.

Синьор Мелетти положил руку на сердце, чтобы сдержать его удары, и смог, наконец, произнести два слова:

— Моя жена... — сказал он, обмахиваясь беретом.

— Ну? Сожгла вам жаркое? Не пришила пуговицу на рубашке? Какое мне дело до вашей жены, сейчас, в такую минуту!

— Подождите секунду, я переведу дыхание... Моя жена сошла с ума!

— Так позвоните в сумасшедший дом и оставьте нас в покое!

— Синьор генерал, я говорю вам — она сошла с ума! Совсем сошла с ума! Она бегает по дворам, собирает тысячи женщин... Они хотят идти на холм и забрать своих детей... И еще...

— Ах это еще не все?!

— Сейчас я скажу самое страшное, синьор генерал! Я слышал, как она звонила своей сестре в Трастевере и своей кузине, которая живет в Монте Марио, и своей тетке, что проживает...

— Послушайте, Мелетти, не хотите ли вы перечислить нам весь телефонный справочник? Ближе к делу!

— Одним словом, она всему Риму растрезвонила, что ребята бегут на холм Монте Кукко! Об этом знает теперь весь город! И отовсюду к холму бегут матери! Они движутся целыми батальонами, синьор генерал! Полками и даже дивизиями!

— Где же вы были раньше? Почему немедленно не сообщили об этом?

— Синьор генерал, все было сделано в две минуты! Моя жена, если уж берется за что-нибудь, то становится просто общественной опасностью...

— Я — Дедал! Вызываю Диомеда! Перехожу на прием.

— Я — Диомед! Что еще случилось? Перехожу на прием.

— Женщины, синьор генерал!.. Они провали ограждения! Берут приступом холм со всех сторон!.. Они появились внезапно, как сорвавшиеся с цепи фурии. Они несутся вверх по холму, как горные стрелки, и зовут своих детей. Перехожу на прием.

— Этого надо было ожидать, — заметил кто-то из находящихся в комнате. — Враг связал нам руки, и теперь мы уже ничего не можем. Он знал, что делал, вербуя детей. Теперь сорвались с цепи матери. Нам надо было разбомбить таинственный предмет тотчас же, как только он появился — вот что нам надо было делать!

— Пойдемте посмотрим, — сухо сказал генерал.

Все ринулись к выходу, словно только и ждали сигнала.

— А вы оставайтесь! — приказал генерал полицейскому Мелетти. — Вы арестованы! Иначе вы никогда не поймете, что нельзя жениться на «общественной опасности».

— Как же так? Остаться именно мне? Я ведь первым сообщил всем о тревоге! И потом у меня там тоже двое детей... Я имею право...

— Вы арестованы, и точка. И возблагодарите небо, что по крайней мере ваша дочь спасена, потому что находится в больнице.

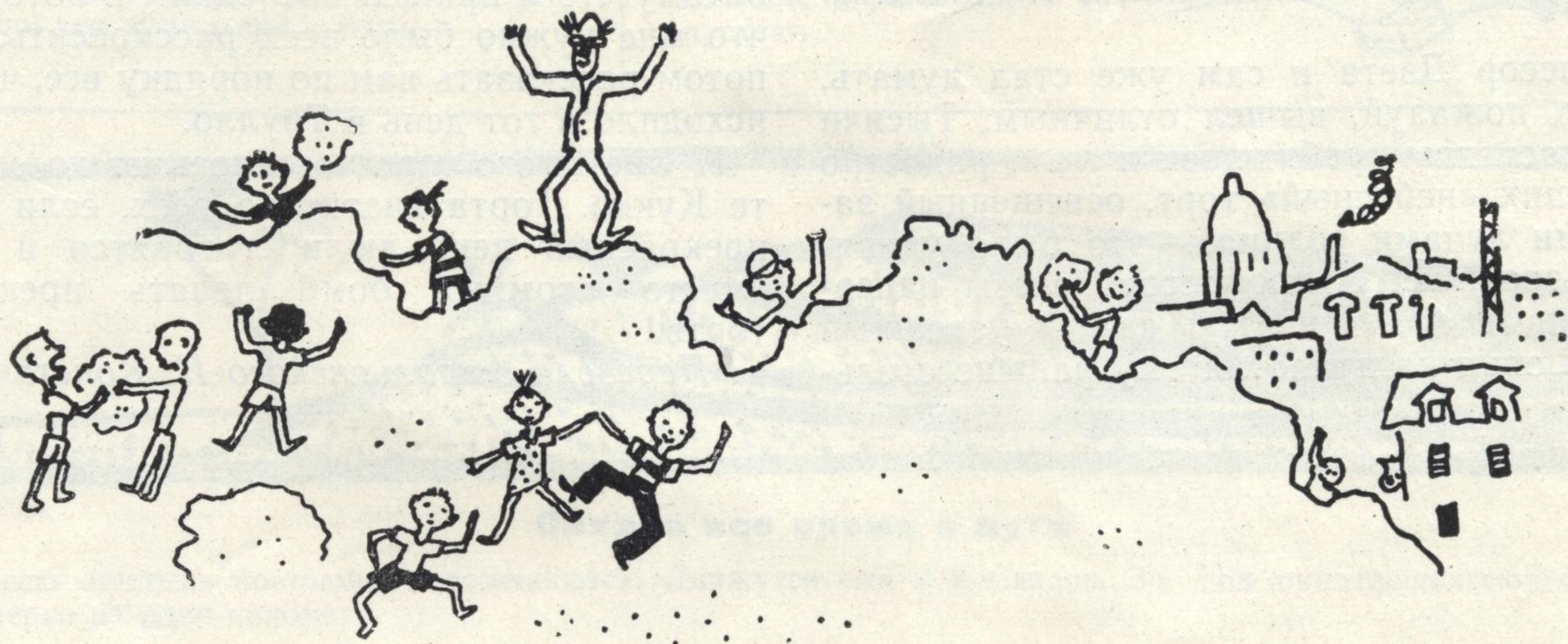
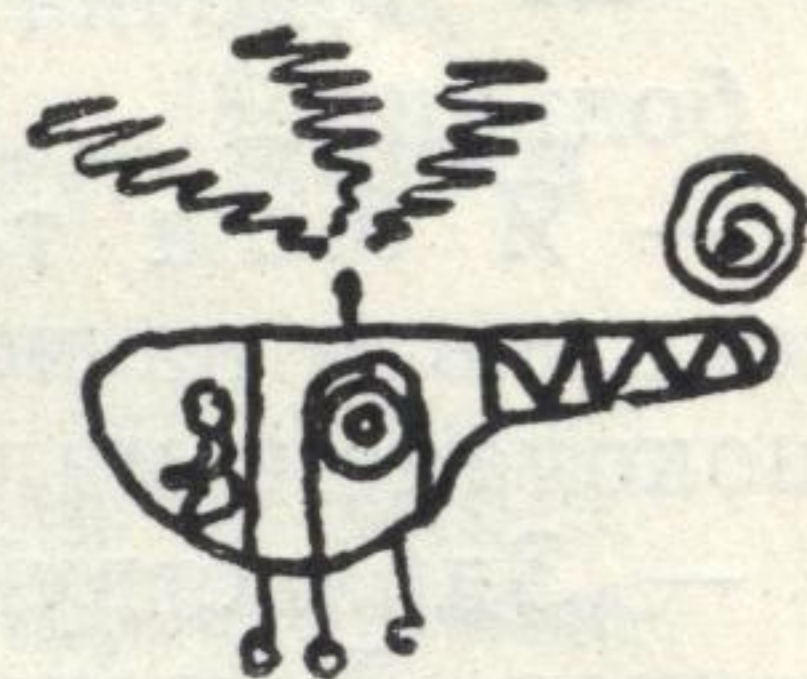
Но Рита в этот момент находилась отнюдь не в больнице, а на седьмом небе! Блаженствуя, она уплетала огромный, как диван, кусок нуги. Лукреция, и белокурый мальчик с рукой на перевязи, и все остальные ее друзья из больницы смотрели на нее сияющими глазами. Говорить им было некогда. Но взгляды были достаточно красноречивы. Они держались все вместе в этой невообразимой суматохе и спокойно поедали стены торта. Открыв новый сорт мороженого, кто-то тотчас же созывал остальных и, найдя склад засахаренных фруктов, кто-нибудь другой жестом подзывал друзей, сам ни на секунду не переставая лакомиться.

Когда же на холм нагрянули матери, сумятица стала неопишуемой. Возбужденные, красные от волнения, кричащие, они вели себя так, словно должны были спасти своих детей от пожара или от землетрясения.

— Карлетто! Роберто! Пинучча! Анджела! Андреа!

Гвалт, шум, крики, а затем сразу же: «плюх!», «плюх!». Это раздались первые пощечины и подзатыльники, которыми матери награждали своих найденных отпрысков, вымазанных в креме с головы до ног.

Синьора Чечилия, искавшая Паоло, вдруг наткнулась на Риту, схватила ее в объятия и закричала:

— Девочка моя! Радость моя! Так ты не в больнице?!

— Я была там, видишь, — ответила Рита, показывая на ночную рубашку, вымазанную в шоколаде и малиновом сиропе.

— Здравствуйте, синьора, — сказала воспитанная Лукреция. — Хотите попробовать торта?

— Попробуй, мама! — поддержала Рита. — Клянусь тебе, он не отравлен! Разве я когда-нибудь говорила тебе неправду?!

Синьора Чечилия, немного поколебавшись, понюхала кусок торта, который ей предложили. Она была хорошей хозяйкой и в кондитерских изделиях знала толк. Не похвалить аромат было невозможно! Одобрив запах и внешний вид угощения, она нашла отличным и его вкус.

— Это же просто чудо! Кто его сделал?

И синьора Чечилия с аппетитом принялась уписывать торт. Тем же самым занялись теперь тысячи других мам. Они ели торт под аплодисменты ребятишек, которые давно уже, как всегда, забыли про шлепки и подзатыльники.

— А Паоло? Где наш Паоло? — спросила вдруг синьора Чечилия.

Вот и Паоло. Он, наверное, был единственным гостем на этом пиршестве, который ничего не ел. Он давно уже наелся и теперь, счастливый, ходил по тарту, помогая профессору Дзета.

— Мама!

— Паоло, радость моя!

— Познакомься, это профессор, который сделал торт!

— Приятного аппетита, синьора!

— Прекрасный торт, профессор, просто чудесный! Великолепный! Поздравляю вас!

Профессор Дзета и сам уже стал думать, что торт, пожалуй, вышел отличным. Тысячи тысяч счастливых ребятишек и мам, радостно уплетавших «небесный» торт, освещенный заходящими лучами солнца, — это было удивительное зрелище! У профессора слезы навернулись на глаза. Никакой самый успешный научный опыт не приносил ему раньше столь-

ко радости, сколько доставил этот неудачный эксперимент с атомным грибом. Должно быть, и в самом деле верно, что иногда учатся и на ошибках.

Медленно опускался вечер. Уже одна за другой потянулись к городу стайки ребят. Почти все несли с собой большие куски торта: женщины подумали о мужьях, ребята о бабушках и дедушках, о своих кошках и собаках, даже о канарейках. Торт окончательно потерял свою первоначальную форму. Там и тут оставались только отдельные куски — островки шоколада, горки марципана, озерки ликера...

— Берите, берите все, — уговаривал профессор Дзета, — несите с собой, не огорчайте меня.

А в это время на холм уже поднимались солдаты. Женщины, уходя домой, угостили их тортом, и теперь они сами решили отведать его.

— Вперед, братцы! — кричал профессор Дзета, — вперед, на торт! Еще осталось несколько центнеров. Вперед, синьор генерал! Прошу вас, присаживайтесь. Я вам все потом объясню, а пока вспомните о вашей жене и ребятишках!

Но совет был излишним: жена и генеральские дети были тут же, на самом боевом месте. Представляете, какой радостной была встреча с отцом и мужем.

Словом, торта хватило всем, кроме профессора Росси и профессора Теренцио, которые находились в больнице и лечились там от страха.

Большой кусок достался и синьору Мелетти, когда синьора Чечилия, Рита и Паоло пришли за ним в школу освободить его из-под ареста.

Немного торта перепало и мне — потому что я пришел последним и потому еще, что мне нужно было всех расспросить, чтобы потом рассказать вам по порядку все, что происходило в тот день в Трулло.

И еще много торта осталось на холме Монте Кукко. Торта хватит на всех, если в один прекрасный день люди сговорятся и станут вместо атомных бомб делать прекрасные торты!

Перевела с итальянского И. Константинова

Мертвая вода

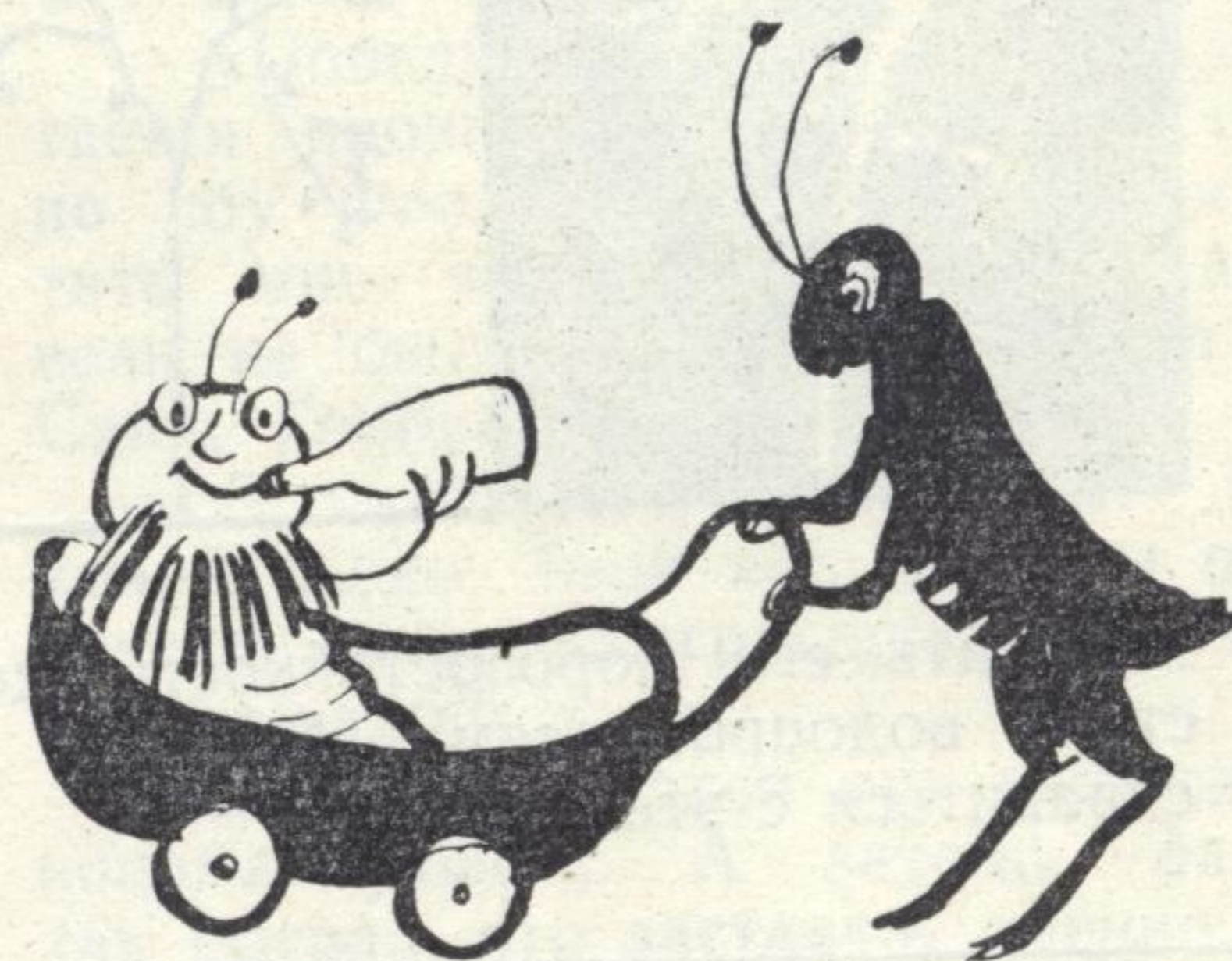
С удивительной водой встречаются иногда полярники Арктики. Лодка в ней перестает слушаться весел, судно, несмотря на работу машин, теряет ход. Поэтому и называют такую воду мертвой.

На самом же деле это просто пресная вода, почти дистиллированная, слой которой как бы разлит на поверхности более соленой и потому более плотной морской воды.

Появляется мертвая вода обязательно в безветренную погоду, когда усиленно гают ледники или ископаемые льды. И оба слоя воды — пресная и соленая — почти не перемешиваются.

„Долголетие“ цикад

Есть цикады, личинки которых семнадцать лет проводят под землей. Потом на поверхность вылетают взрослые насекомые и... живут всего несколько недель. Их так и называют «семнадцатилетние цикады».

Озеро-рекордсмен

Байкал не только самое глубокое озеро Земли. Его можно назвать рекордсменом по числу впадающих в него рек — 544. Причем 324 реки впадают с восточного побережья и 220 — с западного.

Неразлучные

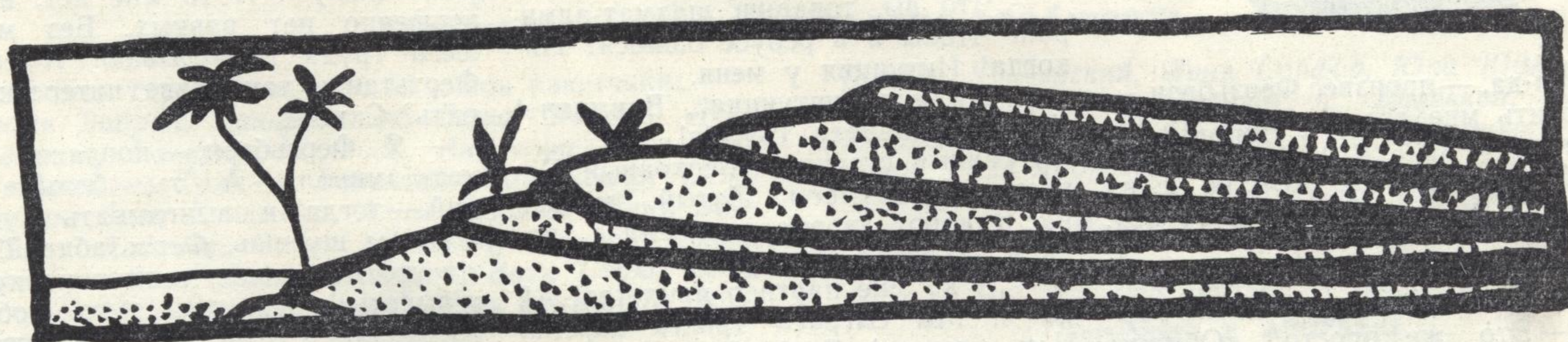
В Южной Америке есть вид сумчатых крыс с очень цепкими хвостами. Хвостом самка удерживает детенышей около себя: нечего разбегаться в разные стороны. Детеныши удобно усаживаются на спине матери, обвивают своими цепкими хвостиками ее хвост. Детеныши все время при матери.

Тилляпия — помощник энергетиков

Советские ученые усердно заселяют водоемы тепловых электростанций Украины и Молдавии рыбой тилляпией.

Тилляпия — выходец Африки, она питается нитчатыми водорослями, которые засоряют фильтры насосных станций. Тилляпия очищает эти фильтры.

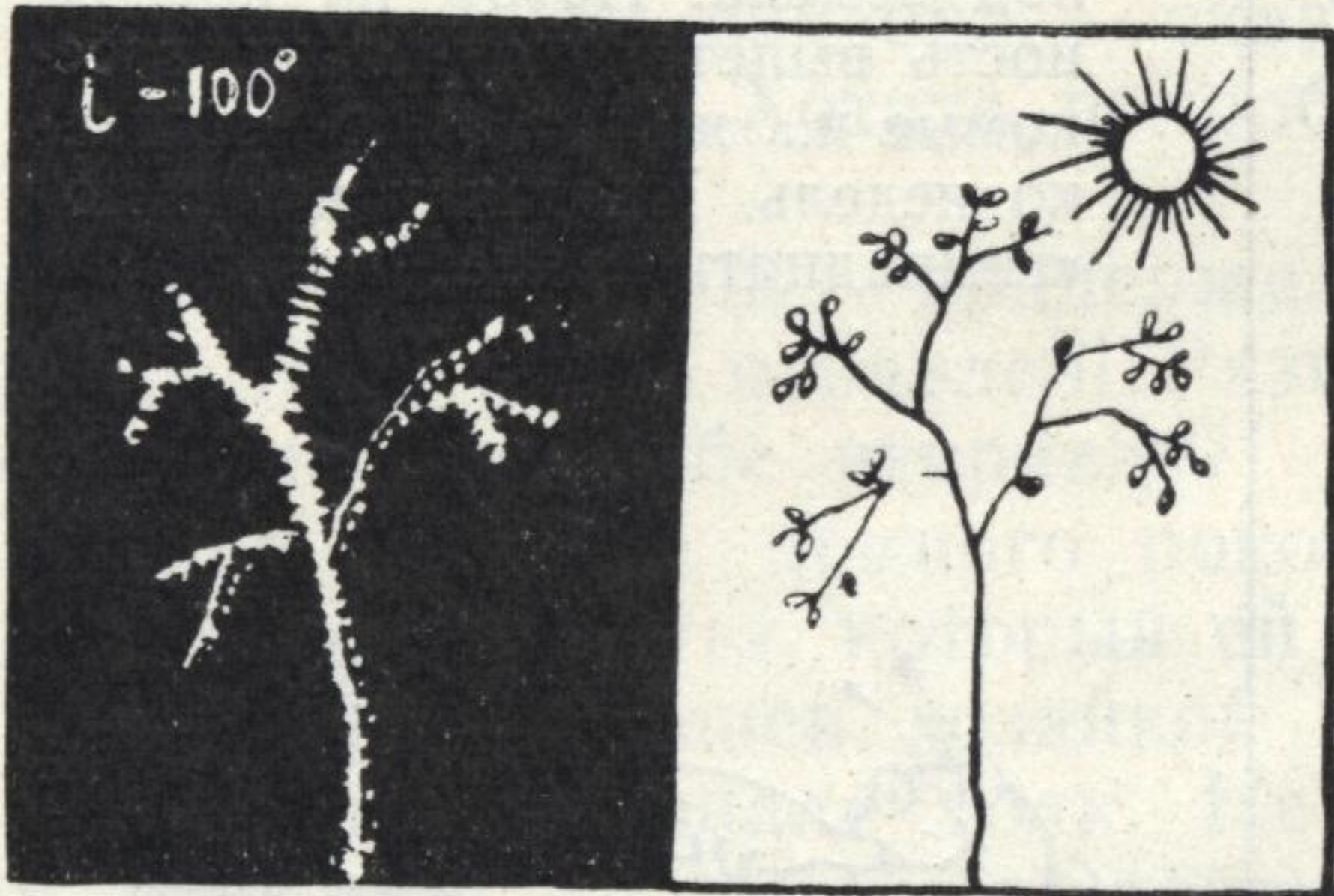
Каждые три недели тилляпия откладывает 200—300 икринок и держит их во рту, пока они не превратятся в мальков, и лишь тогда выпускает.

Сахара все время в пути

Пески пустынь постоянно перемещаются. Двигутся они и в Сахаре. За год они продвигаются к югу примерно на один километр.

Береза на морозе

Ветку березы поместили в морозильную камеру и охладили до 100° . Затем внесли в комнату с обычной температурой, поставили в банку с водой, и на ветке распустились листочки. Ветка черной смородины выдержала еще больший холод -253° . Значит, дерево способно само бороться с морозами, надо только помочь ему —

повысить его морозостойкость, добиться, чтобы стенки его клеток стали водопроницаемы. Биологи ждут помощи от химиков, чтобы справиться с этой задачей.

Драгоценный костюм

В Павловском музее-дворце хранится уникальный костюм. Его ткань и отделка изготовлены из лебяжьего пуха. Целое стадо белых лебедей было истреблено, для того чтобы получить редкостную пряжу.

Три раза за время существования музея драгоценный костюм пытались похитить, ведь он представляет собой шедевр прикладного искусства. Секрет изготовления удивительной ткани не удалось разгадать до сих пор.

ОПЕРАЦИЯ „64“!!!

Закон Трумбона Пятого

— Мм-да, — произнес Ферзьбери. — Проглотить мне все шестнадцать пешек, если я хоть что-нибудь понял из этой радиограммы. «Об не эс на Тр. Вы лю на ма. По в па сч пр». Ребус!

— Разрешите мне, товарищ шахмат-адмирал! — вызвался Саня Горбунов. — Это же просто: «Обижен неприлетом эскадрильи на Трумбу. Вызываю любого на матч... вызываю любого...»

— Это уже ясно. Но дальше? «По в па сч пр» — это что?

— А это... это — «Поверю в пару счастливых примет», — вот что!

— Что-то, Горбунов, так не очень складно... Не ошибся ли?

— Что вы, товарищ шахмат-адмирал! Чтобы я в ребусе ошибся? Никогда! Интуиция у меня.

— Ну, если интуиция... Внимание! Курс на планету Трумба!

Румяный старичок, Верховный Повелитель Трумбон Пятый, увидев нас у ворот дворца, соскочил с трона и захлопал в ладоши.

— А ко мне партнер прилетел! Ай да я! Мы сыграем триста партий! Или пятьсот! Так? Скажи, Ферзьхватай, так? Скажи!

— Я Ферзьбери, — поправил главнокомандующий. — Пятьсот пар-

тий — очень много. И триста — много. Даже сто — много.

— Ну, ну... Вот какой ты... Вот какой... Пусть не триста и не сто. Но хоть две? Предварительную и решительную! А то мне нет, ну совершенно нет равных. Без малейшего труда проигрываю! А скажи, Ферзьтащи, так разве интересно играть? Скажи!

— Я Ферзьбери, — поправил шахмат-адмирал. — А ты больше думай — тогда и выигрывать будешь.

— Ты шутишь, Ферзьзабирай! Что же это получится, если я начну выигрывать?! Да они, чего доброго, вообразят, что не только играют хуже, но и вообще глупее меня! Но пойдём! Скорей сыграем! Ты мою радиограмму читал?

Бросили жребий. Трумбон вытя-

нул белые, сыграл 1.f2—f4. Шахмат-адмирал ответил 1... e7—e6. И ракетчики, и трумбонцы, затаив дыхание, следили за игрой. После долгого раздумья Трумбон пошел 2.g2—g4. Ответ последовал быстро: Ферзьбери дал мат — 2...Фd8—h4X.

— Чур, ходов назад не брать! — вскричал Трумбон Пятый. — Все видят, на какую красивую ловушку я поймал Ферзьпотеряя? Ай да я!

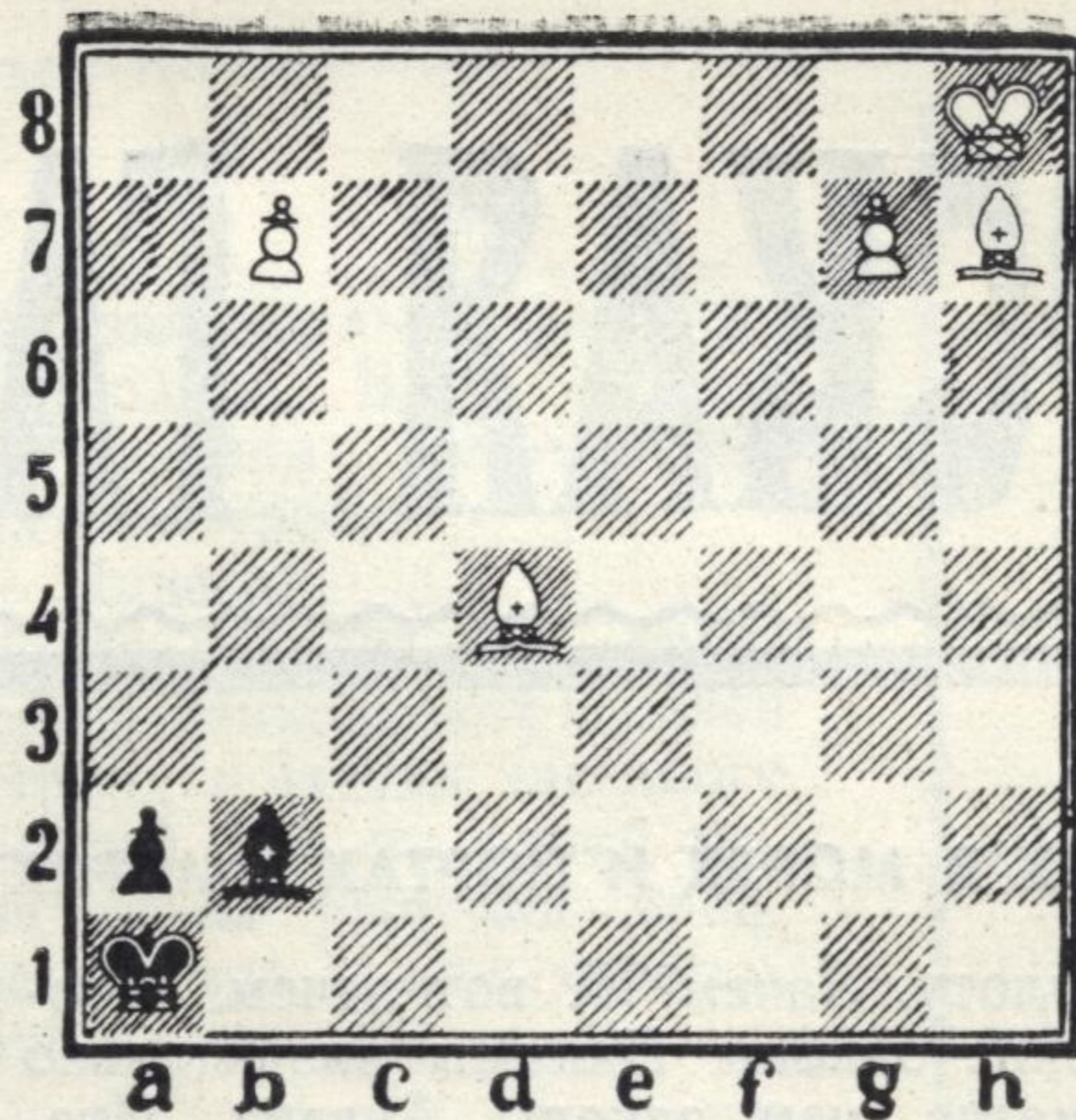
Ферзьбери молча расставлял свои белые фигуры для решительной партии. Она была в разгаре, когда он тихонько подозвал меня:

— Ладейкин! Разузнай, почему он так рад, словно мат получил я.

А Трумбон раскричался:

— Уберите этого мальчишку! Он может подсказать ему плохой ход! А ты, Ферзьтрепещи, не тяни время. У тебя и слон лишний, и две пешки — почти ферзи, а ты не признаешь себя выигравшим. Вот какой ты! Вот какой! (См. диаграмму.)

— Чему же ты рад? — сказал Ферзьбери. — Если я сейчас выиграю партию, то стану победителем в матче. Чему же ты рад?

Посмотрели бы, как подпрыгнул Трумбон!

— Нет, вы только послушайте его! Он выиграет, и он же станет победителем?! Где-нибудь, но не на Трумбе! Вот. Вот закон, слушай:

«По приказу Верховного Повелителя Трумбона Пятого порядок, при котором выигравший считается победившим, с сего дня и часа отменяется. С сего дня и часа победителем

в партии считается проигравший». Ну что? Подпись мою видишь? И печать Большой Кляксы! Убедился теперь? Убедился? Скажи!

— Клякса на месте, — сказал шахмат-адмирал, — но предупредить обо всем этом полагалось бы до партии...

— Вот какой ты?! Вот какой?! Да я тебе все ясно разъяснил! Ведь «По в па сч пр» было в радиограмме? Было? Скажи!

— «Победителем в партии считается проигравший!» — хлопнул себя по лбу Ферзьбери. — Было! Проглотить мне все шестнадцать пешек, если не было! — и он посмотрел на Саню Горбунова.

— Вот видишь, какой ты? Вот какой! Ходи. Твой ход. Или ты признаешь себя выигравшим? Признаешь? Скажи!

Надолго задумался тут наш главнокомандующий. А затем... Затем так сыграл, что заставил, именно заставил игравшего черными Трумбона уже третьим ходом объявить мат белому королю! А вот как — не помню.

ПРИКАЗ № 11

Я, главнокомандующий операцией «64», приказываю:

§ 1. Шахматным ракетчикам — 1) показать, как в позиции на диаграмме я заставил Трумбона Пятого дать мне мат в три хода (не забывайте: он старался проиграть!). 2) Решить задачу, которую составил Женя Ваулин, восьмиклассник из села Колобовка. Белые: Крc1, Сс2, Кб4, Кс6; черные: Кра3, п. б6. Мат в три хода. 3) Найти мат в шесть ходов — белые: Крf4, Ла1, Сf5, п. а7; черные: Кра8, пп. б3, б4, б5, б6, б7.

§ 2. Юнгам — найти мат в два хода. Белые: Крс5, Фg2, Каб, черные: Кра7, п. g3. Ход белых.

§ 3. Шашечным ракетчикам — найти за белых комбинацию москвича Володи Кричевского. Белые: с1, е1, е5, g1, h2, h4; черные: а3, б4, б6, с3, с5, g7, h6.

§ 4. Полет эскадрильи к Созвездию черно-белых клеток считать успешно завершённым. Пилотам всех ракет — взять курс на Землю!

§ 5. Капитану Пешкоедову — подготовить рапорт об итогах операции «64». Особо отличившихся ракетчиков представить к награждению призами и к присвоению спортивных разрядов.

Шахмат-адмирал Ферзьбери.

Бюро самопроверки

Так ли вы решили задачи в «Костре» № 8?

Комбинация Пети Плоткина. 1. g5—f6! g7:e5 2. g3—h4! e5:e1 3. c1—b2! a3:c1 4. g1—f2 e1:g3 5. h2:f4X.

Шашечные позиции. Первая. 1... а3—b2? 2. g5—d2! h6:h2 3. d2—c1X. Вторая. 1. f4—e5! d4:f6 2. d2—c3 b2:d4 5 h6—f8X.

Мат в 3 хода. 1. Ch2! d5 (d62. Лb3) 2.Лg3.

Мат в 4 хода. 1. Крf1! Крd2 2. Крf2 Крd1 3. Крe3. **Выигрыш.** 1. Сf5+ (плохо 1.Сс6+Крd6!) 2. Л:e3 e1—Ф 3. Л:e1. Пат) Крd8 2. Cd7! (можно и 2. Cd3!) e1—Ф 3. Сb5 и затем мат ладьей.

Для юнг. 1.Л:b3+! Кра4 (если черные бьют ладью—пат) 2. Л:b4+, и так далее. Вечный шах — ничья.

Шахмат-капитан Пешкоедов сообщает:

После 6-ти туров имеют по 75 очков ракетчики:

Володя Забран, Саша Полек, Саша Шабрин, Леня Вишневецкий, Валерий Желанов, Андрюша Носовский, Лева Мосягин, Толя и Валентин Матюшенко, Саша Дворяшин, Витя Волкомор, Алим Койшин, Женя Ваулин, Толя Андреев, Саша Казанкин, Сережа Пугин, Володя Грищенко, Вадим Данилов, Витя Стоян, Юра Брюховецкий, Сережа Евдокимов, Юра Бенькович, Эдик Аардма.

За «Костёр» № 6 призы (по жребию) получают:

Вася Сафонов, Миша Лубнин, Тагир Кустовельдинов, Люда Проскуракова.

У шашистов после 4-х туров имеют по 25 очков:

Володя Кричевский, Леня Сойфер, Юра Юдковский, Таня Щербина, Толя Карпов, С. Князьков, Володя Шинкаренко, Миша Кренцин, Люда Ефимова, Алим Койшин, Толя Андреев, Костя Богданович.

За «Костёр» № 6 призы получают шашисты: Гайса Зубаев, Миша Кренцин, Володя Пономаренко.

Шахматисты! Шашисты! Новички!
Вступайте в АРЧЕБЕК!

Я, знаменитый Ферзьбери, поведу вас в поход!
Сообщайте имя, фамилию, класс, адрес
На конверте помечайте — «АРЧЕБЕК»

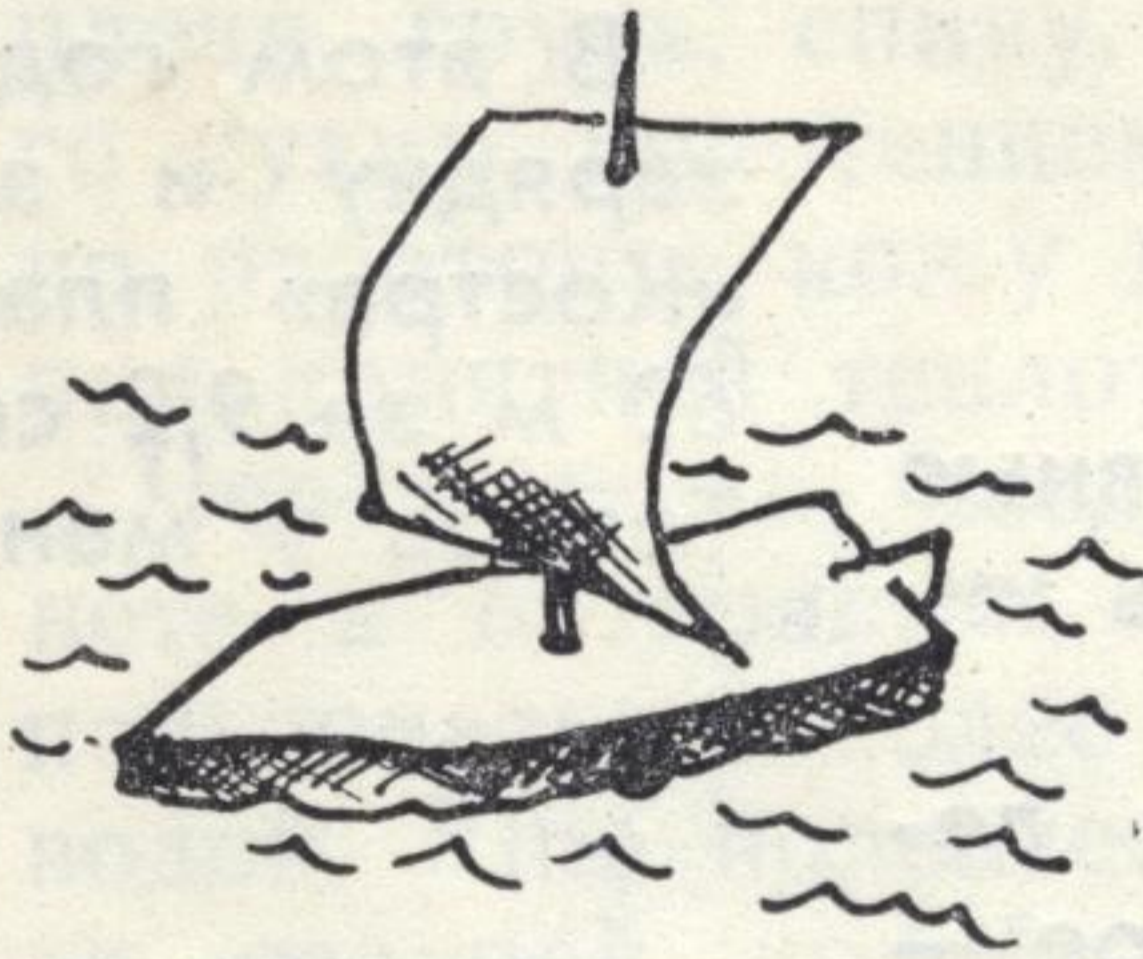
ный, внимательно рассмотрев модель. Винт обрезали — пароход пошел намного быстрее.

— Чудеса!

— Не чудеса, а опыт. Алексей Николаевич Крылов построил и изучил так много кораблей, что по одной модели судна уже мог представить, что в нем хорошо, а что плохо.

— Что модели?! Так, игрушки...

— Не всегда. Прежде чем строить корабль, делают его модель. Один английский пароход давал очень маленькую скорость. Русский ученый Крылов, которому случилось быть в Англии, увидел на столе у судовладельца модель этого судна. «Обрежьте ему лопасти винта!» — посоветовал уче-

Ответы на задачи

№ 6. — По-настоящему рассеян, конечно, тот водолаз, что справа. Его воздушный шланг присоединен к водяной помпе.

№ 7. — На рисунках помещены:

- 1 — эскадренный миноносец;
- 2 — танкодесантный корабль;
- 3 — авианосец;
- 4 — охотник за подводными лодками;
- 5 — подводная лодка;
- 6 — крейсер.

№ 8. Первый винт левого вращения, второй — правого. Третий — это тоже винт, а вернее, движитель. Его лопасти загребают воду, как лапы тюленя.

№ 9. В Черном море на глубинах более 200 метров жизни нет — вода отравлена сероводородом. Морские звезды и осьминоги в Черном море вообще не водятся.

КЛУБ
МОРСКИХ
ЗНАТОКОВ

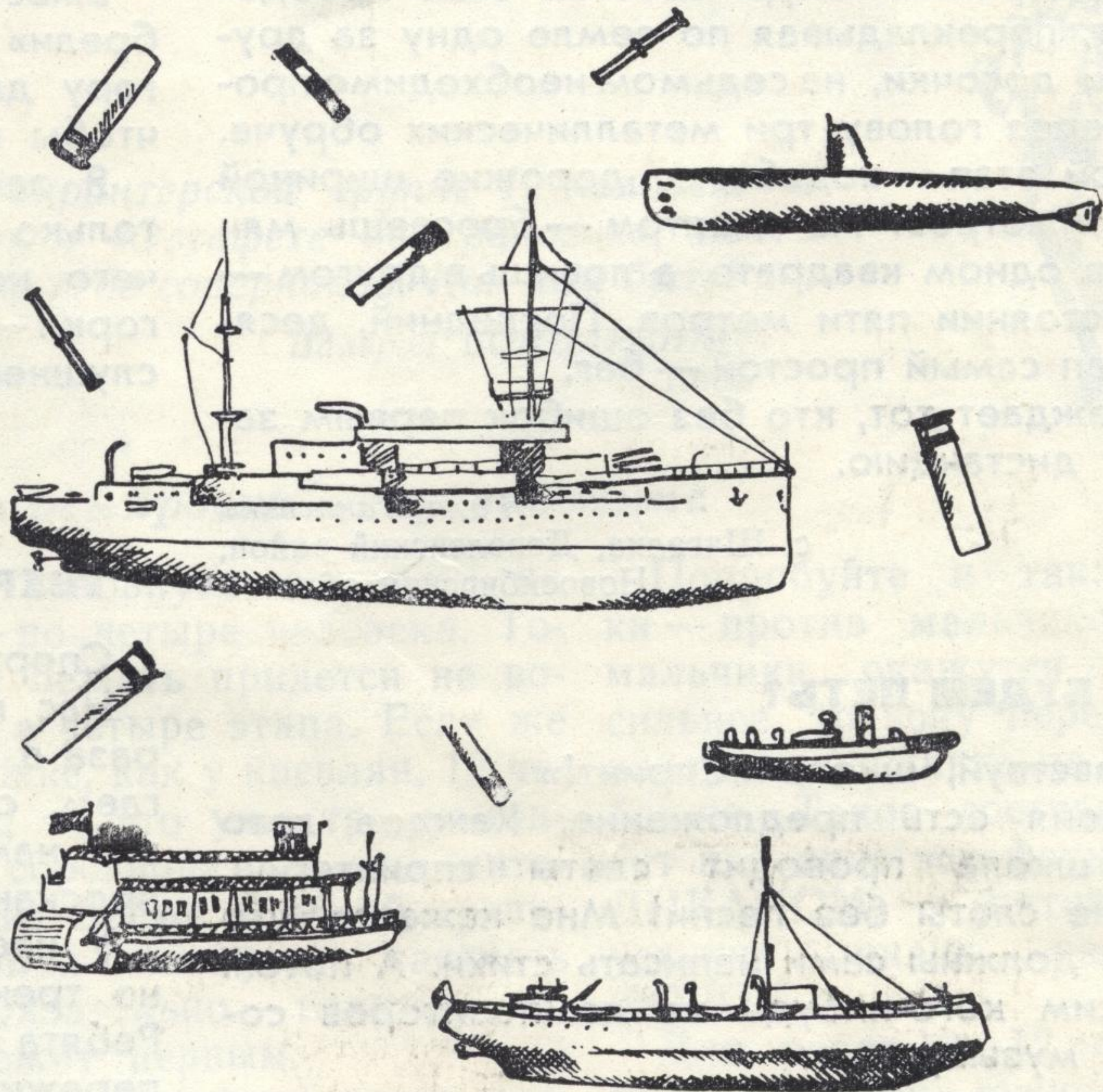

Однажды капитан Быстроходов зашел в музейную мастерскую, где молодые рабочие собирали модели кораблей.

— Вот беда! — пожаловались они капитану. — Корабли собрали, а трубы перепутали. Куда какую ставить — не знаем.

— Ну, это не сложно! — ответил капитан Быстроходов, и через пять минут все трубы были на местах.

А вы сумели бы?

ПИСЬМА СПРИНТЕРОВ

СИБИРСКАЯ ЭСТАФЕТА

У себя в селе мы устраиваем спортивные праздники, проводим эстафету. Это очень интересная игра!

Отмерив стометровую дистанцию, мы делим ее на десять этапов. Соревнуются двое — каждый по своей дорожке. Первый этап — быстрая ходьба, второй — ведение ногами мяча между колышками, третий — разбег и прыжок на полтора метра. На четвертом этапе требуется из одного квадрата в другой перебросить три городка. На пятом этапе надо, передвигаясь спиной вперед, размотать десятиметровый шнур. Шестой этап преодолевают, перекладывая по земле одну за другой три досочки, на седьмом необходимо пройти через голову три металлических обруча. Восьмой этап — ходьба по дорожке шириной 10 сантиметров. На девятом — бросаешь мяч вверх в одном квадрате, а ловишь в другом — на расстоянии пяти метров. Последний, десятый этап самый простой — бег.

Побеждает тот, кто без ошибок первым закончит дистанцию.

Галя Панасенко
с. Шагалка, Доволенский район,
Новосибирская область

ЧТО БУДЕМ ПЕТЬ?

Здравствуй, школа «Спринт!»

У меня есть предложение. Каждое лето наша школа проводит слеты спринтеров. А какие слеты без песни! Мне кажется, что ребята должны сами написать стихи. А потом попросим кого-нибудь из композиторов сочинить музыку.

Как вы думаете?

Со спортивным приветом

Юля Флягина
г. Грязовец, Вологодская
область

ЗА ОДИН ГОД

Здравствуй, школа «Спринт»!

Ура, ура, ура тебе!

В прошлом году на уроках физкультуры я числилась в ослабленной группе и была освобождена от всех соревнований. Однажды во время бега у меня закружилась голова, и я упала...

В этом году я стала каждый день делать зарядку и занималась по присланным из «Костра» планам. И вот весной пробежала 60 м за 9,2 секунды, а 300 м — за 56 секунд. Теперь у меня II юношеский разряд!

Галя Голубева
г. Пермь.

СЕКРЕТ СКОРОСТИ

Дорогая редакция!

Если честно говорить, заниматься я почти перестал. Все-таки трудно заставить себя три раза в неделю проводить тренировки. Не привык. Но теперь я твердо решил взяться за ум.

Вместе с Сашей Смеречинским мы «изобрели» свои упражнения. Например, бег в гору для развития мышц ног и бег с горы, чтобы научиться быстрее переставлять ноги.

Я заметил, что могу убыстрять движения только до какого-то предела, а дальше ничего не получается. Тогда я стал бегать с горки — скорость увеличилась, ноги стали послушнее.

Алеша Веснин
г. Балхаш, Карагандинская обл.,
Казахская ССР

ТВЕРДОЕ ПРАВИЛО

Спортивный привет, школа!

Нас восемь человек. Тренируемся мы три раза в неделю. После разминки бегаем, прыгаем, скачем. Да, скачем на одной ноге — это нам особенно нравится. Я теперь могу проскакать уже 500 метров!

У нас твердое правило: получил двойку — на тренировки не ходи, пока не исправишь. Ребята так привыкли к спорту, что очень переживают, когда такое случается. Я и сама поняла это, когда получила двойку...

Наташа Шальнева
База «Заготзерно», Ордынский
район, Новосибирская область

ОТВЕЧАЕМ НА ПИСЬМА

Зарядку я делаю каждое утро. Иногда выполняю комплекс, который передается по радио. После зарядки диктор приглашает перейти к водным процедурам. Что это такое?

*Женя БЛИНОВ
г. Симферополь, Крымская область*

Водой холодной обливайся

Водные процедуры укрепляют здоровье, закаливают организм. Обтирание, купание, душ особенно полезны по утрам, после зарядки. Но пользоваться ими нужно умело, соблюдая определенные правила.

Спортсменам-новичкам рекомендуется начать с обтирания в помещении при температуре 18—20 градусов. Для этого губку или конец полотенца намочите в теплой воде, слегка отожмите и быстро

обтирайте по очереди руки, плечи, грудь, спину. После этого сухим полотенцем энергично разотрите кожу до появления приятной теплоты.

Через месяц, когда привыкнете к обтиранию, начинайте пользоваться более холодной водой. Еще полезнее обтираться соленой водой, растворяя чайную ложку соли в литре воды.

Весной и летом хорошо обливаться водой. В жаркую погоду можно окатить прохлад-

ной водой из ведра или лейки сразу все тело и тут же растереться полотенцем до появления красноты. Под душем первое время не следует находиться дольше одной—двух минут.

Окунувшись после зарядки в реке или озере, следует быстро вытереться досуха и, чтобы согреться, пробежать легко 600—800 м.

Водные процедуры особенно полезны, если их выполнять регулярно, изо дня в день.

В нашей спринтерской группе 12 человек. Мы готовимся к «Эстафете быстроногих», но пока не нашли себе соперников. Как нам быть?

*Валерий БОНДАРЕНКО
г. Киев*

Лучшая тренировка — соревнование

Во всесоюзных заочных соревнованиях «Эстафета быстроногих» участвуют команды не менее чем из восьми бегунов. Но это вовсе не значит, что в любых состязаниях эстафетная команда должна обязательно выступать в полном составе.

У себя в кружке вполне допустимо соревноваться по упрощенным правилам. Меряться силами можно буквально на каждой тренировке и уж не реже, чем раз в неделю.

Для этого, например, разде-

лите основную команду на две — по четыре человека. Тогда и бежать придется не восемь, а четыре этапа. Если же в кружке, как у киевлян, 12 человек, то это уже три команды — соревноваться еще интересней! Время в такой тренировочной эстафете засекается не обязательно — главное, кто прибежит первым.

Малую эстафету легко провести внутри класса, как отборочные состязания, а из победителей составить полную команду.

Попробуйте и так: девочки — против мальчиков. Если мальчики окажутся намного сильнее, то зону передачи девочек передвиньте на 5 метров ближе. Такое состязание носит название эстафеты с ГАНДИКАПОМ, а пятиметровая уступка иначе называется ФОРОЙ.

Для ребят 10—12 лет встречную эстафету лучше проводить на укороченной дистанции. Вместо 50 метров им достаточно отмерить этапы по 25 метров.

БИБЛИОТЕКА КОС_{ТИ} ТЕР_{КИНА}

Замечательные люди. Что это за люди? И когда же начинается эта самая замечательность?

Меня, Костю Теркина, и моих друзей такой вопрос занимает давно.

Почти в каждой книге есть про что-нибудь замечательное. Но не всегда про это так прямо и сказано, как в тех книгах, что сейчас лежат передо мной...

Это книги одинакового формата, в похожих переплетах, только портрет на каждой и «орудия производства» разные. И названы все на один лад — по фамилии героя: «Зинин», «Постышев», «Черский», «Лазарев»,

«Богомолец», «Фабр», «Чаадаев», «Боткин».

Все это книги серии «Жизнь замечательных людей». Каждая книга — биография: адмирала Лазарева — военного моряка, географа Черского — исследователя Восточной Сибири, Зинина — химика, Постышева — революционера, видного государственного деятеля...

Жизненный путь каждого по-своему нелегкий и по-своему замечательный. Будущий президент Академии наук СССР А. А. БОГОМОЛЕЦ родился в тюрьме, его мать была пожизненно приговорена к каторж-

ным работам за революционную деятельность.

Не побоялся предпринять труднейшее путешествие с научной целью политический ссыльный И. Д. ЧЕРСКИЙ. Даже тяжелая болезнь не помешала ему с женой и десятилетним сыном отправиться в малонаселенный край Колыму, в Восточную Сибирь.

П. П. ПОСТЫШЕВ, сын рабочего, еще мальчиком пошел на завод, а со временем стал государственным деятелем нашей страны.

Еще студентом Казанского университета Н. Н. ЗИНИН был замечен великим русским ученым Лобачевским как талантливый математик, а стал знаменитым химиком, разгадавшим строение химических соединений.

Мечтали о математике и С. П. БОТКИН и А. ФАБР. Но первый стал знаменитым врачом, второй — биологом, энтомологом.

Как нашли эти люди свое призвание? Что роднит людей разных профессий и разных характеров? В чем величие дела их жизни? Кто помог им? С чем пришлось им бороться?

Ответ на эти вопросы вы найдете в книгах серии «Жизнь замечательных людей».

Более тридцати лет этой серии. Тут биографии ученых и мыслителей, революционеров и изобретателей, врачей и полководцев, художников, писателей, актеров.

Задумал серию ЖЗЛ Максим Горький. Он прекрасно понимал, как важно познакомить людей с жизнью тех, кто оставил след в истории революционной борьбы, науки, культуры, политики. И еще Алексей Максимович хотел, чтобы эти книги были интересно и талантливо написаны. Одну из первых книг — о Бетховене — Горький просил написать Ромэн Роллана, чтобы ее прочел с интересом даже тот, кто еще далек от музыки, кто не понимает ее...

В юбилейном для нашей страны году издательство «Молодая гвардия» выпускает повести о людях, крепко связавших свою жизнь с жизнью советского государства.

Книги серии ЖЗЛ есть в каждой библиотеке — и районной, и школьной. Это полезное и увлекательное чтение.

НАРОДНАЯ МУДРОСТЬ ГЛАСИТ

«Съел ковригу — напился один, прочитал книгу — оставил и другим».

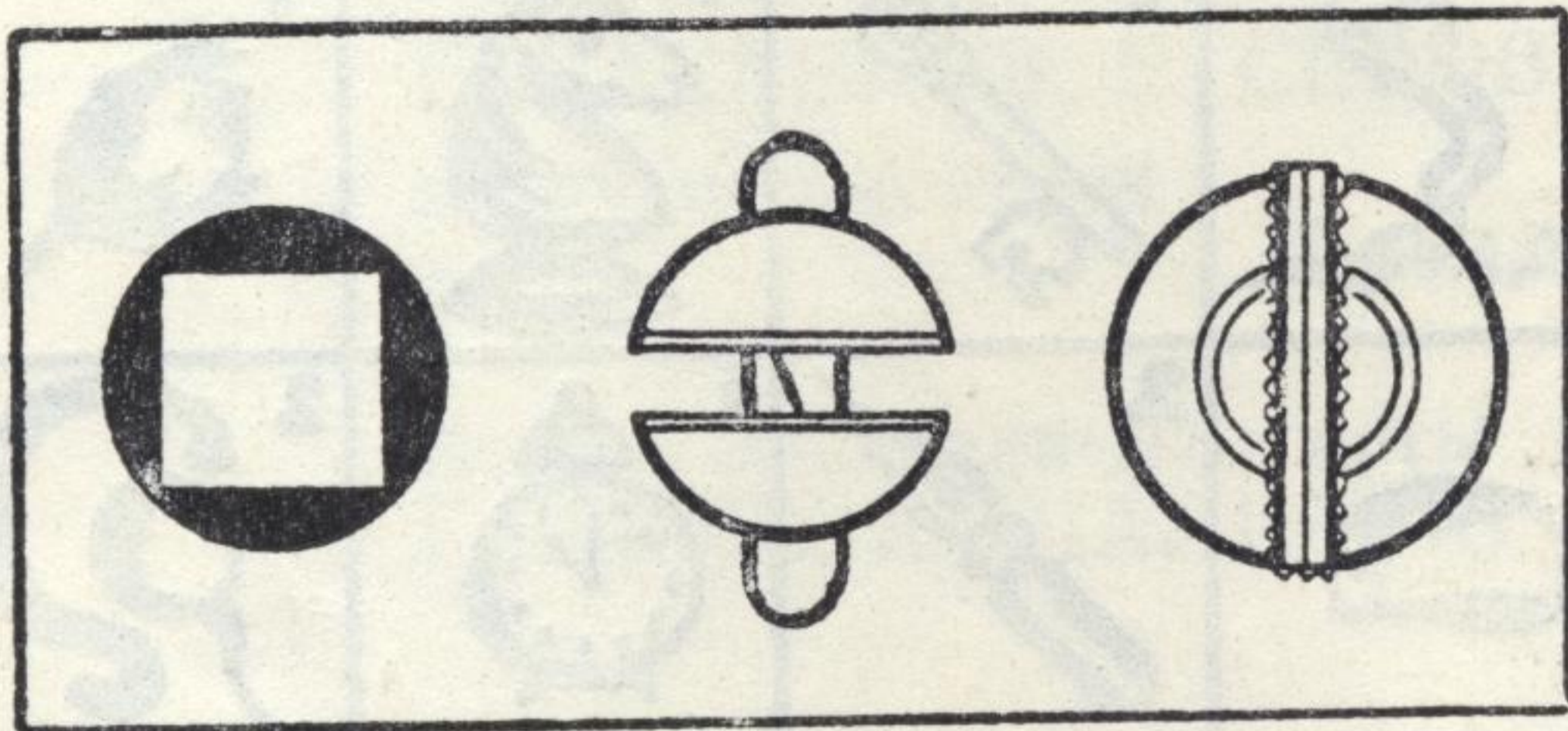
Русская пословица

«Книга — это сосуд, который нас наполняет, а сам не пустеет».

Французская

Прочти названия деревьев

Угадай, что здесь нарисовано?

8

РАЗГОВОР С ЗАЙЦЕМ

— Бедный, бедный я русак,
 Попадаю я впросак,
 Несчастливый,
 И босой,
 И трусливый,
 И косой.
 Мы сказали зайцу так:
 — Зря ты плачешься, русак.
 Ерунда,
 Что бос,
 Не беда,
 Что кос,
 Хорошо,
 Что рус,
 Плохо то,
 Что трус.

Е. Серова

1

СОЛНЦЕ НА ГВОЗДЕ

Висело солнце на гвозде
 В заброшенном чулане,
 И было холодно везде,
 Но только не в чулане.
 И было сумрачно вокруг,
 Но только не в чулане!
 На солнце нежился паук,
 Потая, словно в бане...
 То он подставит солнцу грудь,
 То серенькую спину,
 А ветерок сквозит чуть-чуть,
 Колышет паутину...
 А рядом нежится семья —
 ребята-паучата.
 Не разберешь, где сыновья,
 Племянники, внучата...
 Доволен папа-паучок
 И весь мирок паучий:
 — Отличный выдался денек!
 На небесах — ни тучи!

А. Крестинский
 Рисунок И. Казаковой

4

ПОДАРОК

День рожденья
 у меня.
 Папа
 дарит мне
 КОНЯ,
 мама
 дарит мне
 КОНЯ,
 дарит бабушка
 КОНЯ
 и сестра моя, Алена,
 тоже дарит мне
 КОНЯ.
 Пол дрожит,
 земля трясется,
 по квартире
 КОНЬ несется,
 сто прекрасных лошадей
 замечательных мастей.
 Сто гостей моих
 верхом
 пролетают
 с ветерком.
 Ну и день рожденья!
 Просто наслажденье!

С. Вольф
 Рисунок И. Казаковой

5

КОГДА?

Мальчик Никита любит смотреть по телевизору мультфильмы. Это все хорошо, все замечательно, но...

— А когда будет мультфильм? — спрашивает он утром, проснувшись.

— Будет вечером, — говорит отец.

— А когда будет вечер? — спрашивает он, протирая глаза.

— Когда будет темно.

— А когда будет темно?

— В шесть часов.

— А когда будет шесть часов?

— Когда маленькая стрелка будет на шести, а большая на двенадцати.

— А когда большая будет на двенадцати?

— Когда будет шесть часов.

— А когда?

— Что когда?

— Когда будет мультфильм?

— Будет вечером.

— А когда будет вечер?

— Ведь я говорил.

— Я слышал, но мультфильм когда будет, вот что мне хотелось бы знать...

— Вот, — говорю, — уже и вечера дождался за длинным разговором, пожалуйста, начинается.

Я включаю ему телевизор, а он говорит:

2

Прочти и отгадай загадку-шутку

В. Акентьев

7

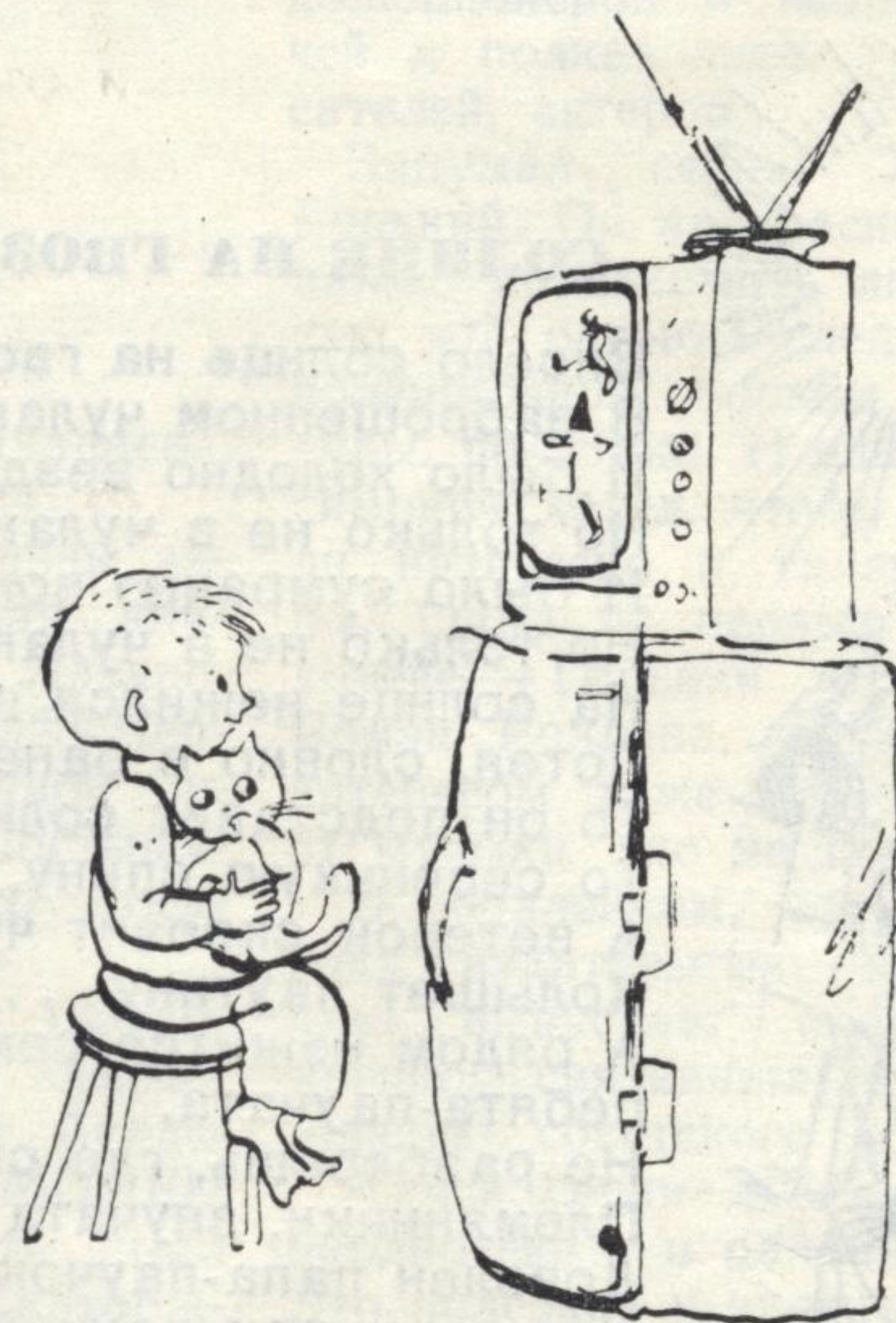
ПЕСНЯ

Ветер
В наш лес
Песню
Донес.
Песню
Пролаял
Охотничий
Пес.
Волк
Эту песню
Провыл
На опушке.
Дружно
Проквакали
Песню
Лягушки.
Лось
Эту песню,
Как мог,
Промычал,
Рысь
Промяукала,
Сом
Промолчал,
Филин
Проухал,
Уж
Прошипел.
А соловей
Эту песню
Пропел.

Г. Сагир

Рисунок И. Ризнича

— Вот это другое дело. Ждать не надо. Это я понимаю.

Он только не понимает, что маленькая стрелка на шести, а большая на двенадцати. Остальное все понимает.

Виктор Голявкин

Рисунок автора

Костёр

ЧТО ЧИТАТЬ В 1968?

Из года в год **„КОСТЕР“** печатает повести, рассказы, сказки, стихи.

„НЫНЧЕ ВСЕ НАОБОРОТ“

...нет-нет, так называется новая повесть Ю. ТОМИНА, с которой вы познакомитесь в начале 1968 года. А рассказы, повести, сказки, стихи пишут для вас С. АРТАМОНОВ, Н. ВНУКОВ, В. ГОЛЯВКИН, И. ДВОРКИН, Я. ДЛУГОЛЕНСКИЙ, И. ЕФИМОВ, А. КРЕСТИНСКИЙ, В. КУРОЧКИН, В. ЛИФШИЦ, Л. МОЧАЛОВ, Р. ПОГОДИН, Г. САПГИР, С. САХАРНОВ, Е. СЕРОВА, Н. СЛЕПАКОВА, Н. ХОДЗА, И. ХОЛИН и другие писатели

КАЖДЫЙ ПО ОТДЕЛЬНОСТИ

А вот писатели-фантасты Г. ГОР, О. ЛАРИОНОВА, БРАТЯ СТРУГАЦКИЕ, А. ШАЛИМОВ и другие пишут новый фантастический роман

ВСЕ ВМЕСТЕ

Представляете себе, сколько там будет приключений!

В 1968

продолжаются **„Беседы у костра“**, призыв **„Познакомьтесь“** познакомит вас с интересными людьми, вы отправитесь в новые путешествия, таинственные и загадочные происшествия расследует вместе с вами КОСТЯ ТЕРКИН

не закроется **„Стол загадок“**

и откроется **„Пионерская кухня“**

школа **„Спринт“**

примет новых учеников, а самых прилежных пригласит на черноморский слет в **„Орленок“**

шахмат-адмирал **Ферзьбери** соберет под свои знамена всех умеющих и неумеющих играть в шахматы и шашки и щедро наградит достойных консультациями,

спортивными разрядами и призами

Веселый Архивариус

пополнит свои архивы

Художники М. БЕЛОМЛИНСКИЙ, В. ВЕТРОГОНСКИЙ, В. ГАЛЬБА, В. БЕСКАРАВАЙНЫЙ, Т. КАПУСТИНА, Г. КОВЕНЧУК, В. КУРДОВ, Н. КУСТОВ, Н. МУРАТОВ, Т. ОБОЛЕНСКАЯ, С. ОСТРОВ, А. ПАХОМОВ, Б. СЕМЕНОВ, А. СКОЛОЗУБОВ, Б. СТАРОДУБЦЕВ нарисуют интересные и веселые картинки

**ТОЛЬКО НЕ ЗАБУДЬТЕ
ПОДПИСАТЬСЯ НА „КОСТЕР“!**

ВЫБОР ПРОЕКТА

В старинном итальянском городе на воде — Венеции — решено было установить памятник героям последней войны. К сожалению, ни один из многочисленных представленных на конкурс проектов памятника не был достаточно хорош. Шли бесконечные споры, какому проекту отдать предпочтение. Дело решило неожиданное предложение любимого венецианцами американского писателя Эрнеста Хемингуэя. Он предложил проект

одного своего соотечественника со словами: «Этот по крайней мере не жалко будет сломать!»

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СТРАННОГО ВЕРБЛЮДА

Неспроста знаменитый итальянский художник эпохи Возрождения Паоло Ди Доно известен более как Паоло Учелло. Учелло — по-итальянски «птица». Действительно, не было равных Паоло Учелло в искусстве рисовать птиц и животных.

Один знатный и богатый флорентинец вздумал заказать Паоло Учелло роспись потолка на тему: четыре стихии — земля, вода, огонь и воздух. Стихию земли должно было символизировать изображение подземного жителя — крота, воду — рыбы, огонь олицетворяла саламандра (в то время верили, что саламандры не горят в огне), а воздух — хамелеон, про которого существовало поверье, что он питается воздухом.

Крот и рыба были хорошо известны художнику. Изображения саламандр ему также приходилось видеть. А вот когда заказчик дошел до хамелеона, о котором не слишком образованный Паоло слыхом не слыхивал, вышла путаница. Учелло решил, что речь идет о... верблюде. Ведь итальянские слова «хамелеоне» (хамелеон) и «камеле» (верблюд) так похожи! Он спокойно выслушал сведение, что «хамелеоне» питается воздухом, и принялся за работу..

И несколько столетий подряд над головами изумленных зрителей, приезжавших во Флоренцию полюбоваться прекрасной росписью Учелло, парил раздувшийся, как воздушный шар, верблюд.

ВРАЧИ, КАК ВСЕГДА, ПРАВЫ

Еще не так давно, друзья, мы с вами с волнением следили за изумительным путешествием отважного англичанина Фрэнсиса Чичестера, который в одиночку на крохотной яхте сумел обогнуть земной шар. Трудности и лишения, которым подвергался пожилой мореплаватель, сделали свое дело — сразу же по возвраще-

нии в Плимут Чичестеру на некоторое время пришлось лечь в больницу на исследование. Говорят, услышав приговор врачей, моряк расхохотался. И было от чего. Врачи посоветовали: диетическое питание, полный покой и, желательнее, морское путешествие!

На последней странице обложки помещена выставка «Яблочко».

По условиям выставки читатели ставят художникам отметки и присылают их в редакцию.

Художника, собравшего лучшие отметки, в конце года ждет приз.

На обложке рисунок И. Харкевича

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Рукописи не возвращаются

Корректор В. А. Маевская

Технический редактор
А. А. Двораковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А4-57-76

М-16410.

Подписано к печати 11/IX 1967 г.

Формат 84×108¹/₁₆.

Печ. л. 8+1.

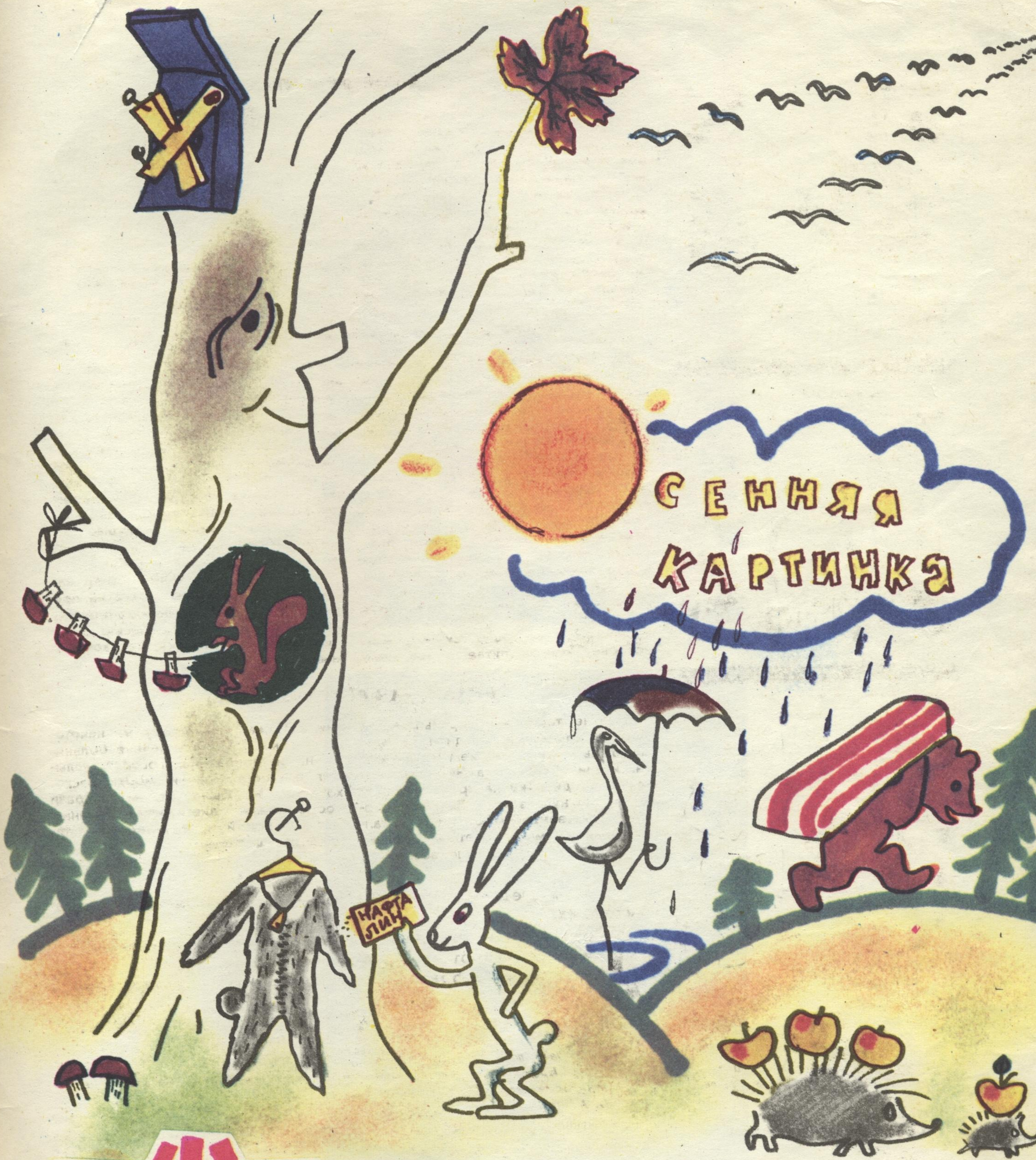
6,36 усл. л., 8,8 уч.-изд. л.

Тираж 330 000 экз.

Заказ № 820.

Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29. Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

СЕННЯЯ
КАРТИНКА

НАСТА
ЛЯЦ

Выпуск № 6
РИСУНКИ
Г. КОВЕНЧУКА

„ЯБЛОЧКО“
Выставка юмористов и сатириков

Темноволосый. проезд 8-4

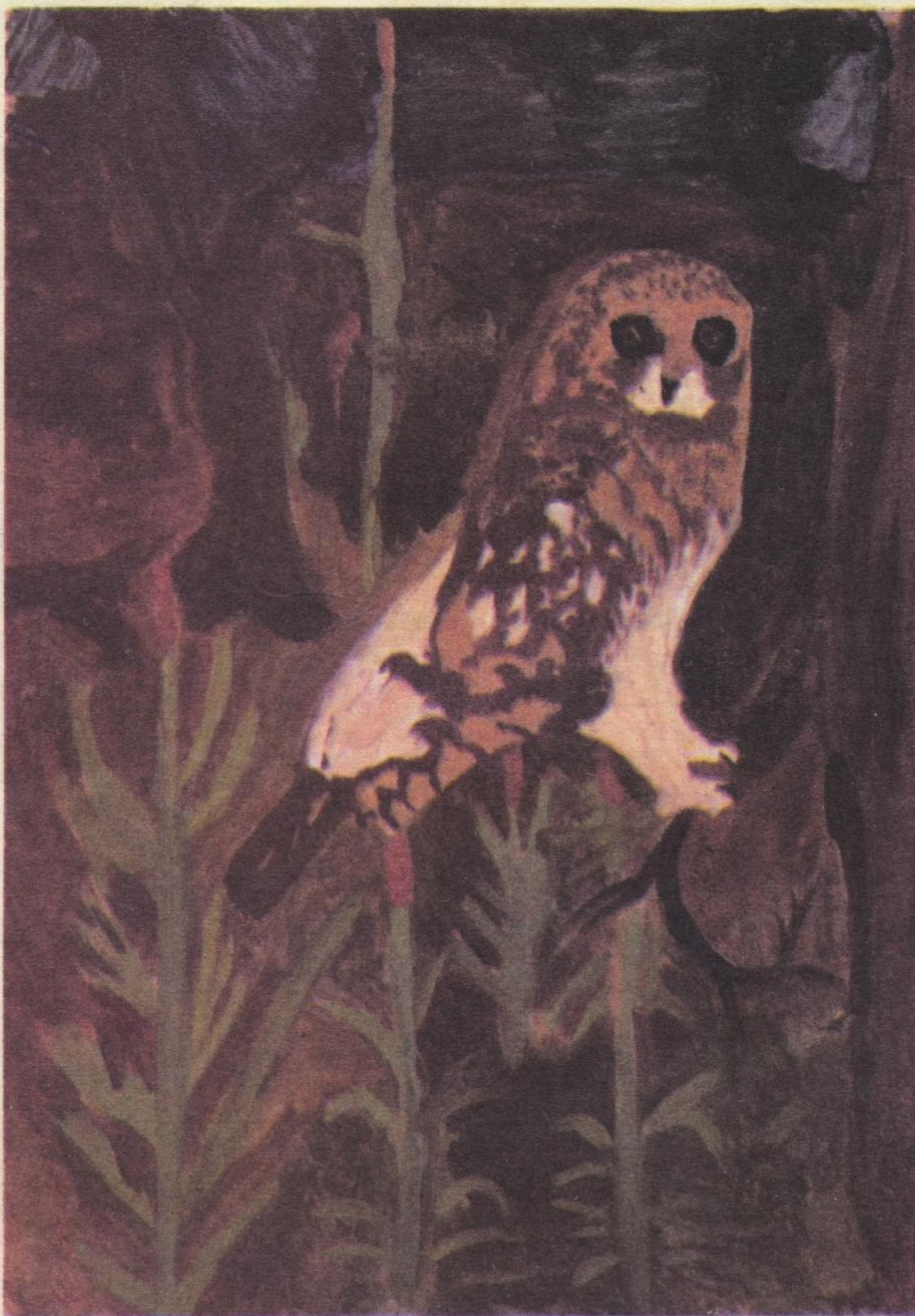
25 к.

Роднику

ЛЕВ

Павлик Кумачев, 8 лет

БОЛОТНАЯ СОВА

Саша Калюжный, 10 лет